ЭРНЕСТЪ ДЕНИ

ВОЗРОЖДЕНІЕ ЧЕХІИ

„НАША РѢЧЬ"
ПРАГА 1922

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

943.71
D41bR

Digitized by the Internet Archive
in 2014

http://archive.org/details/vozrozhdeniechek00deni

ВОЗРОЖДЕНІЕ ЧЕХІИ.

Типографія „Политика“ въ Прагѣ.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА.

№ 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЭМ. РАДЛЯ, ПРОФ.
ПРАЖСК. УНИВ. И БОРИСА СОКОЛОВА

ЭРНЕСТЪ ДЕНИ
ПРОФЕССОРЪ СОРБОННСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ВОЗРОЖДЕНІЕ ЧЕХІИ

ИЗЪ КНИГИ
»ЧЕХІЯ ПОСЛѢ БѢЛОЙ ГОРЫ«

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„НАША РѢЧЬ“
ПРАГА, 1922
EDITION »NAŠA RJEČ«, PRAGUE II.,
KATEŘINSKÁ 40.

943.71
D41b-R

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Интересъ къ Чехословакіи, къ ея культурѣ и къ ея внутренней жизни, наблюдаемый нынѣ у русскихъ, у тѣхъ изъ нихъ, кто является невольнымъ гостемъ славянскихъ странъ, вполнѣ понятенъ. Но еще болѣе понятно желаніе удовлетворить этотъ интересъ. Предпринятое съ этой цѣлью издательствомъ „Наша Рѣчь" русское изданіе Культурно-исторической библіотеки, посвященное прошлому и настоящему чехословацкаго народа, несомнѣнно вызоветъ не только большой интересъ со стороны русскихъ читателей, но и послужитъ къ вящшему укрѣпленію дружбы, донынѣ разрозненныхъ славянскихъ народовъ.

Настоящее народа, его психологія, его душа, становятся понятнѣе и яснѣе, когда изучаешь его прошлое, его исторію. И это положеніе особенно примѣнимо къ чехословакамъ, славянскому народу, болѣе другихъ славянъ находящемуся подъ вліяніемъ Европы.

Изученіе народа надо начинать съ его исторіи.

Книгой, которая чрезвычайно широко и въ то же время ярко и популярно освѣщаетъ именно исторію

Slavic

чешскаго народа, является „Возрожденіе Чехіи“ — извѣстнаго французскаго профессора Эрнеста Дени.

Ея достоинство не только въ детальномъ знакомствѣ автора со всѣми сторонами чешской исторіи, но и въ анализѣ, блестящемъ, глубоко методическомъ, который даетъ Дени на страницахъ своей книги, событіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ Чехіи.

Книгѣ Дени нами предпослана краткая біографія послѣдняго, данныя для которой любезно были намъ предоставлены вдовой покойнаго, г-жей Дени, за что мы считаемъ нужнымъ выразить ей нашу живѣйшую благодарность.

Э. Р. и Б. С.

ЭРНЕСТЪ ДЕНИ.*)
(1849—1921).

5-го января 1921 г. вся Чехословакія была въ траурѣ. Всюду траурные флаги, закрытыя школы и гимназіи, газеты, вышедшія съ черной каемкой. И этотъ глубокій трауръ, который обычно является удѣломъ только великихъ людей страны, былъ отнюдь не по чеху или словаку, онъ былъ объявленъ по поводу смерти иностранца, француза, по поводу смерти Эрнеста Дени.

* * *

И объясненіе этому необычайному обстоятельству надо искать въ жизни Дени, посвященной болѣе Чехословакіи, чѣмъ Франціи.

„Онъ былъ не только другъ Чехіи, не только ея защитникъ, Дени былъ однимъ изъ тѣхъ, кто помогалъ созданію независимой республики". — Десятки лѣтъ своей жизни онъ посвятилъ тому, чтобы помочь

---

*) *Болѣе подробныя данныя о Эрн. Дени можно найти въ блестяще написанной статьѣ R. Allier, см. La Semaine Litteraire 29/I и 5/II №№ 1413 и 1414.*

чехословацкому народу выбраться изъ рабства и зависимости.

И поэтому трауръ былъ не только оффиціальнымъ ознаменованіемъ происшедшей смерти, но горемъ подлиннымъ и искреннимъ всего чешскаго народа.

Чехи потеряли своего друга. Одного изъ тѣхъ немногочисленныхъ друзей, что не покидали ихъ въ самые тяжелые и ненастные дни ихъ вчерашней жизни.

Эрнестъ Дени родился въ Nimes 3-го января 1849 г. Онъ происходилъ изъ гугенотской семьи, что наложило на всю жизнь его отпечатокъ свободомыслія и независимости въ сужденіяхъ.

Въ 1867 г. онъ поступаетъ въ гимназію. Это было время, когда республиканскія идеи все шире и шире захватываютъ широкіе слои интеллигенціи, протестующей и недовольной имперіей. И онъ, уже прибывшій въ Парижъ съ настроеніемъ республиканца, укрѣпилъ его и расширилъ за время своей гимназической жизни.

Франко-Прусская война, которую онъ провелъ въ качествѣ волонтера 7-го пѣхотнаго полка, пробудила въ немъ желаніе „культурнаго строительства на благо своей разрушенной и побѣжденной родины“.

Въ 1872 году Дени, получивъ стипендію французскаго министерства народнаго просвѣщенія, ѣдетъ въ Чехію въ научное путешествіе. Онъ пріѣхалъ въ Прагу какъ разъ въ то время, когда, подъ вліяніемъ торжествующей Германіи, Францъ Іосифъ отбиралъ отъ Чешскаго Королевства остатки автономіи, позабывъ и отказавшись отъ своихъ обѣщаній.

Здѣсь, въ столицѣ Чехіи, Дени знакомится съ великимъ чешскимъ историкомъ Фр. Палацкимъ, который такъ много помогъ ему въ познаніи судебъ чешскаго народа. Благодаря Палацкому его раціонализмъ, заложенный еще въ гимназіи, получаетъ свое завершеніе, становясь для него больше чѣмъ методомъ въ работѣ: дѣлается привычкой всей души.

Первой исторической работой Дени, имѣвшей большой и заслуженный успѣхъ, была его книга „Янъ Гусъ и война гуситовъ", книга, которая показываетъ особенно наглядно, какъ реакціонная Австрія не могла простить первымъ реформаторамъ ихъ желанія защищать принципы совѣсти и свободы.

Сначала ученикъ Палацкаго, Дени становится потомъ его послѣдователемъ, закончивъ начатую своимъ учителемъ работу. Ибо цензурныя условія, существовавшія въ то время въ Австрійской Имперіи, мѣшали Палацкому писать искренно и откровенно о событіяхъ чешской исторіи. И онъ остановился на 1526 году. Его невольное вынужденное молчаніе было нарушено его ученикомъ, который, какъ французъ, смогъ открыть и безбоязненно сказать всю правду чешскому народу, правду объ его притѣснителяхъ, вскрывъ самую сущность гуситскаго движенія.

* * *

Надо ли послѣ сказаннаго объяснять, почему Дени, еще задолго до большой войны, былъ уже столь популяренъ въ Чехіи? И не удивительно, что австрій-

ская власть хорошо поняла все революціонное значеніе его книги „Конецъ Чешской независимости“, конфисковавъ первые выпуски послѣдней. Ибо эта книга, путемъ критики ошибокъ и заблужденій, которыя имѣли мѣсто въ политикѣ, проводимой угнетателями въ Чехіи, помогала развитію политическаго самосознанія націи, ея возрожденію.

* * *

Объявлена война. Дени, понявъ, что настало время для активной борьбы за чешскую независимость, былъ въ числѣ тѣхъ, кто настаивалъ на образованіи правительствъ порабощенныхъ народностей. И для пропаганды идеи чешской независимости онъ издаетъ съ 1915 года журналъ, въ которомъ былъ напечатанъ манифестъ, заключительныя слова котораго лучше всего обрисовываютъ программу и заданія этого журнала:

„Независимость Чехіи будетъ символомъ тріумфа программы, начертанной союзниками: разрушеніе германскаго имперіализма, признаніе принципа самоопредѣленія народовъ, равноправіе всѣхъ народовъ въ мірѣ.

И Дени, вмѣстѣ съ Масарикомъ 6 іюля 1915 г. въ Женевѣ, въ день пятисотлѣтія со дня сожженія Яна Гуса, принимаетъ активное участіе въ той демонстраціи, которая была по существу своему объявленіемъ войны Австро-Германіи со стороны чешскаго народа.

Дени не ограничивался изученіемъ чешскаго народа, ему были также близки сербы и другіе славяне, кото-

рые въ свою очередь относились къ нему съ уваженіемъ, глубочайшимъ и заслуженнымъ. И логическимъ завершеніемъ всей его научной жизни явилось созданіе имъ въ Парижѣ „Institut d'Etudes Slaves" сейчасъ же послѣ войны — войны, которая освободила отъ австрійскаго ига славянскія народности, поставила на очередь детальное и спокойное изученіе ихъ культурной жизни и ихъ исторіи.

* * *

Въ самый расцвѣтъ своей славы, окруженный вниманіемъ благодарнаго ему чехословацкаго народа, въ дни, когда онъ могъ видѣть реализацію своихъ желаній, Дени, послѣ долгой, все усиливавшейся болѣзни, умеръ въ Парижѣ 5-го января 1921 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Великіе періоды чешской исторіи въ XIX в. — „Воскресители“ народа: Общество наукъ. Добнеръ, Пелцлъ, Добровскій, основатель славянской филологіи. Юнгманнъ, создатель современной чешской литературы. — Создатели чешской поэзіи: Пухмайеръ, Крамеріусъ.

Исторія славянскаго возрожденія въ Чехіи дѣлится на три довольно рѣзко ограниченныхъ другъ отъ друга періода. Съ 1780 по 1815 г. преобладаютъ раціоналистическія идеи, идущія тѣмъ или инымъ путемъ изъ Франціи. Вожди чешской мысли этой эпохи — Вольтеръ и Лессингъ — вдохновляютъ представителей чешскаго народа, руководящихъ всѣмъ движеніемъ, Добровскаго и Юнгманна.

Стремленія патріотовъ перваго періода скромны. Ибо они не особенно увѣрены, что ихъ родной языкъ не обреченъ на исчезновеніе. Они только хотятъ помочь своимъ согражданамъ выйти изъ закоснѣлости и невѣжества. Они не хотятъ вѣрить тому, что лучшій способъ учить народъ — это

говорить съ нимъ на чужомъ языкѣ; у нихъ широкій, ясный умъ, они сожалѣютъ о заблужденіяхъ и фанатизмѣ Іосифа II, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ все наличіе его доброй воли; они остаются чуждыми мистицизму и, если и ищутъ укрѣпленія въ идеѣ о Московскомъ величіи, то все же они скорѣе чехи, чѣмъ славяне.

Подъ вліяніемъ Гердера, Гете и нѣмецкаго романтизма у слѣдующаго поколѣнія (1815—1840) стремленія становятся болѣе смутными и грандіозными.

Колларъ и Шафарикъ создаютъ литературный панславизмъ. Это движеніе широко распространяется, воспламеняетъ души. Настаетъ время безпредѣльныхъ мечтаній и такихъ же разочарованій.

Къ счастью, послѣ 1848 г. Палацкій и Гавличекъ вновь приводятъ мысль народа на путь болѣе ясный и опредѣленный, они намѣчаютъ программу работы, указывая на необходимость систематическихъ усилій.

*

Послѣ 1860 г., мы выходимъ изъ эпохи героической и періода литературы: чехи укрѣпили языкъ и собрали свой народъ; стало совершенно яснымъ, что дальнѣйшая германизація невозможна и даже самые ярые централисты должны были отказаться отъ мысли видѣть славянъ уничтоженными. Теперь уже не поднимается больше вопроса о созданіи національности, но говорится объ оффиціальномъ признаніи ея, о завоеваніи ей въ государствѣ по-

добающаго ей мѣста. Отнынѣ писатели уступаютъ первое мѣсто политикамъ. Единство, поддерживавшееся во время борьбы съ непріятелемъ, нарушается, какъ только миновала опасность. Образуются политическія партіи, возникаютъ различныя теченія, отражающія болѣе или менѣе ясно колебанія европейской мысли. Періодъ бури и натиска миновалъ, народъ вновь рожденный, ставшій однимъ изъ существенныхъ факторовъ австрійской политической жизни, подчиняется отнынѣ общимъ условіямъ борьбы за существованіе. Вопросы, которые сейчасъ волнуютъ умы въ Прагѣ, кажутся незначительными по сравненію съ тѣми, что выдвигались въ началѣ вѣка, когда каждое дуновеніе вѣтра могло погасить слабое пламя національной жизни.

Но никто не станетъ буквально понимать сдѣланныя выше раздѣленія. Вліяніе романтизма началось гораздо раньше 1815 г., и исчезло оно не тотчасъ послѣ 1840 г. Добровскій пережилъ эпоху раціонализма, а главныя произведенія Юнгманна написаны гораздо позднѣе, когда проникли уже идеи Гердера; Палацкій, одинъ изъ вождей реакціи противъ романтизма, весь проникнутъ доктринами послѣдняго.

Эпоха — только моментъ въ жизни народовъ, и идеи ее, характеризующія — лишь переходъ отъ убѣжденій вчерашняго дня къ убѣжденіямъ завтрашняго; самые яркіе революціонеры всегда влекутъ словно разбитыя оковы теоріи, воспи-

тавшія ихъ дѣтство, а умы наиболѣе консервативные увлекаются потокомъ времени.

Основныя теченія въ дѣйствительности слагаются изъ тысячи противорѣчій; задача біографовъ и заключается въ томъ, чтобы показать намъ, какъ различныя вліянія комбинируются и отражаются въ произведеніяхъ писателей. Всеобщая исторія вынуждена пренебрегать деталями и довольствоваться приблизительной правдой, подобно картамъ большого масштаба, которыя пропускаютъ извивы рѣкъ и очертанія береговъ, имѣя цѣлью лишь отмѣтить правильное ихъ положеніе.

Въ этомъ смыслѣ чешское возрожденіе ясно представляется намъ сперва, какъ критическое и раціоналистическое, затѣмъ, какъ сентиментальное, романтическое и панславистское, наконецъ, — реалистическое и политическое. Оно повторяетъ въ главныхъ чертахъ движеніе мысли въ Германіи, которая идетъ отъ Лессинга къ Гете и къ Молодой Германіи, а затѣмъ переходитъ въ руки дипломатовъ и генераловъ.

Корифеи чешскаго возрожденія — прежде всего глубоко-вѣрующіе, нѣкоторые изъ нихъ — апостолы, но это еще не значитъ, что произведенія ихъ имѣютъ вѣчную цѣнность. Чешскій шовинизмъ скорѣе ослабляетъ ихъ значеніе, домогаясь для нихъ иной славы, чѣмъ та, которая принадлежитъ имъ по праву. Они прежде всего пробудили національное сознаніе у чеховъ и сумѣли подготовить себѣ замѣстителей, которые ихъ превзошли.

Многіе изъ нихъ были историками или филологами, т. е., иначе говоря, труды ихъ сами по себѣ имѣли преходящую цѣнность. Литераторамъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова, приходилось жить и работать въ условіяхъ настолько неблагопріятныхъ, что исключалась совершенно возможность появленія произведеній дѣйствительно замѣчательныхъ. Жизнь могла лишь толкать лучшихъ, наиболѣе талантливыхъ къ проповѣди патріотизма, столь необходимой, къ проповѣди часто удивительной по своей убѣжденности и порыву, но представляющей собой полную противоположность по сущности своей классическому произведенію. Ибо одно изъ условій послѣдняго — обязательное сохраненіе общаго, отвлеченнаго характера.

Конецъ этого столь опредѣленнаго направленія надо искать въ причинахъ, вызвавшихъ его: вѣдь искусство только претворяетъ дѣйствительность силой ума, оно предполагаетъ личность, ярко отмѣченную, которая теряетъ всякую цѣнность, если начинаетъ преслѣдовать цѣли слишкомъ конкретныя.

И мы видимъ, что когда національная идея глубже закрѣпляетъ свои корни, чешскіе писатели постепенно отходятъ отъ повседневныхъ заботъ и вопросовъ, становятся больше артистами, меньше патріотами, они начинаютъ болѣе своихъ предшественниковъ пользоваться литературнымъ опытомъ, ихъ языкъ становится яснѣе, жизненнѣе, красочнѣе. И сейчасъ нѣтъ юноши, который бы не писалъ стиховъ съ большей ловкостью, чѣмъ это

дѣлалъ Колларъ. Впрочемъ, предтечи не могли имѣть иного стремленія, какъ соз ,ать такое положеніе, которое позволило бы талантамъ ихъ преемниковъ развернуться въ полной мѣрѣ, и духъ, скинувъ парализовавшіе его оковы, могъ бы творить, привлекая вниманіе всего міра и заслуживая своему народу полное признаніе его правъ.

Удача была быстрой. Она всегда сопутствуетъ народамъ, не потерявшимъ чувства свободы и независимости, и слава чешскихъ композиторовъ, напримѣръ, уже перешла далеко за предѣлы ихъ родины.

*

Изъ трехъ великихъ періодовъ чешскаго возрожденія, первый оцѣнивается до извѣстной степени несправедливо; его герои забыты, иногда оклеветаны, какъ Юнгманнъ, и часто не поняты, какъ Добровскій.

Эта несправедливость объясняется возвратомъ романтизма, съ которымъ связанъ конецъ XIX в.*)

*) Направленіе это имѣетъ яркаго представителя въ лицѣ профессора пражскаго университета — Масарика.

Масарикъ, обладающій широкимъ умомъ, имѣетъ передъ страной немало заслугъ, онъ первый посмѣлъ возстать противъ идиллическихъ и агіографическихъ стремленій, которыя могли бы совершенно исказить исторію XIX в. и ослабить его страну. Но, несмотря на флагъ реализма, который Масарикъ поднялъ, онъ весь проникнутъ доктринами идеализма и является прямымъ послѣдователемъ Гердера и Мицкевича. Онъ вѣритъ въ особую миссію, уготованную чешскому народу, и увлекаетъ своей идеей людей, которые иначе никогда не выбрали бы его своимъ вождемъ.

Но суровость этого общественнаго приговора лишь временная, и исторія поставитъ конечно въ первые ряды Добровскихъ и Юнгманновъ не только за то, что они первые указали новый путь, что уже важно само по себѣ, но и за ихъ выдающіяся качества ума и характера, за широту ихъ генія и за ихъ уравновѣшенность. Менѣе проникнутые иностраннымъ вліяніемъ, чѣмъ послѣдующее поколѣніе, они сами черпаютъ изъ чистаго національнаго источника. И каждый разъ, когда чешскій народъ ищетъ путей среди тревогъ и сомнѣній жизни, онъ можетъ съ полнымъ довѣріемъ обратить къ нимъ свой взоръ и у нихъ искать указаній.

Въ то время три вещи были особенно важны: возстановить историческія традиціи, которыя терялись въ туманѣ вѣковъ и не были достаточно обоснованными, чтобы на ихъ утвержденіи можно было перестраивать политическую программу; возобновить по древнимъ памятникамъ и на основаніи научнаго метода языкъ, испорченный гораздо меньше невѣжествомъ народа, чѣмъ нелѣпыми выдумками псевдо-ученыхъ, неспособный отвѣчать на запросы культурной націи; наконецъ, надо было, возбудивъ въ народѣ интересъ къ его родной рѣчи и къ его прошлому, дать прочное основаніе направленію мысли, которое легко могло бы перейти въ свободное творчество.

Эта тройная работа: возстановленіе исторіи, возрожденіе филологіи и политическая пропаганда связана съ именами Добровскаго, Юнгманна и Кра-

меріуса. Она не исчерпываетъ полностью ихъ заслугъ и, конечно, не закрѣпляетъ каждаго изъ нихъ въ какой-либо опредѣленной области.

Добровскій, слава котораго преобладаетъ въ первомъ періодѣ, принадлежитъ къ группѣ ученыхъ, которые собрали вокругъ себя къ концу XVIII в. нѣсколькихъ дворянъ, какъ Антоній Ностицъ, а позднѣе Іосифъ Кинскій, которымъ близки были интересы науки и искренняя преданность чешскимъ традиціямъ. Къ 1770 г. ихъ собранія становятся все регулярнѣе, диспуты и доклады замѣняютъ разговоры, и салонъ принимаетъ характеръ Академіи.*)

Тамъ можно было встрѣтить просвѣщенныхъ вельможъ, профессоровъ университета, сановниковъ, монаховъ и священниковъ. Многіе изъ нихъ франкъ-масоны, большинство — деисты. У нихъ у всѣхъ широкіе взгляды, имъ чуждо суевѣріе и нетерпимость. Они не захвачены всецѣло вопросомъ о значеніи опредѣленной расы, имъ только ясно одно — полная германизація Чехіи закончится не раньше, какъ черезъ нѣсколько вѣковъ, и ихъ только печалитъ жалкая участь народа. Между собой они говорятъ почти исключительно по-нѣмецки, у нихъ нѣтъ ненависти къ Германіи. Теорія „культурнаго народа“, народа, избраннаго Богомъ для распространенія въ мірѣ правды и цивилизаціи,

*) Это будущее Общество Наукъ (Společnost Nauk), которое оффиціально открылось въ Прагѣ въ 1784 г. и которое въ продолженіе всего XVIII в. являлось центромъ всей интеллектуальной жизни Чехіи.

еще не родилась, и никто поэтому не чувствовалъ потребности протеста противъ нея. Они не особенно вѣрятъ въ возможность измѣнить теченіе, вѣками несшее Чехію, или пріостановить окончательное поглощеніе расы. Ихъ за это упрекаютъ, что кажется страннымъ, такъ какъ немало надо мужества, чтобы посвятить себя на служеніе народу, обреченному на вѣрную смерть.

Ихъ пессимизмъ основывался на высочайшей добродѣтели — они понимали и любили правду. И если и у нихъ были слабости, — легкое тщеславіе, иногда дѣтское самолюбіе, то зато они всегда боялись лжи. Имъ былъ бы непонятенъ благочестивый обманъ, и достоинство ихъ возмутилось бы обманомъ и лицемѣрнымъ патріотизмомъ.

Ихъ работа, исключительно научная, отмѣчена серьезностью изслѣдовательскихъ усилій и глубиной исканій. Когда перелистываешь изданія Общества Наукъ съ 1771 г., поражаешься, сколько тамъ упорнаго труда и тщательныхъ изысканій. При выходѣ изъ долгаго періода невѣжества и рабства, на которыя была обречена Чехія, ничто не могло ей быть полезнѣе подобнаго прохожденія сквозь суровую школу, закалившую волю и отточившую умъ*).

*

*) Среди лицъ, оставившихъ значительные труды, надо назвать Николая *Фойгта* (Mik. A.Voigt) (1733—1787) піариста, основателя чешской нумизматики; его Acta litteraria Bohemiae et Moraviae — цѣнный вкладъ въ исторію чешской литера-

Среди этихъ собирателей и ученыхъ Добнеръ и Пельцль имѣютъ особое значеніе, первый за остроуміе и смѣлость своихъ взглядовъ, второй за высоту подвига, которому онъ училъ.

„Добнеръ*) положилъ конецъ неправдамъ“, горячо писалъ о немъ одинъ изъ его современниковъ. Этотъ піаристъ былъ очень смѣлымъ критикомъ, и всю свою жизнь посвятилъ колоссальному и кропотливому труду.

До него писатели думали, что составленіе исторіи заключается въ томъ, чтобы благоговѣйно передавать то, что было уже раньше сказано всѣми предшественниками. Добнеръ первый спросилъ

туры. — *Корнова* (Cornova Ignác) (1740—1822) іезуитъ, франкъ-массонъ, одна изъ любопытнѣйшихъ личностей Праги того времени: перевелъ съ нѣмецкаго и комментировалъ Странскаго. — *Унгаръ* (Ungar K.) (1743—1807) организаторъ университетской библіотеки. — *Длабачъ* (Dlabač Jan B.) (1753—1830), какъ о томъ свидѣтельствуютъ современники, отличался необыкновенною добросовѣстностью и трудолюбіемъ. — *Дурихъ* (Durych V. F.) (1735—1802), одинъ изъ наиболѣе видныхъ ученыхъ, основатель славянскихъ изученій въ Чехіи. — Францискъ *Прохазка* (Procházka F. F.) (1749—1809) перевелъ вмѣстѣ съ Дурихомъ Библію на чешскій языкъ.

Можно бы прибавить къ этому перечню многочисленныхъ математиковъ, астрономовъ и т. д.

*) Геласій *Добнеръ* (Gelasius Dobner) (1719—1790) піаристъ. Главный его трудъ (1752—1786) „Wenceslai Hagek a Liboczan Annales Bohemorum“, въ шести томахъ, въ которыхъ онъ изслѣдуетъ автора и сравниваетъ его разсказы съ источниками. Его „Monumenta historiae Bohemiae“ (1764—1785), несмотря на всѣ свои недостатки, оказали также и немало цѣнныхъ услугъ.

на чемъ основанъ авторитетъ тѣхъ, кого принимали на вѣру, сравнилъ источники, изслѣдовалъ ихъ происхожденіе.

Многія изъ его диссертацій — образчики тонкости и ума.

Его критическія сочиненія сдѣлали возможной работу тѣхъ, кто послѣ него старался замѣнить разсказомъ, основанномъ на документахъ — романтическія легенды.

Но вліяніе его личности значительно превосходитъ его труды. Онъ вызвалъ въ Чехіи новое направленіе и въ странѣ Коніаша (Koniáš, 1691—1760, іезуитскій писатель) возродилъ исканіе и уваженіе къ правдѣ.

Пельцль, который несомнѣнно превосходитъ его, какъ знатокъ палеографіи, не можетъ равняться съ нимъ по силѣ и глубинѣ мысли, но онъ умѣлъ ближе подойти къ народу*).

Во всѣ времена историки были глашатаями патріотизма. Въ своихъ источникахъ они чувствовали жизнь извѣчной души народа, цѣлостность

---

*) Францискъ Марг. *Пельцль* (Pelcl Fr. M.) (1734—1801), занятый образованіемъ дѣтей графа Ностица (1769), имѣлъ благодаря этому возможность войти въ сношенія съ ученымъ міромъ Праги; онъ былъ первымъ профессоромъ, призваннымъ на кафедру чешскаго языка, созданную при пражскомъ университетѣ (1793). Главные труды его: „Geschichte der Böhmen“, „Gelehrte und Schriftsteller aus dem Orden der Jesuiten“ (1786), „Geschichte der Deutschen und ihrer Sprache in Böhmen“ (1788) и, наконецъ, его Новая Чешская Хроника (Nowá Kronyka Czeská) (1791), написанная по-чешски.

которой они наблюдаютъ, несмотря на все переживаемое послѣднимъ. И развѣ можно перенести мысль, что нація, горестями и радостями которой они жили, обречена на скорую смерть? Какъ не пытаться отклонить отъ нея эту ужасную катастрофу!

*

Пельцль, который въ 1784 г. считалъ невозможнымъ писать книгу по-чешски, издалъ уже въ 1791 г. свою „Новую чешскую хронику“, написанную научно, но чрезвычайно популярнымъ языкомъ, что обезпечило ей прочный успѣхъ.

И много лѣтъ спустя, молодежь, заблудившись въ горахъ, стучалась въ уединенную хижину.

„Кто тамъ?“

„Студенты. Студенты изъ Рыхнова.“

„Слава, слава! Рыхновъ — славный городъ. Онъ далъ намъ Пельцля.“

Крестьянинъ — одинъ изъ самоучекъ, сохранившихъ любовь къ національной литературѣ, любезно принялъ гостей, которыхъ ему рекомендовало имя историка. Долго говорили о Чехіи, ея прошломъ. „Да, лучше было, когда жили они, — тѣ, которые носили на головѣ корону Вацлава или Карла IV, когда жили они въ Прагѣ, матери всѣхъ городовъ, да, когда жили тѣ, о которыхъ намъ пишетъ Пельцль... Ну, а теперь... эхъ, ребята, выпьемъ за счастливую будущность народа.“ —

Такъ подготовлялся союзъ ученыхъ съ народ-

ной массой, который является интереснѣйшей чертой въ исторіи современной Чехіи.

Эта первоначальная школа возглавлялась Добровскимъ, и я не думаю, чтобы за все столѣтіе нашелся хотя бы одинъ человѣкъ, котораго можно было бы ему приравнять.

*

Добровскій*) случайно родился въ Венгріи. Его предки были чехи, и онъ всегда считалъ себя „чехомъ по рожденію — славяниномъ по языку". Очень бѣдный, какъ и большинство изъ ставшихъ въ королевствѣ св. Вацлава вождями народа, онъ былъ обязанъ лишь счастливому случаю возможности завершить свое образованіе. Преподаватели пражскаго университета посвятили его въ научные методы, которые примѣнялись въ Германіи Аделунгомъ и Шлецеромъ. И онъ всегда открыто признавался въ благодарности иностраннымъ уче-

*) Іосифъ *Добровскій* (Dobrovský Jos., 1753—1829) поступилъ въ орденъ іезуитовъ (1772), продолжалъ свое ученіе въ Прагѣ, послѣ закрытія Ордена. Будучи воспитателемъ дѣтей графа Ностица (1776—1787), онъ издаетъ изслѣдованіе Евангелія Св. Марка (1778) и основываетъ различные литературные журналы. Посвященный въ священнослужители, ставъ директоромъ главной Семинаріи въ Градищѣ, онъ предпринимаетъ длительное путешествіе для научныхъ изслѣдованій сѣвера и востока Европы (1792). Страдаетъ временами съ 1795 г. нервной болѣзнью, которая доходитъ даже до психическаго разстройства. Эпохѣ 1795—1810 гг. принадлежатъ его главные труды по филологіи. Въ 1806 г. онъ основалъ журналъ Славинъ (Slavín), а въ 1813 г. — Словянка (Slovanka).

нымъ, которые намѣтили ему путь. Подобно Гусу и Коменскому, онъ не былъ склоненъ къ зависти или неблагодарности, онъ былъ настоящимъ сыномъ великодушнаго XVIII в., столь близкаго идеямъ гуманности и братства.

Онъ началъ свое ученіе у іезуитовъ, не отказываясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ свободы нравственной. И впослѣдствіи, онъ принялъ не колеблясь управленіе семинаріей, гдѣ онъ примѣнялъ методы Іосифа II, доказывая, что знаменитая пражская рукопись, приписываемая Св. Марку, не могла принадлежать Евангелисту, такъ какъ, во-первыхъ, апостолы не знали латыни, а во-вторыхъ, рукопись съ очевидностью относилась къ IX столѣтію (1778).

Онъ ненавидѣлъ гнетъ и насилія во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, особенно же насилія надъ совѣстью.

„Мы должны стыдиться, говорилъ онъ, преслѣдованій, которыя начались послѣ событій на Бѣлой Горѣ, стыдиться прошлаго, такъ злоупотреблявшаго религіей. Необходимо строго судить виноватыхъ, толкнувшихъ Фердинанда II къ мѣрамъ, одинаково постыднымъ для него, какъ и пагубнымъ для нашей страны“.

Любовь его къ чешскому народу коренится въ его стремленіи къ свободѣ и равенству.

Онъ изучалъ Гердера, вліяніе котораго было такъ сильно у славянъ, особенно у чеховъ.

Отъ него же онъ перенялъ и то, что Евангеліе нашихъ дней — это право каждой націи на сво-

бодное существованіе, онъ нашелъ здѣсь и полное отвращеніе къ несправедливости.

До послѣднихъ дней своей жизни онъ оставался вѣрнымъ своимъ идеаламъ и убѣжденіямъ. Онъ не любилъ сентиментальныхъ изліяній и чувствительности, ненужность которыхъ онъ не разъ подчеркивалъ.

Его упрекали въ неустойчивости. Юнгманнъ писалъ въ 1819 г.: „Добровскій, несмотря на всѣ свои заслуги, кажется мнѣ больше нѣмцемъ“, а въ 1823 г.: „Я всегда думалъ, что это не славянинъ, но славянствующій нѣмецъ“. Хотя Юнгманнъ былъ извѣстный ученый, но это не мѣшало ему быть болѣзненно самолюбивымъ, и онъ не могъ простить Добровскому его сужденій о людяхъ, которымъ, по мнѣнію послѣдняго, все чешское помутило разумъ.

Эти нападки только доказываютъ лишній разъ, что нѣтъ паствы, гдѣ не было бы споровъ, и что благороднѣйшія стремленія не исключаютъ возможности злопамятства.

Жизнь Добровскаго и его переписка показываютъ намъ всю его вѣру въ будущность славянъ: „Нѣмецкое благоразуміе, говоритъ онъ, не можетъ быть сравнено ни съ французскими способностями, ни со славянскимъ умомъ. Нѣмцы были глашатаями новыхъ методовъ, — славяне принесутъ міру новую цивилизацію“. Въ введеніи къ Славину, журналу, въ которомъ онъ обращался къ братьямъ славянамъ, сила и искренность

его настроенія, по моему, значительно убѣдительнѣй самыхъ шумныхъ фанфаръ Юнгманна или Коллара.

Призваны ли чехи занять свое мѣсто въ возрожденномъ славянскомъ мірѣ?

Добровскій знаетъ, что теченіе столѣтій нелегко возвращается вспять. Онъ не создаетъ себѣ иллюзій и хорошо знаетъ, что самое большое заблужденіе думать, что что-либо существуетъ только потому, что мы этого хотимъ.

„Если Богъ не придетъ намъ на помощь, мы пропали“, пишетъ онъ Коллару въ 1811 г.

Но отчаяніе ему не знакомо. Съ нѣжной ироніей выслушиваетъ онъ огромные планы словинскаго филолога, съ улыбкой подчеркиваетъ утопичность его замысловъ, осуществленіе которыхъ ему бы такъ хотѣлось видѣть. Копитаръ мечталъ ни больше, ни меньше, какъ о превращеніи Вѣны въ центръ движенія всеславянскаго.

„Если бы только Австрія этого захотѣла! Готторпъ могъ же совершенно руссифицироваться, а принцесса Ангальтъ-Цербтская — стать славянкой. Почему же не ждать намъ этого отъ Вѣны, ну хоть немного, на половину, на три четверти! Развѣ войска не цѣликомъ славянскія? Почему же ими не командуютъ на ихъ же языкѣ?“

Славянъ должна вести Австрія, а не Россія, съ ея ужаснымъ рабствомъ. Отъ нея мы не услышимъ ничего гуманнаго еще долгіе годы. Въ Вѣнѣ же легко будетъ основать Академію, которая придала

бы общее единое направленіе отдѣльнымъ работамъ, создала бы сходную орѳографію, приготовила всеславянскій литературный языкъ и соединила бы въ общемъ усиліи племена, разрозненность которыхъ отдаетъ ихъ во власть иностранцевъ".

Добровскій предостерегалъ Копитара отъ его заблужденій. „Берегитесь, мы имѣемъ дѣло съ нѣмцами, которые насъ давно угнетаютъ. Итальянцы, нѣмцы и евреи имѣли всегда много миссіонеровъ и проповѣдниковъ; у насъ же славянъ — это не такъ легко дается".

Порою страсти охватывали его.

Огромная работа, усталость, неудовлетворенность, вызванная путешествіями, предпринятыми имъ для изслѣдованій, можетъ быть рана, полученная имъ на охотѣ, вызвали въ немъ нервное заболѣваніе, которое доходило порой до приступовъ сумасшествія. Въ часы полусознанія, страсти выходили изъ послушанія разума, обыкновенно владѣвшаго ими.

„Послѣ Бога, что можетъ мнѣ быть дороже родины?" писалъ онъ Дуриху въ 1795 г. „Но я хочу принести пользу и за границей, и всему человѣчеству. То, что вы, ошибочно въ историческомъ смыслѣ, написали о славянскомъ, для всего народа общемъ и церковномъ языкѣ, то вы правильно сказали въ смыслѣ пророческомъ. Богъ многое покажетъ черезъ славянъ и у славянъ. Чехія разовьется и увеличится. Польша, которая наказана за пренебреженіе родной рѣчью, расцвѣ-

тетъ снова. Русская имперія раздвинетъ границы свои до Индіи и Персіи. Славяне получатъ обратно свои прежнія владѣнія...“

Это письмо, гдѣ причудливо сочетается экстазъ и ясновидѣніе, принято было чешскими литераторами со священнымъ трепетомъ: „Хорошо, что я всегда любилъ больше всего свой родной языкъ и что я ненавижу враговъ“, пишетъ ему Пухмайеръ. Ваше письмо еще больше зажгло мой патріотизмъ.“

Цѣль прекрасна, но путь къ ней длиненъ и труденъ. „Лучше работать, хотя бы и въ тишинѣ, чѣмъ бросать громкіе призывы въ журналахъ.“

Добровскій подавалъ собою примѣръ постояннаго упорства. Его знанія колоссальны и охватываютъ самыя различныя области.

Ничто въ немъ не напоминаетъ грандіозныхъ, но безразсудныхъ построеній романтиковъ. Онъ всецѣло принадлежитъ своему вѣку, — вѣку критики и изслѣдованія старыхъ истинъ, онъ безжалостно осуждаетъ бездоказательныя гипотезы и необоснованныя заключенія. „Доказательствъ, точныхъ доказательствъ, пишетъ онъ, вотъ чего я хочу, а не предположеній; доказательствъ, а не напыщенныхъ словъ.“ Даже друзей своихъ онъ безпощадно критикуетъ. Его обвиняли въ гиперкритицизмѣ, ставили ему на видъ нѣкоторую рѣзкость. „Онъ обладалъ качествами диктатора“, пишетъ о немъ Дурихъ, бывшій его наставникъ, ставшій его послушнымъ ученикомъ, — это цѣнныя

качества въ эти времена и тиранія плодотворная!“ И позже, чехи не стали бы хвастаться тѣмъ, что имъ удалось избавиться отъ власти надъ собою этого строгаго, но честнаго учителя, который считалъ правду ревнивымъ Богомъ, которымъ нельзя жертвовать ни для чего, даже для славы своего народа.

И конечно, не одна изъ его теорій впослѣдствіи была опровергнута; были найдены новые источники и открыты новые факты, о существованіи которыхъ онъ не зналъ.

Но и самыя ошибки его были плодотворны, у него было широкое сердце, ясный умъ и точный методъ. На какомъ бы языкѣ онъ ни писалъ, мысль его ясна. „Когда читаешь диссертаціи его современниковъ“, пишетъ Калоусекъ, „слишкомъ длинныя, шаткія, построенныя на необоснованныхъ фактахъ, то, открывая разсужденія Добровскаго, испытываешь наслажденіе отъ спокойной увѣренности его рѣчи и ясности.“

Съ этими преимуществами онъ могъ бы быть не больше, пожалуй Добнера, только высшаго качества, если бы не привнесъ въ свои работы того чувства безпрерывности жизни и ея органическихъ измѣненій, что поставило его наряду съ великими піонерами современной науки. Этотъ послѣдователь энциклопедистовъ ясно чувствовалъ исторію. Онъ зналъ, что прошлое — условіе будущаго. И онъ преобразовываетъ лингвистику, связывая ее съ ученіемъ объ эволюціи, об-

щій смыслъ котораго понялъ и утвердилъ Гердеръ. Онъ понялъ и установилъ твердо, что языкъ народа — результатъ его моральнаго и умственнаго развитія, который онъ выявляетъ, какъ извѣстную эпоху своей души. Добровскій доказываетъ, что законы природы управлеютъ его судьбой и онъ утвердилъ главныя правила историческаго развитія славянскихъ діалектовъ. Такимъ образомъ, онъ былъ дѣйствительно создателемъ славянской филологіи, поскольку слово создатель можно вообще примѣнять къ человѣку, иначе говоря, онъ выразилъ точно идеи, едва намѣчавшіяся въ неясномъ полутуманѣ, доказалъ научно истину различныхъ предположеній, отмѣтилъ ее въ рядѣ грандіозныхъ гипотезъ, которымъ не суждено было осуществиться.*)

Двѣ книги его оказали особенно сильное вліяніе, его научная грамматика чешскаго языка и „Основы языка старославянскаго“.**)

*

Чешскій языкъ почти переставалъ быть живымъ языкомъ, ему не хватало словъ, ихъ смыслъ непро-

*) Полная біографія Добровскаго должна быть еще написана, несмотря на все значеніе біографій, изданныхъ Брандлеемъ и Снѣгиревымъ. Надо у Гердера, Фульда, Энгеля, Аделунга, Шлецера и другихъ найти зародыши его открытій и затѣмъ непремѣнно показать, во что превратились его теоріи у Востокова, Миклошича, Ягича и др. Только тогда будетъ произведена точная оцѣнка его произведеній.

**) Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache. 1809. — Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. 1822.

ченъ, рѣчь пестрѣла германизмами. Нѣсколько языковѣдовъ попытались по примѣру обществъ, образовавшихся въ Германіи для очищенія языка, предпринять мѣры для улучшенія этого положенія дѣла.

Но они оказали ей услугу хуже враговъ.

У нихъ не было научной подготовки и знаній, и дѣйствія ихъ были случайны, они защищали иногда самые странные варваризмы и нерѣдко упраздняли слова, бывшія въ употребленіи съ давнихъ поръ.

Добровскій положилъ конецъ подобнымъ фантазіямъ.

„Чешскій языкъ имѣетъ мало защитниковъ, да и то лишь въ слабо просвѣщенныхъ классахъ, и эти выдумки дѣлаютъ его только смѣшнымъ. Простой неученый чехъ получаетъ въ руки книги, которыхъ не понимаетъ, и удивляется и волнуется, не понимая родного языка.

Не выдумывайте, новыхъ словъ, а читайте усердно старыя книги“.

Добровскій, устраняя неологизмы и обрекая тѣмъ самымъ писателей употреблять лишь слова, освященныя авторами XVI в., приводилъ ихъ къ пользованію мертвымъ языкомъ. — Но, считая, что этотъ возвратъ къ классическимъ образцамъ былъ единственной возможностью пріостановить развращающее вліяніе германизаціи, Добровскій указывалъ смѣлымъ новаторамъ на чистый источникъ, гдѣ они могли черпать нужный матеріалъ безъ всякой опасности, а именно на народную рѣчь.

„Надо войти въ связь съ крестьянами, языкъ которыхъ испорченъ меньше городского. Мы хотимъ имѣть словарь существующаго языка, а не того, который вы хотите еще создать“. Такъ полагалъ онъ основаніе правильнаго развитія чешскаго языка, получавшаго силу въ общеніи съ первоначальными источниками, — съ народомъ, съ одной стороны, и съ классической литературой, съ другой.

Такъ же онъ положилъ конецъ игрѣ словами и этимологическимъ фантазіямъ, которыя раньше принимались за грамматику, онъ замѣнилъ ихъ научнымъ анализомъ формы и положилъ начало раціональной филологіи. Позже новыя открытія позволили продолжать его работу съ большей точностью, но въ его трудахъ заложены уже всѣ ростки современной намъ науки. Гаталла и особенно Гебауеръ явились только преемниками и послѣдователями его.

Вліяніе Добровскаго не ограничивалось Чехіей; его прекрасно продуманная чешская грамматика стала образцомъ для всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Ходомъ своихъ работъ онъ пришелъ къ изученію старославянскаго языка и, дальше, къ сравнительной филологіи всѣхъ вѣтвей обще-славянскаго ствола; онъ пробовалъ установить ихъ сходство и распредѣлить ихъ по степени родства.

Онъ показалъ, какъ грамматическій анализъ, проведенный строго научно и честно, можетъ дать историку и философу указанія точныя и цѣнныя.

И что до того, если въ томъ или иномъ вопросѣ онъ ошибался!

Онъ открылъ путь и установилъ данныя, съ помощью которыхъ его ошибки были исправлены, а важность его изысканій стала ясна. Имя его пользовалось всеобщимъ уваженіемъ. Изъ Россіи доходили къ нему знаки особенно трогательнаго вниманія. „Ваши почитатели всюду, гдѣ только умѣютъ цѣнить истинную науку и высокіе таланты, писалъ ему канцлеръ Румянцевъ въ 1823 г., примите и меня въ ихъ число, какъ Вашего искренняго сторонника; не откажитесь отъ моихъ услугъ, все что могу, я сдѣлаю для Васъ съ удовольствіемъ“.

Единогласно предназначался онъ въ президенты той Академіи, о которой мечталъ Копитаръ, которую составляли бы „Общества Праги, Варшавы и Петербурга.“ А когда въ 1813 г. русскія войска вошли въ Прагу, ихъ командующій оффиціально сдѣлалъ ему визитъ. Это уваженіе возвышало весь чешскій народъ, оно выводило народъ изъ того униженія, въ которомъ онъ жилъ, доставляло ему уваженіе окружающихъ, заставляло заботиться о нарушенныхъ его національныхъ правахъ.

Велика сила науки.

Его „Основы старо-славянскаго языка“ были отмщеніемъ за Бѣлую Гору. И, сидя въ своемъ кабинетѣ, этотъ грамматикъ, безъ интригъ, исключительно упорнымъ трудомъ, завоевалъ народу

своему мѣсто, котораго лишили его эгоизмъ аристократовъ и ошибки политиковъ.

*

Кто выдержитъ сравненіе съ Добровскимъ?

Юнгманнъ*) не обладалъ ни тѣми высокими нравственными качествами, ни той широтой взглядовъ; ему не было бы мѣста въ европейской академіи, доступъ куда открытъ лишь тѣмъ, чья слава распространяется далеко за предѣлы одного государства. Родившись на двадцать лѣтъ позже Добровскаго, онъ дольше, чѣмъ послѣдній пережилъ первый періодъ чешскаго Возрожденія, жизнь его продолжилась почти до революціи 1848 г. Романтики охотно признавали его своимъ вождемъ. Въ языковѣдѣніи у него не было добросовѣстности Добровскаго, что вполнѣ по-

*) Іосифъ *Юнгманнъ* (Jungmann Josef) 1773—1847, сынъ сапожника, кончилъ пражскій университетъ, преподаватель гимназіи въ Литомержицахъ, гдѣ и начинаетъ свою проповѣдь патріотизма. Переводитъ Аталла (1805) и Потерянный Рай (1811). Его переводы связаны съ началами романтизма въ Чехіи. Онъ издаетъ лирическіе стихи, сотрудничаетъ въ нѣсколькихъ кратковременныхъ чешскихъ журналахъ. Приглашенный въ гимназію Старой Праги, (1815) онъ становится главой національнаго движенія. Споры, просодическіе и филологическіе и то отношеніе, которое онъ имѣетъ къ изданію знаменитыхъ чешскихъ Рукописей, создаютъ разногласіе между нимъ и Добровскимъ. Онъ положилъ начало патріотической школѣ и напечаталъ нѣсколько работъ, создавшихъ ему имя: „Исторія чешской литературы“ (Historie literatury české) (1825), и „Чешскій словарь“ (Slovník česko-německý) (1834—1839).

нятно широко открывало доступъ неологизмамъ, а мечты его, горячія и пламенныя, заставляли его относиться снисходительнѣе къ преувеличеніямъ патріотовъ. Хотя онъ былъ предвѣстникомъ новаго поколѣнія, въ то-же время, всѣми фибрами своего существа, всѣми стремленіями своей мысли онъ принадлежалъ XVIII в. На каждомъ шагу въ немъ замѣтно вліяніе Лессинга. „Если мы просмотримъ всѣ философскія ученія съ давнихъ поръ“, отмѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ, „у насъ получится впечатлѣніе дома умалишенныхъ, гдѣ каждый выставляетъ свое безуміе. Такова воля Господня: Онъ не далъ намъ прирожденной учености и познаній, какъ не далъ одежды, дабы мы сами добывали ихъ, зная, что это дѣлаетъ насъ человѣкомъ“. Но еще сильнѣе Лессинга оставляетъ на немъ глубокій слѣдъ Вольтеръ. Онъ говоритъ о немъ съ религіознымъ трепетомъ, который поражаетъ насъ. „Знакомство съ его произведеніями удивительнѣйшимъ образомъ возвышаетъ душу, придаетъ ей способность парить надъ всѣмъ низменнымъ и обыденнымъ. Оспаривать его — значитъ опровергать здравую философію, красоту и здравый разумъ*).

---

*) Этихъ цитатъ мнѣ кажется достаточно для доказательства того, что Юнгманна невозможно считать романтикомъ. Изслѣдованія Мурко, детали котораго весьма поучительны, кажутся мнѣ пропитанными насквозь ложной идеей. Масарикъ не прощаетъ Юнгманну его закоснѣлаго раціонализма.

Онъ не только восхищается Вольтеромъ, онъ подражаетъ ему и нерѣдко наиболѣе слабымъ сторонамъ, искусно заимствуетъ его пріемы, подозрительные по своей ловкости, слишкомъ явное лукавство, подобно ему онъ не любитъ открыто принимать удары и прячется въ борьбѣ.

Разборчивыхъ людей удивляютъ его поступки.

Но у Вольтера же онъ взялъ и чувство справедливости, любовь къ труду и безграничное уваженіе къ свободной мысли.

— „Заблужденія могутъ царить тысячи лѣтъ, но это не значитъ, что они становятся правдой, ибо обязанность человѣка смѣло провѣрять даже прочно установленныя истины, освобождая этимъ умъ. Пусть каждый пользуется своимъ разумомъ, даромъ Бога, котораго только слѣпые не признаютъ“.

Въ послѣднихъ положеніяхъ Юнгманнъ близокъ къ Добровскому. Не обладая достаточно мужественнымъ темпераментомъ, въ доктринахъ энциклопедистовъ онъ почерпаетъ силу обречь себя на опасное служеніе идеалу, которому и остается вѣренъ до самой смерти. Всю жизнь свою старается онъ пробудить въ своихъ соотечественникахъ любовь къ родному языку и распространить знаніе родной литературы.

„Поставьте себѣ высокую цѣль“, говорилъ онъ семинаристамъ въ Литомержицахъ, „скажите себѣ, я хочу быть ораторомъ, историкомъ, философомъ, чешскимъ поэтомъ. Можетъ быть, силы измѣнятъ

вамъ, но во всякомъ случаѣ вы непремѣнно останетесь проповѣдниками и добрыми патріотами. До сихъ поръ славяне были рабами другихъ народовъ, но фортуна измѣнчива, близокъ моментъ, когда иная судьба ждетъ насъ.

Пусть рѣчь ваша будетъ чиста и правильна, слѣдите за ней даже въ простомъ разговорѣ, помогайте ей освобождаться отъ наносныхъ вліяній, оказываемыхъ на нее различными чиновниками, онѣмеченной буржуазіей и, къ несчастью, даже нѣкоторыми священниками.“ — Сорокъ лѣтъ работалъ онъ все такъ же вдохновенно, все такъ же не покладая рукъ. Онъ обладалъ высокими качествами рядового воина: рвеніемъ и упорствомъ. Даже сильнѣе Добровскаго былъ онъ увѣренъ въ успѣхѣ, хотя и оптимизмъ приводилъ его нерѣдко къ жестокимъ разочарованіямъ. Онъ вѣрилъ въ доброжелательство Габсбурговъ и въ то, что садоводъ не можетъ систематически оставлять безъ вниманія лучшее изъ своихъ растеній. „Добрый пастырь народовъ, нашъ любимый императоръ не останется глухъ къ просьбамъ милліоновъ своихъ подданыхъ и, подобно Карлу IV или Рудольфу, будетъ настоящимъ отцомъ своихъ Славянъ.“ Онъ проявляетъ въ защитѣ чешскаго языка умѣніе и ловкость, пламенность и краснорѣчіе полемиста высшаго порядка, онъ одерживаетъ удивительнѣйшіе успѣхи: одинъ журналистъ

*) Необходимо помнить при чтеніи „Возрожденія Чехіи“, что эти бунтари противъ Германіи воспитывались въ нѣ-

выступилъ противъ чешскаго языка съ рѣзкой статьей, — доводы Юнгманна переубѣдили послѣдняго настолько, что онъ даже сталъ писать чешскіе стихи“*).

Что возвышаетъ его надъ Добровскимъ — это то, что послѣдній до конца своихъ дней писалъ по-нѣмецки или по-латыни, Юнгманнъ же самъ служилъ для другихъ живымъ примѣромъ. Чешскій языкъ былъ превращенъ имъ въ живой. Юнгманнъ постоянно протестуетъ противъ пренебреженія имъ, онъ доказываетъ своими произведеніями, что чешскій языкъ способенъ выражать самыя тонкія и изысканныя переживанія и что онъ одинаково хорошо можетъ служить какъ для эпоса и лирическихъ стихотвореній, такъ и для науки или проповѣди. Ничто его не устрашаетъ: ветераны погибаютъ, некому ихъ замѣстить, ученики его бросаютъ, язва германизаціи все больше охватываетъ общество, но его духъ не падаетъ, онъ находитъ въ себѣ новыя силы, утѣшаетъ друзей, пришедшихъ въ отчаяніе. „Меня преслѣдуютъ тѣ же ужасныя

мецкихъ школахъ и были насквозь проникнуты иностранными вліяніями. Обвиненія чеховъ въ неблагодарности, распространенныя сейчасъ въ нѣмецкихъ кругахъ, необоснованны. Не можетъ ученый упрекать своего ученика только за то, что тотъ примѣняетъ его методы, продолжаетъ и развиваетъ его открытія. Развѣ можно оправдать угнетенія только потому, что ихъ примѣняютъ нѣмцы, а не французы, и развѣ принципы свободы и независимости, признанные на всемъ теченіи Эльбы, не дѣйствительны для ея истоковъ?

мысли, что и васъ, — пишетъ онъ Марку. Но я вспоминаю превратность судьбы: пока народъ не исчезъ окончательно, можно надѣяться, что явится кто-то, кто вновь возвыситъ родину. Это убѣжденіе придаетъ мнѣ силы. И развѣ смерть незабвенныхъ людей не напоминаетъ намъ, что блюсти интересы народа надо оставшимся. Когда умираетъ старый хозяинъ, молодой беретъ въ свои руки управленіе хозяйствомъ... Каждый изъ насъ долженъ работать по мѣрѣ своихъ силъ, дабы передать потомкамъ родину въ лучшемъ видѣ, чѣмъ ее получили мы отъ нашихъ предковъ. И если суждено ей погибнуть, пусть не при насъ это совершится".

Его нервность, обидчивость, тайные происки, свобода въ обращеніи съ правдой, эти человѣческіе недостатки, тѣ черты, которыя слишкомъ строго судятъ современные критики, блѣднѣютъ передъ его самоотверженностью и довѣрчивостью.

„Ваше пребываніе въ Прагѣ, пишетъ ему въ 1815 г. его близкій другъ Марекъ, будетъ имѣть важное значеніе. Студенчество искренне повѣритъ Вамъ и послѣдуетъ за Вами, какъ за вождемъ".

Пятнадцать лѣтъ неизмѣнно былъ онъ душой интеллектуальной жизни Чехіи, около него собирались и работали подъ его руководствомъ каждый въ своей области: логики, физики, естественной исторіи, реторики и т. д. Колларъ поручилъ именно ему издать первые сонеты „Дочери Славы", Челаковскій освѣжалъ свою энергію около „батюшки". Наконецъ, онъ одинъ изъ первыхъ сталъ думать

о Чешскомъ музеѣ, желая придать послѣднему національныя тенденціи. Онъ же поддержалъ и первые опыты Палацкаго и Шафарика.

Юнгманнъ считалъ нужнымъ открыть народу двери въ область высшаго искусства и усиліемъ воли сдѣлалъ себя ради этой идеи поэтомъ, но по природнымъ своимъ качествамъ онъ былъ лишь превосходнымъ ученымъ. Его „Исторія чешской литературы“, библіографическій перечень чешскихъ произведеній, свидѣтельствуетъ объ удивительнѣйшемъ его трудолюбіи; до сихъ поръ еще она необходима каждому изучающему славянскую исторію.

При появленіи въ свѣтъ его „Исторіи“, впечатлѣніе произведенное ею на общество было подобно, какъ ни странно, впечатлѣнію отъ изданія во Франціи „Victories et conquêtes“. Это былъ торжественный смотръ, гдѣ противъ иностранцевъ, угнетавшихъ Чехію и издѣвавшихся надъ бѣдностью народа, Юнгманнъ подымалъ цѣлые баталіоны старыхъ воиновъ, высоко державшихъ когда-то знамя чешскаго языка. Новообращеннымъ, почувствовавшимъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы продолжать работу предковъ — Юнгманнъ давалъ реальныя возможности. Его „Словарь“ несъ будущимъ писателямъ залогъ ихъ успѣховъ. Съ 1779 г. Добровскій настаивалъ на необходимости подобнаго изданія. Юнгманнъ долго колебался передъ грандіозностью задачи, его задерживали разногласія съ Добровскимъ въ разработкѣ плана. Когда

же гигантскій трудъ былъ оконченъ, то отважнаго составителя обвинили въ томъ, что словарь — слишкомъ славянскій, а не чешскій. Эта критика, вполнѣ обоснованная однако, нисколько не задѣла автора, она только доказывала, что его мысль не была понята. Идея общаго славянскаго языка восходитъ кажется еще къ Крижаничу, который въ XVII в. провозгласилъ панславизмъ. Во время царствованія Франца она занимала умы всѣхъ славянскихъ писателей: почему не возможно было бы надъ всѣми славянскими діалектами создать общій литературный языкъ? Наиболѣе скромные хотѣли хотя бы облегчить взаимныя отношенія различныхъ славянскихъ племенъ, установивъ общій алфавитъ и правописаніе*).

Юнгманнъ былъ готовъ, какъ онъ самъ признавался въ своемъ дневникѣ, пожертвовать чешскимъ языкомъ ради языка единаго, общаго всѣмъ славянамъ. Онъ протестовалъ противъ политическихъ возраженій, которыя вызывалъ подобный проектъ. „Почему общность языка не вызываетъ политическаго единства въ Германіи и почему она должна вызвать его въ славянскихъ странахъ? Панславизмъ, передъ которымъ дрожатъ, или дѣлаютъ видъ, что дрожатъ, есть измышленіе слѣпой ненависти, порожденной пангерманизмомъ,

*) По этому вопросу смотрѣть труды *Первольфа*, убѣжденнаго панслависта — „Славянская мысль въ Россіи“ (Osvěta 1879) съ многочисленными библіографическими данными, и его же „Славянское движеніе въ Австріи“ (Русская Рѣчь, 1879).

который хочетъ видѣть насъ разрозненными, дабы мы вѣчно оставались въ рабствѣ".

Но подобныя утопіи не могли имѣть практическихъ результатовъ. Народъ не выбираетъ себѣ языка изъ дипломатическихъ соображеній, и если въ двухъ сосѣднихъ странахъ царятъ близкія нарѣчія — это еще не основаніе для сліянія ихъ въ одно. Юнгманнъ надѣялся хотя бы на постепенное сближеніе языковъ, ради этого хотѣлъ, чтобы чехи занимали недостающія имъ слова у братьевъ своихъ, особенно же у русскихъ и у поляковъ. Словарь его не былъ только словаремъ повседневнаго языка, онъ имѣлъ главнымъ образомъ цѣлью дать писателямъ новыя выраженія. Въ своей работѣ онъ проявилъ исключительный тактъ, избѣжавъ насколько возможно личныхъ изобрѣтеній и призвавъ къ жизни выраженія давно забытыя.

Заслуги, оказанныя имъ дѣлу чешской литературы, такъ велики, что даже романтики, съ которыми онъ не разъ обходился грубо и рѣзко, ни разу не возмутились противъ „Нестора возрожденія", который среди нихъ олицетворялъ собой эпоху, проникнутую свѣтомъ и радостью правды.

Юнгманнъ использовалъ уваженіе, которымъ окружили его молодыя поколѣнія, для борьбы съ преувеличеніями школы, которая „не несетъ человѣку ни радости, ни нравственнаго развитія, ни познаній, которая способна лишь развивать фантазію, не удовлетворяя ее". Съ раннихъ лѣтъ сохранилъ Юнгманнъ любовь къ ясности

мысли и законченности формы. Проза его — звучная и серьезная, слегка дѣланная, была безусловно отмѣчена чисто народнымъ характеромъ.

„Онъ былъ нашимъ духовнымъ отцомъ“ — говорилъ о немъ вполнѣ заслуженно послѣ его смерти Челаковскій.

И если Добровскій сдѣлалъ возможнымъ чешское возрожденіе, Юнгманнъ создалъ современную чешскую литературу, причемъ слово „создалъ“ надо понимать въ буквальномъ смыслѣ: онъ создалъ нѣчто изъ ничего.

*

Добровскій, а еще больше Юнгманнъ, принадлежа по сущности ума своего къ наиболѣе раннему періоду Чешскаго Возрожденія, сохранили свое вліяніе и на значительно позднѣйшую эпоху. Но, оцѣнивая ихъ значеніе, не нужно забывать, что съ 1790 по 1815 г. слова ихъ не находили отвѣта въ массахъ и падали на совершенно безразличную къ нимъ почву.

Въ этомъ періодѣ чешская литература насчитываетъ около двадцати писателей, которые съ трогательнымъ неумѣніемъ дѣлаютъ попытки привить на своей родинѣ различныя поэтическія направленія, переводятъ баллады, издаютъ альманахи. Чтеніе произведеній Неѣдлаго, Пухмайера и ихъ сотрудниковъ — скучно. Когда кому-либо приходитъ на умъ изучить ихъ произведенія, дабы возстановить всю ихъ славу, онъ можетъ только перелистать ихъ сочиненія, приходя быстро въ от-

чаяніе отъ охватывающей его тоски. Фактъ ихъ прежней славы никого не обманываетъ. Да и сами авторы этихъ первыхъ опытовъ не преувеличивали своихъ талантовъ. „Мои фіалки,“ писалъ позже Пухмайеръ, когда онъ издалъ полное собраніе своихъ произведеній, „только скромные полевые цвѣты, но развѣ скромность мѣшаетъ фіалкѣ-царицѣ полей, подснѣжнику или другимъ подобнымъ имъ цвѣтамъ быть вѣстниками весны? Воля Господня на то, чтобы именно они приходили раньше самыхъ роскошныхъ и чудно пахнущихъ цвѣтовъ, украшающихъ позднѣе вершины нашихъ горъ“. Поэты эти не больше, какъ піонеры, и хорошо знаютъ, что пройдутъ долгіе годы, пока удобренная почва дастъ роскошные плоды.

Равнодушные соотечественники ихъ не замѣчали.

*

Въ 1785 г. Вацлавъ Тамъ издаетъ свой сборникъ стихотвореній, подъ названіемъ „Básně v řeči vázané“, которымъ начинается новочешская литература. Онъ тщетно призывалъ къ добровольному сотрудничеству съ нимъ, и хотя его требованія вовсе не были чрезмѣрны, онъ не встрѣтилъ въ современникахъ отклика и свой скромный сборникъ онъ долженъ былъ дополнить перепечаткой старыхъ стихотвореній.

Молодымъ писателямъ не хватало опыта. Когда Пухмайеръ и его друзья прочли свои первые труды цензору Прохазкѣ, въ высшей степени доброже-

лательному, отечески настроенному, онъ ихъ горячо поздравилъ съ добрымъ намѣреніемъ, но добавилъ — „есть много неточностей, не мѣшало бы изучить грамматику“. Они не обладали ложнымъ самолюбіемъ и часто обращались къ Добровскому, тотъ указывалъ имъ то, что въ ихъ просодической системѣ, наивно заимствованной изъ иностранныхъ образцовъ, было искусственнаго и несвязнаго; указывалъ, что надо соблюдать ритмъ, что основаніемъ чешской версификаціи должно быть удареніе. И, по указаніямъ учителя, они безконечно передѣлывали свои творенія. Не обладая ни малѣйшимъ признакомъ геніальности, Пухмайеръ, напримѣръ, всю свою жизнь оставался лишь работникомъ отъ литературы, трудолюбивымъ, руководимымъ наилучшими стремленіями, преданнымъ и внимательнымъ. Его обвиняли въ плагіатѣ. Но вѣдь и онъ и его друзья считали плагіатъ достоинствомъ. Собственной иниціативой они не обладали и видѣли величайшую заслугу свою въ томъ, что прививали Чехіи цвѣты другихъ странъ. Многіе изъ нихъ вначалѣ колебались между чешскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, и только доводы великодушія и человѣчности убѣдили ихъ. Ихъ образованіе было совершенно нѣмецкимъ.

Ферд. Шульцъ, тщательно изучившій чешскую поэзію 1795—1825 гг., утверждаетъ, что изъ двѣнадцати прочной цѣнности балладъ — семь переведены изъ Бюргера, Гете или Шиллера. Они подражали нѣмецкимъ писателямъ даже во внѣш-

ней формѣ и въ распредѣленіи матеріала. По примѣру ихъ наряду съ балладой они развивали эпиграмму, сатиру, философскія посланія, сентиментальныя пасторали и даже героическую поэму, причемъ понимали ее въ духѣ Виланда или Вольтера, ибо сами не обладали чувствомъ исторіи.

Они описывали необычайныя событія и создавали изъ героевъ своихъ образцы терпимости и галантности. Въ этомъ отношеніи произведенія ихъ похожи на романы Калпренэда, написанные въ духѣ XVIII в. Нѣмецкія литературныя обработки уже кажутся намъ тяжеловѣсными и неотдѣланными, но чехи далеко превзошли послѣднихъ. Правда, это дѣлало ихъ близкими народу и нетребовательнымъ читателямъ, понимавшимъ лишь грубую шутку и неумѣвшимъ читать между строкъ.

Сборникъ стихотвореній Тама украшенъ на первой страницѣ гравюрой; на ней изображена пастушка, обнимающая своего возлюбленнаго, который играетъ на флейтѣ; у ногъ ихъ лежитъ собака, нѣжно смотрящая на нихъ; въ глубинѣ лѣса пасутся овечки. Это — символъ всей школы. Съ 1780 по 1815 г. основная черта чешской литературы есть идиллизмъ. Писатели творятъ не по вдохновенію, они не преломляютъ глубочайшія переживанія своей души, они видятъ въ поэзіи лишь пріятное времяпрепровожденіе, видятъ способъ распространять полезныя идеи. Они отходятъ отъ грандіозныхъ замысловъ и великихъ страстей, и, въ тотъ самый моментъ, когда Европа охвачена

борьбой прошедшаго съ будущимъ, когда повсюду раздаются трубные звуки и ревъ пушекъ сотрясаетъ троны, они уходятъ въ литературу, какъ въ тихій храмъ, куда не проникаетъ смятеніе міра. Стихи ихъ говорятъ о радости уединенной жизни, о прелести полей, о дружбѣ. Они продолжаютъ поэтовъ, которые полтораста лѣтъ тому назадъ подражали въ Чехіи силезской школѣ, переводятъ Горація, заимствуютъ у Глейма и Гесснера, Флоріана и Дората ихъ давно устарѣвшія цѣнности, ихъ увядшую красоту. Они были не больше, чѣмъ просто честные обыватели, профессора, чиновники, священники, съ чистыми сердцами, но безъ всякаго темперамента. Ихъ любовь не жжетъ, вино не кружитъ головъ, а стрѣлы ихъ остроумія не отравлены ядомъ. Ихъ искренность спасаетъ ихъ отъ насмѣшки, а ихъ безпомощность — обезоруживаетъ. Есть что-то трогательное въ ихъ неподдѣльномъ стремленіи, но оно все же не могло спасти ихъ произведенія отъ пустоты и однообразія. Сейчасъ этотъ потокъ балладъ и посланій дѣйствуетъ снотворно, публика же того времени, не особенно разборчивая, принимала ихъ, правда безъ особеннаго восторга, но иногда любезно отвѣдывая отъ ихъ литературной стряпни, знакомясь съ ихъ языкомъ — безцвѣтнымъ, растянутымъ, но простымъ и понятнымъ, съ ихъ невинными остротами, съ ихъ нравственнымъ, резонирующимъ настроеніемъ. И цѣнила она главнымъ образомъ въ этихъ добросовѣстныхъ рифмоплетахъ то, что имитируя

иностранцевъ, они умѣли сохранить извѣстный ароматъ родной земли достаточный для того, чтобы пробудить интересъ къ родинѣ въ читателѣ.

Необходимо отмѣтить, что поэты, группирующіеся около Пухмайера, отмѣченные съ нимъ общимъ фамильнымъ сходствомъ, сохраняли неизмѣнно и свое лицо. Рядомъ съ вождемъ школы — моралистомъ, мы имѣемъ Войтѣха Неѣдлаго (Vojtěch Nejedlý) и Гнѣвковскаго (Hněvkovský Šebestián), охотно заимствующихъ сюжеты изъ мѣстныхъ легендъ. Баллады ихъ, зачастую слишкомъ длинныя и неотдѣланныя, нравились народу своей искренностью и хорошо запоминались: нѣкоторыя изъ стихотвореній Гнѣвковскаго до сихъ поръ поются по деревнямъ. Пухмайеръ, никогда не писавшій ничего кромѣ переводовъ или подражаній, какъ истинный патріотъ, не пренебрегаетъ также и домашними преданіями. Почти всегда черезъ Польшу доходятъ къ нему произведенія западной литературы, и даже Лафонтену онъ сталъ подражать лишь по варшавскимъ образцамъ. Онъ умѣлъ быстро оріентироваться и придавать иностранному анекдоту какъ бы мѣстный привкусъ.

*

Но по несчастью идиллическіе поэты обращались лишь къ ограниченной публикѣ. Ихъ главная задача очистить языкъ, сдѣлать его болѣе гибкимъ, пробудить воображеніе молодежи и возстановить литературныя традиціи. Массу же можно было пробудить лишь журналомъ или театромъ.

Театръ предполагаетъ широкую публику, значительныя матеріальныя средства и обработанный языкъ. Нужны были полувѣковыя усилія, чтобы онъ могъ выйти изъ періода безплодныхъ опытовъ и исканій. Исторія этихъ первыхъ попытокъ не лишена интереса; она позволяетъ намъ измѣрить силу симпатій, которыя съ самаго начала поддерживали всѣхъ родоначальниковъ чешскаго движенія и прослѣдить эволюцію общественнаго мнѣнія.

Въ XVIII в. народный театръ сталъ быстро развиваться, умножились театры маріонетокъ, появились свои чешскіе паяцы и шуты (pimprle, kašpárek). Это былъ театръ оппозиціи, охотно смѣявшійся надъ господами, священниками и монахами.

Церковь боролась съ подобнымъ театромъ, возобновляла мистеріи и, наконецъ, добилась того, что въ 1786 г. онъ былъ запрещенъ*).

Страна покрылась кочующими труппами, представлявшими вѣнскія шутки и встрѣчавшими всюду шумный успѣхъ. Въ Прагѣ въ 1737 году былъ основанъ постоянный нѣмецкій театръ, на долю котораго выпало сѣренькое существованіе. Директоръ, ища выхода и желая привлечь въ театръ

---

*) О чешскомъ театрѣ: Лео Блассъ: „Театръ и драма въ Чехіи до начала XIX в.“ (Das Theater u. Drama in Böhmen bis zum Anfange des XIX. J.) (1877). — Станковскій „Театральный Альманахъ“ (Almanach Matice divadelní, 1881). — Миковецъ „Народный и крестьянскій театръ въ Чехіи“ (Stopy selskéno či sousedského divadla v Čechách, 1855). Можно также найти нѣкоторыя интересныя данныя въ ж. Český Lid.

новые слои общества, далъ перевести нѣсколько фарсовъ на чешскій языкъ. Первый опытъ 1771 г. не удался — переводъ былъ сдѣланъ грубо, артисты коверкали языкъ, и публика освистала представленіе. Въ 1786 г. нѣсколько любителей получили разрѣшеніе устроить театръ въ деревянномъ баракѣ, на площади Коннаго Рынка (Koňský trh), нынѣ Вацлавскомъ Намѣстьѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Іосифъ II посѣтилъ его, онъ сталъ носить громкое названіе „Императорскаго и королевскаго національнаго чешскаго театра". Но публика по прежнему оставалась немногочисленной; необходимо было чаще обновлять программу. Вацлавъ Тамъ, одинъ изъ плодовитѣйшихъ писателей, вполнѣ заслужившій, чтобы имя его было связано съ первымъ періодомъ чешскаго драматическаго искусства, говоритъ, что съ 1780 по 1795 г. была написана тысяча пьесъ. Почти всѣ онѣ затерялись, что впрочемъ не составляетъ особенно большого несчастья, такъ какъ огромное большинство ихъ было лишь подражаніемъ иностраннымъ драмамъ и фарсамъ, сдѣланнымъ къ тому же еще наспѣхъ. Чаще всего это были просто переводы любимцевъ нѣмецкой публики того времени — Шредера, Иффланда и имъ подобныхъ.

Драматурги, не имѣвшіе понятія о сценѣ, не интересовавшіеся литературой, были раціоналистами и въ то же время патріотами и хотѣли одновременно развивать чешскій языкъ и бороться съ народными предразсудками и суевѣріями.

Это не могло служить хорошей рекомендаціей въ глазахъ Леопольда. Подъ предлогомъ того, что театръ мѣшаетъ движенію, правительство распорядилось въ 1789 г. убрать его. Необходимо было искать новое помѣщеніе. Найденное оказалось уже не такъ хорошо расположеннымъ, а кромѣ того любопытство толпы къ тому времени притупилось. И въ 1804 г. исчезъ театръ, а въ 1806 г. прекратились совершенно и надолго вообще всякія чешскія представленія.

Распространеніе новыхъ идей путемъ журналовъ и газетъ шло удачнѣй. Исторія чешской литературы обыкновенно забываетъ скромныхъ просвѣтителей народа, никогда не имѣвшихъ претензій художниковъ. Послѣ нихъ не осталось ни одного оригинальнаго произведенія. Исторія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, не должна быть къ нимъ такъ несправедлива. Конечно, нельзя ставить на одну доску Добровскихъ съ простыми издателями, помогавшими распространять ихъ произведенія, но она должна запомнить имена этихъ честныхъ тружениковъ, служившихъ необходимыми посредниками между высокими талантами и массой читателей. И если они, какъ напримѣръ Крамеріусъ, соединяли усердіе и добросовѣстность съ литературнымъ дарованіемъ, хотя бы и второстепеннымъ, они вполнѣ заслужили, чтобы имена ихъ не были забыты.

Чехія насчитывала въ тотъ моментъ немало людей, задавшихся высокой цѣлью пробудить

въ народѣ начала культуры и интересъ къ чтенію. Это были скромные проповѣдники безъ размаха и глубины, слегка наивные и неясные, но убѣжденные и преисполненные уваженія къ народнымъ традиціямъ. Крамеріусъ выдѣляется среди нихъ своей пламенной вѣрой и цѣльностью натуры, которыя до сихъ поръ поражаютъ и захватываютъ насъ*).

*

Воспитанный отчасти іезуитами, Крамеріусъ, дабы получить возможность продолжать образованіе, подчиняется режиму, полному лишеній, основанному до извѣстной степени на ручномъ трудѣ, режиму, бывшему удѣломъ многихъ молодыхъ пи-

---

*) *Вацлавъ Крамеріусъ* (Kramerius, 1759—1808) получаетъ нѣкоторую извѣстность благодаря переводамъ, проникнутымъ духомъ гуманности и реформизма. Его значеніе и вліяніе все увеличиваются съ тѣхъ поръ, какъ онъ становится во главѣ журнала „Почтовыхъ извѣстій“ („Schönfeldovské c. k. poštovské noviny“, 1786). Въ 1787—1798 г. онъ издаетъ „Новый альманахъ терпимости“ („Nový kalendář toleranci“). Съ 1791 г. онъ издаетъ Krameriusovy „Vlastenecké Noviny“, слава которой достигаетъ небывалыхъ по тому времени размѣровъ. Въ то же время онъ издаетъ множество различныхъ книгъ для чтенія, занимательныхъ и образовательныхъ разсказовъ и собираетъ вокругъ себя писателей, которые поддерживаютъ его въ дѣлѣ распространенія идей и образованія. Онъ издаетъ также старинныя чешскія произведенія. — См. В. Рыбичка „Первые возстановители чешскаго народа.“ (Rybička, Přední křísitelé národa českého. 1883).

сателей и наложившему благодаря этому особый отпечатокъ на всю чешскую литературу.

Бѣдность не всегда бываетъ хорошей школой. Писателямъ, знакомымъ съ испытаніями суровой жизни, обычно не хватаетъ легкости и изящества. Душа ихъ подвержена быстрому разрушенію. Имъ не понятно остроуміе и случается очень рѣдко, чтобы они могли возвыситься до пониманія высшаго искусства. Но отъ ихъ трудовъ исходитъ ароматъ нравственности и милосердія. Они заняты ученіемъ и постояннымъ трудомъ, и ничто не можетъ помѣшать имъ въ желаніи ихъ пріобщить невѣжественныхъ къ богатству науки, пріобрѣтенному ими цѣною тяжкихъ жертвъ.

Крамеріусъ былъ представленъ Добровскимъ дворянину Яну изъ Нейберга, любопытному типу не очень многочисленной группы среди мѣстной аристократіи, которая сохранила полное уваженіе къ прошлому чешскаго народа и его традиціямъ. Въ этой школѣ Крамеріусъ изучалъ чешскій языкъ, который до того онъ зналъ плохо. Послѣ его смерти осталось до тридцати томовъ извлеченій изъ старинныхъ писателей и грамматическихъ замѣтокъ, которыя свидѣтельствуютъ, насколько серьезно онъ подготовлялся къ своей задачѣ воспитателя. Онъ писалъ, по его словамъ, изъ пристрастія къ правдѣ, изъ уваженія къ естественнымъ и соціальнымъ законамъ и изъ желанія просвѣтить соотечественниковъ, объятыхъ суевѣріемъ, нуждавшихся въ общемъ обра-

зованіи. Его произведенія были необыкновенно популярны, и они заслуживали этого своими правильностью и ясностью слога, настроеніемъ, которымъ они были проникнуты, нравственной чистотой, богатствомъ и разнообразіемъ свѣдѣній, которыя они давали. Мало-по-малу, около него начали собираться его единомышленники, и онъ сталъ какъ бы распорядителемъ въ чешской народной литературѣ. Онъ основалъ типографію, которая быстро пошла въ ходъ. „Чешская экспедиція — такъ стали называть это предпріятіе — превратилась въ генеральный штабъ, гдѣ патріоты всей страны могли искать указаній. Такъ какъ пражская буржуазія въ большей своей части была онѣмечена, то столица не имѣла того абсолютнаго перевѣса, который она завоевала себѣ позже, и чешское движеніе развивалось главнымъ образомъ по деревнямъ и маленькимъ городкамъ. Формировавшіеся здѣсь читательные кружки связывались между собой „Экспедиціей“ Крамеріуса. Она стала для среднихъ классовъ, по выраженію Влчека, тѣмъ, чѣмъ для ученыхъ и аристократіи было „Общество наукъ“ и салоны графовъ Ностицовъ, Лажанскихъ и Штернберговъ.

Крамеріуса часто называютъ Велеславиномъ XIX вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, принимая во вниманіе все различіе эпохъ, въ нихъ можно найти много общаго. Подобно Велеславину, Крамеріусъ проявляетъ себя въ самыхъ различныхъ областяхъ, ясно понимаетъ нужды своего народа, оберегаетъ его права, стара-

ется его развить, стремится найти то, что можетъ улучшить матеріальное и нравственное положеніе его читателей. Ему чуждъ педантизмъ. Въ формѣ интересныхъ разсказовъ подноситъ онъ читателямъ поученіе, проводя незамѣтнымъ урокъ. По его примѣру и его сотрудники переводятъ или передѣлываютъ иностранные журналы и перемѣшиваютъ описанія путешествій съ совѣтами, какъ лучше обработать поля, а нравственную проповѣдь съ веселыми разсказами. Они пересматриваютъ старинные сборники, переиздаютъ исчезнувшіе памятники; проповѣдуютъ терпимость и нравственную чистоту, учатъ гигіенѣ и правосудію, пробуждаютъ въ крестьянахъ вмѣстѣ съ жаждой размышленія культъ прошлаго и уваженіе къ языку. Весь годъ, особенно же во время праздниковъ Св. Вацлава и св. Яна Непомука, заходили въ „Экспедицію“ посѣтители, прося все новыхъ и новыхъ книгъ. Послѣ недолгой бесѣды, они уходили, просвѣтленные и успокоенные. Крамеріусъ зналъ буквально всю Чехію. Не было такой затерянной деревушки, гдѣ у него не было бы друзей, не было городка, гдѣ кружокъ почитателей его не посылалъ бы ему корреспонденцій.

Всегда веселый, живой, съ улыбающимися голубыми глазами, онъ придавалъ окружающимъ его бодрость и увѣренность. Вниманіе его привлекало не только чешское королевство, въ узкомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ, оно распространялось и на Моравію, съ которой ему хотѣлось стряхнуть апа-

тію, и на словаковъ, слишкомъ отдаленныхъ отъ центра, отрывавшихся мало-по-малу отъ Праги, развивавшихъ свой особый діалектъ, надѣявшихся быть благодаря этому лучше вооруженными въ борьбѣ съ посягательствами мадьяръ и нѣмцевъ. Крамеріусъ доказывалъ имъ всю опасность подобнаго разрыва, умолялъ ихъ не ослаблять общее дѣло расколомъ. Онъ расчитывалъ для ускоренія побѣды чеховъ на нравственную поддержку всѣхъ славянъ и на все увеличивающееся вліяніе Россіи.

Собою онъ являлъ живой примѣръ безпрестанной работы: тяжко больной, онъ еще писалъ; даже на смертномъ одрѣ онъ не успокоился и диктовалъ дневникъ своему сыну. „Онъ заснулъ", какъ пишетъ о немъ одинъ изъ его друзей „къ величайшей скорби всей ученой Чехіи, на сорокъ девятомъ году жизни, отданной безраздѣльно родному языку и родному народу".

„Этотъ вѣрный сынъ родины", пишетъ тотъ же авторъ, „пробудилъ Чехію отъ летаргическаго сна".

*

Но въ дѣйствительности реальные результаты всѣхъ усилій были мало замѣтны. Даже люди, наиболѣе оптимистически настроенные, спрашивали себя съ трепетомъ: не отодвинули ли они только на короткій срокъ неизбѣжную сдачу націи? Только значительно позже смогли констатировать, что съ 1789 по 1815 года произошли глубочайшія перемѣны: развился интересъ къ чте-

нію; исторія, освободившись отъ легендъ, затемнявшихъ ее, глубже проникала въ души, были утверждены непреложные законы языка и признаны условія, способствовавшія его развитію. Чешскій словарь былъ провѣренъ и расширенъ, литературные опыты, ничтожные сами по себѣ, привлекли вниманіе читателей и расшевелили молодежь; возобновилось, наконецъ, общеніе съ другими славянами. За годы безсонныхъ ночей создалось и укрѣпилось движеніе, которое не побоялось завоевать своей родинѣ права на свободу и знанія. Народъ, который при вступленіи на престолъ Іосифа II готовъ былъ получить освобожденіе, хотя бы цѣною національнаго самоотреченія, понялъ теперь ясно, какъ жестоко онъ былъ бы обманутъ, и отнынѣ сталъ стремиться самъ завоевать себѣ необходимыя права на существованіе.

Когда вспоминаешь заслуги и великія достоинства этого поколѣнія предтечъ, широкій умъ и любовь послѣднихъ къ правдѣ, ихъ терпимость, искренность ихъ патріотизма, то проникаешься чувствомъ глубокаго уваженія къ XVIII в., воспитавшему ихъ, и невольно задаешься вопросомъ, хорошо ли, что на смѣну имъ пришли романтики? Они, замѣнившіе разумъ чувствомъ, должны были отречься, и это было неизбѣжно, отъ многихъ существенныхъ и при томъ нерѣдко важнѣйшихъ особенностей своихъ предшественниковъ. Опасное направленіе, основанное ими, отдало ихъ во власть шаблона и ни на чемъ не обоснованныхъ, пустыхъ

идей. Зачастую не вѣришь въ искренность ихъ убѣжденій, прикрытыхъ потокамъ громкихъ фразъ и театральныхъ жестовъ. Но все же нельзя упрекать ихъ слишкомъ рѣзко за допущенныя ими ошибки, тѣмъ болѣе, что, когда они выступили на первый планъ, посредничество ихъ оказалось чрезвычайно полезнымъ.

Около 1815 г. идиллическая и раціоналистическая школа истощилась. Людямъ, руководившимъ ею, преисполненнымъ самыхъ благихъ намѣреній и собравшимъ вокругъ себя цѣлые батальоны національныхъ войскъ, не хватало священнаго пыла и огня, чтобы вести ихъ въ бой. Они представляли себѣ міръ тихимъ оазисомъ, гдѣ добрыя желанія всегда вознаграждаются, они восхваляли меланхолическое отреченіе и боялись шума революціи, говорили о непротивленіи, даже если дѣло касалось несправедливости. Доктрины энциклопедистовъ, принятыя ими, ослабѣли и потеряли силу пропаганды. Имъ не хватало необходимыхъ условій для развитія и прогресса. Это были либеральные консерваторы, которые считали свою миссію законченной, разъ они сумѣли охранить страну отъ новыхъ потерь.

Они не удовлетворяли больше поколѣнія, ими воспитаннаго. Съ 1810 г. зарождаются новыя вѣянія, болѣе честолюбивыя и заманчивыя. Начинаютъ искать яркихъ образцовъ. Глеймъ и Флоріанъ кажутся приторными по сравненію съ Шатобріаномъ и Гёте. Вожди чешской мысли — Янъ

Неѣдлый и Добровскій начинаютъ чувствовать себя превзойденными и, съ явной недовѣрчивостью, наблюдаютъ молодежь, которая, во всемъ имъ обязанная, вмѣсто благодарности обвиняетъ ихъ въ посредственности и робости. Юнгманнъ, какъ болѣе молодой и доступный современнымъ вѣяніямъ, наперекоръ всей сущности своей, оказываетъ молодымъ новаторамъ поддержку своимъ авторитетомъ и становится, увлеченный ихъ движеніемъ, во главѣ романтизма.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основныя черты романтизма: нѣмецкое вліяніе въ Чехіи; сила и размѣры его. — Дворъ и славяне. — Зарожденіе новаго литературнаго поколѣнія. — Чешскій музей. — Романтики. — Рукописи. — Панславизмъ: Колларъ и Дочь Славы. — Шафарикъ и „Славянскія древности“. — Опасность литературнаго панславизма и реакція домашняго патріотизма. — Челаковскій и Маха.

Чешское движеніе, скромное и столь негромкое, причиняло не мало непріятныхъ минутъ австрійскимъ министрамъ. — „У насъ нѣтъ иного пути“, писалъ Марекъ Юнгманну, „какъ дѣйствовать тайно и незамѣтно, дабы сохранить нашу національность до лучшихъ временъ. Можно было уже думать, что они наступили, но въ дѣйствительности только будущее дастъ намъ ихъ. Главное — не падать духомъ и не терять надежды. Если народъ нашъ такъ долго держался противъ столькихъ непріятелей, онъ сможетъ продержаться еще.“

Всѣ тѣ, кто не хотѣли довольствоваться далекими перспективами, искали утѣшенія внѣ Праги. Въ Вѣнѣ они пользовались относительной свободой. Профессоръ чешскаго языка Громадко основалъ даже въ Вѣнѣ въ 1812 г. газету, къ которой присоединилъ на слѣдующій годъ и литературныя приложенія „Первенцы изящныхъ искусствъ“ (издаваемые по-чешски), которые при наступившемъ въ Чехіи почти абсолютномъ молчаніи, стали центромъ литературнаго движенія. Молодые славянскіе писатели, уставшіе отъ идиллизма и стиля рококо, сотрудничая въ газетѣ Громадка, встрѣчались съ блестящими представителями нѣмецкаго романтизма, который праздновалъ въ 1810 г. побѣду въ столицѣ Австрійской имперіи. Теоріи Гентца и Фридриха Шлегеля болѣе или менѣе вѣрно и талантливо были представлены въ „Нѣмецкомъ музеѣ“ и „Вѣнскомъ журналѣ литературы“, а немного позднѣе и въ „Литературномъ Ежегодникѣ“ и согласовались вполнѣ съ уроками, которые бѣженцы изъ Праги вынесли изъ общенія съ Бальбинымъ, Кинскимъ и Тамомъ. И нѣмцы и славяне объединялись въ общей ярой ненависти къ тираніи, они развивали съ той же горячностью блестящія темы на слова Вильгельма Гумбольда: „Языкъ — наша истинная родина“. Но доктрины, которыя въ Пруссіи привели къ пангерманизму, возбуждали въ Австріи стремленіе къ сепаратизму. Нѣмецкіе романтики, плохо знавшіе страну, не учли послѣднихъ напряженныхъ усилій народовъ, казавшихся имъ

„обреченными“, они даже косвенно поддержали ихъ своимъ пристрастіемъ къ областнымъ нарѣчіямъ.

*

Война 1809 г. и возстаніе Тироля, отголоски которыхъ разнеслись повсюду, вдохновили провинціальныхъ патріотовъ. Правительство допускало отдѣльныя манифестаціи, лишь бы онѣ не носили либеральнаго характера. Парадоксальное сліяніе, которому отечески покровительствовали свыше, бросившее въ одни общія объятія предтечъ пангерманизма и апостоловъ славянскаго пробужденія, было довершено извѣстнымъ ученымъ Копитаромъ, авторитетъ котораго въ ту эпоху былъ необычайно силенъ, и который соединялъ въ себѣ высокую эрудицію и тонкое критическое чувство съ крайне пылкимъ воображеніемъ.*)

Большею частью очень молодые, увлеченные общимъ движеніемъ реакціи противъ французскихъ теорій, вызвавшихъ жестокости Наполеона, сотрудники Громадка и ихъ друзья, воспитанные

*) Копитаръ (Kopitar, 1780—1844) словенецъ, поселяется въ Вѣнѣ съ 1808 г., гдѣ остается до самой смерти. Съ его грамматикой связывается новая словинская литература. Онъ явился однимъ изъ основателей славянской филологіи. Но въ одно и то же время онъ былъ и славянинъ и австріецъ, ненавидѣлъ русскихъ, не довѣрялъ чехамъ, которые обвиняли его въ томъ, что онъ лишь послушное орудіе въ рукахъ Меттерниха. Подозрѣнія эти долго мѣшали историкамъ отдать должное его знаніямъ и оцѣнить по справедливости оказанныя имъ услуги.

въ нѣмецкихъ школахъ, готовы были отдаться совершенно на волю нѣмецкихъ вождей.

Ихъ программа конечно не особенно отличалась отъ программы ихъ предшественниковъ, такъ какъ въ конечномъ итогѣ и тѣ и другіе хотѣли дать чешскому народу нравственную независимость. Только романтики въ требованія свои вложили тотъ порывъ и восторженность, которыхъ не хватало предыдущему поколѣнію. И то, что для единомышленниковъ Пухмайера было простымъ исполненіемъ долга, отнынѣ получило характеръ религіозной потребности.

Вполнѣ убѣжденные въ томъ, что всякій народъ обладаетъ опредѣленнымъ характеромъ, который передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, сохраняясь лучше всего въ крестьянскихъ массахъ, менѣе подверженныхъ чужимъ вліяніямъ, романтики противопоставляютъ трезвому и все разлагающему разуму — интуитивныя силы, которыя двигаютъ массами и которыя единственно являются, по ихъ мнѣнію, плодотворными.

Они отыскивали рукописи и документы самыхъ отдаленныхъ эпохъ, когда еще въ наивной силѣ царили первобытные инстинкты, ослабленные впослѣдствіи разумомъ и наукой. Они любили старыя сказанія, народныя пѣсни, пословицы, старинныя юридическія формулы; они хотѣли научиться пріемамъ народныхъ пѣвцовъ. Смѣялись надъ классическимъ искусствомъ, надъ его размѣренностью,

надъ избитостью его выраженій, надъ точными классификаціями, которыя оно проводило. Смѣялись надъ его любовью къ логикѣ и требованію ясности. Романтики реабилитировали средніе вѣка и склонились предъ алтаремъ революціонной Европы.

Сегодня намъ ясно видны слабыя стороны нѣмецкаго романтизма, но заблужденія его не должны насъ заставить забыть, что именно писатели этой школы обновили искусство и поэзію, открыли наукѣ новые горизонты, сообщили импульсъ цѣлому вѣку. Къ несчастью теоріи ихъ были столь же опасны, сколь и плодотворны; ихъ философія была туманна и, нерѣдко, они бывали сами наказаны за свое презрѣніе къ здравому смыслу и къ ясно выраженнымъ желаніямъ. Они отдались во власть своимъ мечтаніямъ и пали жертвой безудержнаго воображенія, изъ ненависти къ революціи, они боролись противъ прогресса; подражая Буало, сбивались и запутывались. Весь міръ былъ заполненъ въ ихъ воображеніи аллегоріями и призраками, а подъ предлогомъ отказа отъ общеустановленныхъ правилъ они нерѣдко впадали въ разнузданное воображеніе и неясности. Особенно притупилось въ нихъ чувство реальности; они пренебрегали жизнью и скоро отошли отъ того народа, который прежде такъ возвеличивали. Ихъ труды приняли характеръ аффектаціи и неестественности, энтузіазмъ, проистекавшій больше изъ головы, нежели изъ сердца, вылился въ громкія

слова и театральные жесты. Чехи, ставшіе было подъ ихъ знамена, оставили ихъ и не послѣдовали за ними до конца.*)

Вначалѣ, и это было результатомъ всей предшествовавшей исторіи страны, чешскіе романтики, среди которыхъ было много протестантовъ, возстали, въ силу своего воспитанія и по своимъ раціоналистическимъ тенденціямъ, противъ католическихъ реакціонныхъ.

Ихъ вождями въ области философіи — были Кантъ и Фихте, и лишь какъ исключеніе подвергались они вліянію послѣдователей Шеллинга. Такъ какъ, кромѣ того, они были привязаны всѣми фибрами своей души къ деревенской массѣ, изъ которой большинство ихъ вышло, то ихъ дѣятельность носила практическій характеръ и спасала ихъ отъ страшныхъ заблужденій ихъ учителей. Заимствованія, которыя поражаютъ насъ на каждомъ шагу при бѣгломъ просмотрѣ ихъ произведеній, становятся незамѣтными, стушевываются, при болѣе

---

*) Это, мнѣ кажется, мало отмѣчено Мурко, у котораго я много заимствовалъ для описанія этого періода. Здѣсь слѣдуетъ его исправить по Масарыку и Кайцлю. Мурко подчеркнулъ съ большой точностью всѣ внѣшнія заимствованія чешскихъ романтиковъ у ихъ учителей изъ Германіи, но онъ забылъ, что чехи, даже самые рьяные, какъ Колларъ и Шафарикъ, все же имѣли иной складъ ума, и что тѣ же идеи въ Веймарѣ и въ Прагѣ дѣйствовали по-разному. Надо также помнить, что школа романтиковъ никогда не побѣждала окончательно и не поглощала въ Чехіи другихъ движеній.

тщательномъ изслѣдованіи; слишкомъ глубока пропасть, которую создаютъ между ними и Новалисомъ, Брентано или Фукэ, ихъ отдаленными началами, воспоминанія о Чешскихъ Братьяхъ и глубочайшія основы ихъ воспитанія.

Въ самый расцвѣтъ романтизма старая школа не переставала имѣть довольно большого числа послѣдователей, произведенія которыхъ порой еще бывали довольно глубоки. Бользано (Bolzano Bernard), напримѣръ, прямой продолжатель Коменскаго, имѣлъ несомнѣнно больше вліянія на патріотовъ, чѣмъ апостолы натуръ-философіи. Среди же поэтовъ очень многіе, и это были лучшіе среди нихъ, принимали лишь тѣ теоріи эстетики, которыя вытекали непосредственно изъ всего предыдущаго развитія литературы.

Совершенно вѣрно, — и это давно уже замѣчено критиками, — что въ Чехіи уже приблизительно съ 1810 г. можно найти нѣкоторыя изъ характернѣйшихъ чертъ нѣмецкаго романтизма: культъ языка переходитъ въ экстазъ, увлеченіе традиціями идетъ до археологической горячки; не только собираются народныя пѣсни и старинныя сказанія, но писатели ищутъ почти исключительно въ нихъ источника вдохновеній; восхищеніе ими настолько сильно, что ихъ принимаютъ на вѣру, не провѣряя никогда ихъ происхожденія.

Историки любятъ призывать къ жизни наиболѣе древнія времена. Въ виду того, что у нихъ мало источниковъ, они зачастую сами ихъ комбинируютъ.

Они рисуютъ фантастическіе образы прошлаго, гдѣ въ неравной пропорціи входятъ нѣсколько точныхъ данныхъ и масса сентиментальныхъ гипотезъ.

Передъ лицомъ нѣмецкихъ притѣсненій, чехи съ первыхъ же дней искали поддержки въ мысли, что за ними стоятъ милліоны славянъ. Подъ вліяніемъ романтизма, воображеніе ихъ создаетъ Славію, образъ которой обожествляется и льститъ ихъ самолюбію.

Не будемъ оспаривать поразительнаго сходства, сближающаго современниковъ Громадка и Коллара съ нѣмецкими романтиками, не будемъ оспаривать того факта, что большинство изъ нихъ прямые послѣдователи нѣмецкой мысли, но при этомъ необходимо помнить, что главныя черты характеризовавшія молодое поколѣніе: чувство націонализма, идеализація прошлаго, культъ Славіи, подражаніе народнымъ пѣснямъ, историческое изученіе преимущественно наиболѣе древнихъ эпохъ — проявлялись и у апостоловъ перваго періода. Это вполнѣ объясняется условіями, въ которыя была поставлена страна. Изъ всего сказаннаго выше можно сдѣлать заключеніе, что теоріи, пришедшія извнѣ, закрѣпили то, что инстинктивно бродило въ странѣ и, систематизировавъ смутныя желанія, дали имъ возможность развернуться вполнѣ. Съ другой стороны, вліяніе романтизма заключалось въ томъ, что въ новыхъ школахъ развивалось воображеніе, рождались новыя формы, увеличивалось честолюбіе писателей и надежды ихъ утрачивали свою первоначальную ро-

бость. Немалая заслуга романтиковъ заключается и въ томъ, что они окончательно устранили печальныя предсказанія, съ которыми даже Добровскій и его друзья перваго періода не умѣли бороться.

*

Около 1815 г. чешскіе славяне могли думать, что Вѣна близка къ отреченію отъ своей политики германизаціи. Правительство рекомендовало профессорамъ обучать студентовъ богословія проповѣдямъ на чешскомъ языкѣ, было назначено вспомоществованіе К. Игн. Таму, преподававшему три раза въ недѣлю въ гимназіи Стараго Города въ Прагѣ чешскій языкъ. Почти повсюду монархи, послѣ Вѣнскаго конгресса, начали защищать интересы своихъ подданныхъ, въ Нидерландахъ, Норвегіи, въ Польшѣ. — „Вашъ языкъ", говорилъ Фридрихъ-Вильгельмъ III обитателямъ Познаня „будетъ употребляться во всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ наравнѣ съ нѣмецкимъ". Францъ I-ый, дабы не вызвать въ Галиціи нежелательныхъ сравненій, постановилъ преподавать во Львовскомъ университетѣ польскую литературу. Въ Ломбардскихъ гимназіяхъ перестали принуждать учениковъ изучать нѣмецкій языкъ. Одновременно поднимается вопросъ о созданіи Славянскаго королевства, въ которомъ соединена была бы Галиція съ Чехіей. Понятно, что новость эта вызывала живѣйшій интересъ среди пражскихъ патріотовъ.*)

*) „Небу угодно, чтобы эти слухи оправдались", писалъ Юнгманнъ Марку (1817). „И развѣ важно, что выберутъ

Эти слабые признаки перемѣны настроенія въ пользу чеховъ были закрѣплены рѣшеніемъ Верховной учебной комиссіи (23 августа 1816 года), согласно которому въ чешскихъ городахъ и мѣстечкахъ будутъ отнынѣ принимать на должности профессоровъ и директоровъ только знающихъ оба языка. Чешскіе ученики должны упражняться въ переводахъ на чешскій языкъ и въ чешскихъ сочиненіяхъ. 20 декабря новый декретъ предписалъ предоставить студентамъ богословія возможность изучать народную рѣчь. Доктора, занимающіе оффиціальный постъ, также должны были выказывать нѣкоторое знаніе чешскаго языка. Эти распоряженія, неясныя и неполныя, радостно принимались чехами. „Быть можетъ", писалъ Юнгманнъ, рана нанесенная Іосифомъ II нашему языку, начнетъ затягиваться и, современемъ, если на то будетъ воля Господня, зарубцуется вполнѣ. Понемногу, виднѣйшіе чехи займутъ общественныя должности, и наша нація снова расцвѣтетъ ... О, еслибы Господь даровалъ это!"

Но развѣ университетскія мѣры могли остановить все усиливающуюся германизацію? Гельфертъ, собравшій разсказы того времени, передаетъ въ

въ преобладающій языкъ польскій или чешскій? Это будетъ славянскій языкъ. Можетъ быть, нарѣчія кончатъ тѣмъ, что сольются. Боже! Это слишкомъ хорошая мысль. Ее принесъ ко мнѣ ангелъ, чтобы утѣшить меня, если не демонъ ее выдумалъ, чтобы поднять, а затѣмъ обезсиленнаго бросить".

формѣ анекдотовъ состояніе умовъ въ Чехіи: — Два молодыхъ патріота разрѣшили себѣ пиршество, такъ какъ они встрѣтили хорошо одѣтыхъ людей, говорящихъ по-чешски.

— Давай говорить по-нѣмецки, обратилась къ своей подругѣ одна молодая дѣвушка, а то насъ примутъ за кухарокъ*).

Въ этихъ разсказахъ, хотя и остроумныхъ, трудно установить ихъ происхожденіе, и нельзя имъ довѣряться вполнѣ.

*

Конечно, искреннія стремленія защитниковъ чешскаго языка тормозили, если не совсѣмъ задерживали, отходъ отъ народа высшихъ классовъ. „Масса", пишетъ Палацкій: „конечно продолжаетъ говорить по-чешски, но всѣ, кто хотѣли быть, или хотя бы только казаться просвѣщенными, приняли нѣмецкій языкъ; на интересующихся родной рѣчью они смотрятъ, какъ на чудаковъ и сумасшедшихъ, питаютъ къ нимъ презрѣніе, въ лучшемъ случаѣ жалость. Когда я былъ въ Прагѣ (1823 г.) въ избранномъ обществѣ нашей буржуазіи, я еще встрѣчалъ глубокихъ стариковъ эпохи Іосифа II. Они не говорили ни слова по-нѣ-

*) Разсказываютъ, будто Юнгманнъ, будучи однажды въ компаніи Марка и Яна Пресла, сказалъ: „Если сейчасъ обрушится потолокъ — вся чешская литература будетъ погребена вмѣстѣ съ нами."

Этотъ анекдотъ кажется мнѣ очень подозрительнымъ и черезчуръ сгущающимъ краски.

мецки, но наши усилія ихъ не интересовали. Ихъ внукамъ было уже трудно объясняться съ ними. Такъ вымирало старое поколѣніе а новое вырастало для противоположнаго лагеря".

Даже по деревнямъ чехи съ ужасомъ наблюдали все усиливающуюся германизацію. Они жили постояннымъ ожиданіемъ неизбѣжной катастрофы, и понятно, что они встрѣчали каждый малѣйшій симптомъ поворота съ почти болѣзненнымъ восторгомъ.

Ихъ противники, взволнованные быть можетъ ихъ радостью, скоро добились при дворѣ полной отмѣны резолюцій 1816 г. Эти послѣднія въ большинствѣ городовъ еще не были даже проведены въ жизнь, и чешскій языкъ быстро былъ низведенъ въ администраціи и въ школахъ до занимаемаго имъ прежде скромнаго положенія.

* *
*

Поколѣніе, которое вступало въ жизнь, и которое въ 1818 г. до извѣстной степени было декларировано*) Шафарикомъ и Палацкимъ, предъявляло огромныя требованія. Съ несправедливостью, свойственной молодежи, ставило оно на видъ своимъ предшественникамъ ихъ свѣтлый оптимизмъ, поверхностность ихъ работъ и робость ихъ желаній. „Народъ погибаетъ отъ нищеты и голода, а вы подаете имъ плохіе стихи... Грустное зрѣлище представляетъ собой послѣ

*) »Počátky českého básnictví obzvláště prosodie« 1818.

1620 г. наша разоренная, неутѣшная родина. Видѣть ея горе печальнѣй, нежели наблюдать ея пробужденіе за послѣдніе сорокъ лѣтъ. Считать ли, что старанія патріотовъ увѣнчались успѣхомъ, если въ ожиданіи полнаго ихъ порабощенія Германіей, они предоставили народу нѣсколько трактатовъ о нравственности и объ агрономіи?“

Дѣйствительность быстро охладила пылъ молодыхъ энтузіастовъ, такъ горячо начавшихъ борьбу. Они вышли на поле битвы, увлеченные новшествомъ, увѣренные въ себѣ. Шумъ, поднятый ими странно противорѣчилъ минимальному значенію спорныхъ вопросовъ. Они начинали войну по поводу замѣны латинскими буквами готическихъ, діакритической орфографіей орфографіи чешско-братской; поэты, мѣрившіе стихи свои по долготѣ слоговъ, считали реакціонерами и даже обвиняли въ измѣнѣ обращавшихъ большее вниманіе на удареніе слоговъ. Читатели ничего не понимали въ ихъ яростныхъ полемикахъ. „Вы, чешскіе ученые, спрашивалъ пражскій архіепископъ на странной смѣси латинскаго языка со славянскимъ и нѣмецкимъ, какая у васъ новая ссора на очереди“?

Многіе не замѣчали, что за этимъ скрывалась потребность въ оздоровленіи, въ пересмотрѣ программы, слишкомъ узкой и скромной. Языкъ становился священнымъ символомъ, ему придавали божественный характеръ. „Нашъ языкъ — святъ“, говорилъ Юнгманнъ. „Что языкъ соединилъ“,

отвѣчалъ ему Марекъ, „человѣкъ не можетъ разъединить“.

Грамматическіе споры получали характеръ богословскихъ споровъ, сохраняя обычную изступленность послѣднихъ. Современники хотѣли новаго, по сравненію со старой школой, возглавлявшейся попрежнему Добровскимъ, хотѣли и того, чтобы Чехія не замыкалась боязливо въ своемъ прошломъ, чтобы она приняла участіе въ общей жизни Европы. Они стремились подойти вплотную ко всѣмъ отраслямъ науки: Марекъ издавалъ философію, Палацкій изучалъ эстетику, Святополкъ Пресль, профессоръ минералогіи и зоологіи при университетѣ (1820—1848), работалъ надъ освобожденіемъ страны отъ нѣмецкой зависимости, въ коей она все еще пребывала, стараясь дать ей глубокое, научное знаніе родного языка. Двадцать лѣтъ издавалъ онъ журналъ „Крокъ“ — общенаучный журналъ для просвѣщенныхъ классовъ чехо-славянскаго народа. Но раздѣленіе труда все еще не было полнымъ. Тотъ же „Крокъ“ — рядомъ съ диссертаціями по ботаникѣ — помѣщалъ филологическія изслѣдованія. Пуркине, знаменитый физіологъ, бросалъ свои опыты надъ глазомъ, цѣнность которыхъ отмѣтилъ первый Гете, ради перевода Шиллера или Тассо. Подобное смѣшеніе не могло быть полезнымъ. Результаты интеллектуальнаго труда, сохраняя характеръ преднамѣрености и пропаганды, проигрывали съ точки зрѣнія вѣчной цѣнности.

Помимо внѣшнихъ условій, крайне неблагопріятныхъ, опасная горячка патріотизма, охватившая писателей, извращала ихъ вдохновеніе; она лишала ихъ нравственной чистоты, безъ наличія которой не могло быть дѣйствительно совершенныхъ твореній. Страсти настолько захватили романтиковъ, что они теряли надъ собой всякую власть. И хотя ясно ощущалась нужда въ новыхъ словахъ, неологизмы, совершенно произвольно создаваемые ими, выходили причудливыми и непонятными и имѣли мало шансовъ быть принятыми народомъ. Наконецъ, ихъ жестокія полемики отдаляли отъ обще-славянскаго дѣла многихъ весьма даровитыхъ людей, чувствовавшихъ отвращеніе къ безпрерывнымъ пустымъ ссорамъ и внутреннимъ распрямъ.

Около 1818 г. національная партія, поддерживаемая ошибками правительства и общимъ состояніемъ умовъ въ Европѣ, обновленная силами вступившихъ въ ея ряды бойцовъ, переживала кризисъ роста, внушавшій опасеніе наиболѣе осторожнымъ ея дѣятелямъ. Необходимо было дисциплинировать и обучить добровольцевъ, ввести ихъ въ строгія рамки, отучить ихъ отъ вздорныхъ и ничтожныхъ споровъ, дать конечную цѣль ихъ стремленіямъ. Юнгманнъ и, по его примѣру, тѣ изъ молодыхъ людей, кто скорѣе другихъ отказались отъ увлеченій, свойственныхъ молодости, и между ними Палацкій, видѣли одно время возможность найти руководство, въ кото-

ромъ они чувствовали потребность, — въ „Патріотическомъ обществѣ музея“.

Мысль создать чешскій музей зародилась послѣ основанія общества древностей въ Штиріи, котораго покровителемъ былъ эрцгерцогъ Іоаннъ.

Одобренное верховнымъ бурграфомъ графомъ Коловратомъ въ 1818 г., зародилось Общество музея, имѣвшее первоначально цѣлью практическія задачи, а именно распространенія необходимѣйшихъ знаній для повседневной жизни, повышенія производства въ различныхъ отрасляхъ индустріи и разумнаго использованія богатствъ, находящихся внутри страны. Коловратъ имѣлъ въ виду создать нѣчто подобное французскому промышленому музею, который не имѣлъ бы специфически чешскихъ чертъ.

Юнгманнъ, узнавъ объ его проектѣ, отправился къ нему съ двумя друзьями и имъ удалось добиться того, чтобы въ новомъ учрежденіи было отведено мѣсто для изученія чешскаго языка. Воззваніе, которое онъ составилъ, превратилось въ чешскій манифестъ. — „Патріоты! Почти исполнилось желаніе наше, издавна нами лелѣянное — основано общество для сохраненія и улучшенія нашего языка. При мощной поддержкѣ нашей аристократіи возникаетъ Музей, главной цѣлью котораго будетъ сохраненіе языка и нашей національности. — „Мы все еще народъ,“ таковы слова, вышедшія изъ просвѣщенныхъ устъ, „Мы все еще народъ“ — пусть слова эти облетятъ всю

Чехію, прогремятъ съ одного конца ея до другого.“

Уставъ Музея былъ утвержденъ императоромъ, и Общество начало свою дѣятельность въ 1821 г. Оно стало пристанищемъ всѣхъ, сохранившихъ интересъ къ научнымъ вопросамъ, оно распространяло любовь къ исторіи, сближало ученыхъ съ высшими классами общества, оказывавшими имъ поддержку, иногда непостоянную и нѣсколько гордую, но все же всегда цѣнную.

Общество было далеко не такимъ, каковымъ его хотѣлъ бы видѣть Юнгманнъ. Онъ придалъ неправильное значеніе словамъ верховнаго бургграфа. Даже между вельможами, наиболѣе расположенными къ чехамъ, не много было понимавшихъ далеко простиравшіяся мечтанія Юнгманна.

Штернберги, аристократы, обладавшіе въ то время наиболѣе яркимъ чувствомъ національнаго достоинства, тѣсно связанные съ патріотами, посвященные во всѣ ихъ замыслы, оставались въ то же время слишкомъ благоразумными и предусмотрительными, чтобы ввѣряться одной какой-либо партіи. Хотя Гаспаръ Штернбергъ съ 1786 г. ведетъ часть личной переписки по-чешски, съ глубокимъ вниманіемъ слѣдитъ за развитіемъ чешской литературы и привлекаетъ къ ней вниманіе Гете, — все же онъ самъ не вѣритъ въ успѣшность всѣхъ начинаній и не придаетъ имъ большого значенія. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ организаторовъ конгресса нѣмецкихъ есте-

ствоиспытателей. — „Есть только одна Германія,“ произнесъ онъ на первомъ его засѣданіи, „какъ есть только одна естественная наука.“*)

Подобныя симпатіи, лишенныя цѣльности, не удовлетворяли тѣхъ, кто хотѣлъ быть не только любимымъ, но предпочтеннымъ остальнымъ.

И еще Гаспаръ Штернбергъ былъ лучшій среди остальныхъ аристократовъ. Противъ именъ почти всѣхъ членовъ комитета Музея Юнгманнъ въ гнѣвѣ заявлялъ: „Только одно нѣмецкое, о чешскомъ ни слова“. Цѣль Общества была быстро забыта. Мечтатели, привѣтствовавшіе въ открытіи его зарю новаго вѣка, жестоко обманулись и грубо были сброшены на землю.

---

*) *Г. Лаубе* въ »Mittheilungen f. Gesch. der Deutschen in Böhm., XVIII« — *Краусъ* (Kraus Ar. V.), »Goethe a Čechy« видитъ въ Штернбергѣ чешскаго патріота. По моему, — онъ типъ феодала школы Льва Туна. Штернбергъ либеральнѣе Туна, но, какъ онъ, становится внѣ партій и, если и проповѣдуетъ политическое равенство чеховъ, то все же онъ во всемъ признаетъ нѣмецкое превосходство. Гете также не отдавалъ себѣ отчета въ настоящемъ положеніи, его больше поражало сходство двухъ этническихъ группъ Чехіи, нежели ихъ различіе. Онъ рекомендовалъ своимъ друзьямъ „Журналъ Музея“, чтобы нѣмцы узнали о нѣмцахъ... „Чехи могутъ думать, что хотятъ: даже, когда они слѣдуютъ своимъ старымъ образцамъ, ходъ ихъ мысли, ихъ думы, ихъ образы, ихъ воспитаніе — все нѣмецкое“. Симпатіи Гете къ славянскому движенію основаны на скептицизмѣ: это интересный опытъ — не опасный для Германіи. — Это тѣ же чувства, что питала французская Академія по отношенію къ современнымъ провансальцамъ.

Палацкій, одинъ изъ покровительствуемыхъ Штернбергомъ, менѣе другихъ былъ способенъ къ отчаянію и пробовалъ всячески оживить Музей. Онъ хотѣлъ придать ему нравственное руководство умами и создать для этого обозрѣніе, которое печатало бы чешскія и нѣмецкія произведенія. Гаспаръ Штернбергъ и Добровскій только покачивали головой: было уже слишкомъ поздно бороться противъ вторженія иностранцевъ, къ чему стараться осилить непреодолимый потокъ? — „Конечно, отвѣчалъ Палацкій, „если мы пойдемъ по стопамъ ученыхъ, которые не писали никогда иначе, какъ по — нѣмецки, то народъ нашъ долженъ погибнуть отъ духовнаго голода. А я, будь я даже цыганскаго рода, притомъ послѣднимъ его представителемъ, я счелъ бы своимъ долгомъ работать изо всѣхъ силъ, только чтобы оставить хорошее о немъ воспоминаніе въ исторіи человѣчества.“ — Его настроеніе побѣдило сомнѣнія, и въ 1827 году вышелъ первый номеръ „Журнала Чешскаго Музея“. Онъ сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ органовъ по изученію исторіи и литературы въ Чехіи.

Въ началѣ было очень трудно: мало подписчиковъ, сотрудники неопытны, полиція недовѣрчива. Палацкій былъ вынужденъ соблюдать крайнюю осторожность, за что молодежь обвинила его въ робости. Она охотнѣй группировалась около шумныхъ ораторовъ, напримѣръ около Ганки*),

*) *Ганка* (Hanka V., 1791—1861) сынъ крестьянина. Послѣ запоздалаго и неполнаго курса ученія, сотрудничаетъ въ

который открылъ безплатные курсы чешскаго языка при университетѣ. Онъ увлекалъ молодежь скорѣе своими недостатками, чѣмъ достоинствами. Горячій, краснорѣчивый, съ буйнымъ воображеніемъ, тщеславный и непостоянный, онъ принесъ свѣжія теоріи романтизма, которыми проникся въ Вѣнѣ, и которыя какъ нельзя больше подходили къ этимъ юношамъ, восторженнымъ, увлеченнымъ событіями послѣднихъ лѣтъ, близкимъ къ галлюцинаціямъ отъ постояннаго бреда патріотизмомъ, колеблющимся между свѣтлыми упованіями и мрачными предчувствіями. Естественно, ихъ переутомившаяся мысль была близка къ гиперестезіи сентиментализма.

Романтизмъ вѣрно передалъ состояніе души цѣлаго поколѣнія, съ его расшатанными нервами, потрясеннаго до основанія, лишеннаго живой дѣятельности, живущаго воображеніемъ; онъ имѣлъ

журналѣ Громадка (C. k. Víd. Noviny) (1813—1824). По возвращеніи своемъ въ Чехію, становится однимъ изъ вождей чешской молодежи. Онъ находитъ (?) рукопись Краледворскую и его назначаютъ библіотекаремъ въ Чешскій Музей. Будучи сторонникомъ славянскаго объединенія, онъ доходилъ часто до смѣшного и, говорили даже, до подлости, въ своей преданности Россіи. Поэтъ средняго достоинства, поверхностный ученый, хранитель Музея нечестный онъ портилъ рукописи, которыя ему были ввѣрены самымъ непозволительнымъ образомъ. Его защищалъ флагъ патріотизма, которымъ онъ прикрывался до конца своихъ дней. Его письма — важный документъ для изученія чешскаго возрожденія: Мацѣевскому (Slov. Sbornik 1883), Росцишевскому (изданные Jelínek'омъ, 1894), „Письма Кинскаго (Kinský) къ Ганкѣ" (Журналъ Чешскаго Музея 1881).

тѣмъ большій успѣхъ, что, въ сущности, не принесъ совершенно новыхъ идей, онъ лишь суммировалъ, собралъ мысли давно знакомыя, близкія чешскимъ писателямъ. Точно такъ же онъ не далъ ни одного новаго пророка, возвеличивъ въ то же время чрезвычайно многихъ изъ прежде признанныхъ вождей за исключеніемъ всѣхъ тѣхъ, кто проявилъ чувство критики. Но никто изъ причастныхъ къ созданію символа новой школы не имѣлъ такого вліянія на развитіе чешской мысли, какъ Гердеръ. Большой знатокъ Россіи, увлекавшійся Петромъ Великимъ и Екатериной II, онъ подобно Тациту, въ его Германіи, противопоставилъ упадку, наблюдаемому на Западѣ, гдѣ цивилизація заглушила мечты и искреннія чувства, Славянъ, близкихъ природѣ, сохранившихъ душу нетронутую и независимую. Онъ писалъ нѣсколько страницъ о ихъ значеніи въ исторіи человѣчества, и уже Юнгманнъ приходилъ отъ этого въ восторгъ, впослѣдствіи же его идеи, разработанныя Колларомъ и Шафарикомъ, стали евангеліемъ славянофильства.

*

„Славянскіе народы занимаютъ больше мѣста на земномъ шарѣ, чѣмъ въ исторіи человѣчества. Несмотря на свою храбрость, они не стали, подобно нѣмцамъ завоевателями, авантюристами и хищниками. Они появлялись только, чтобы занимать брошенныя области. Они любили землю, пасли стада, создавали новыя орудія, развивали ремесла и всюду начинали торговлю произведе-

ніями своего собственнаго ручного труда. Славяне работали на рудникахъ, топили и сплавляли металлы, добывали соль, ткали холсты, варили медъ, насаждали фруктовыя деревья и съ постоянными пѣснями жили весело и привольно.

Жестокой цѣной заплатили они за свое миролюбіе!

Но судьба измѣнчива. — Они занимаютъ богатѣйшія области Европы, ихъ законодательства и жизнь все больше и больше поощряютъ плодотворный трудъ. Поэтому, прилежные народы, униженные сегодня, сбросьте цѣпи рабства, вамъ однимъ будутъ принадлежать богатства вашей родины, вы проснетесь отъ долгаго сна и въ свободныхъ жилищахъ своихъ прославите веселый праздникъ труда!"

*

Въ этомъ идиллическомъ образѣ есть извѣстная доля правды. Славяне, подобно германцамъ, любили войну, но условія ихъ жизни не способствовали развитію въ нихъ воинственнаго духа, — чаще побѣжденные, чѣмъ побѣдители, они пріучились уважать, какъ высшую добродѣтель, необходимыя имъ терпѣніе и упорство. Ихъ панегиристы со словъ Гердера начинаютъ восхвалять, какъ ихъ природныя качества, привычки, явившіяся слѣдствіемъ приспособленія къ извѣстнымъ формамъ соціальной жизни и, какъ это бываетъ нерѣдко, начинаютъ работать надъ пріобщеніемъ народа къ созданному ими идеалу. Психологію славянъ,

трудно объяснимую вполнѣ исторически, ставятъ отнынѣ залогомъ ихъ будущаго.

Какимъ образомъ произойдетъ переворотъ, который вернетъ Славянамъ значеніе, на которое они имѣютъ право разсчитывать?

Въ выясненіи подробностей мнѣнія расходились: русскіе думали, что должно восторжествовать православіе, поляки возлагали всѣ надежды на пробужденіе католичества, чехи надѣялись на примиреніе народовъ, объединившихся въ идеѣ терпимости и свободы. Только на одной точкѣ сходились всѣ разногласія: ненависть и злоба, раздиравшія славянскія племена, были посѣяны иностраннымъ вліяніемъ, они измѣнили первоначальный характеръ славянъ, и необходимо было возстановить основныя черты, общія и близкія всѣмъ. Пусть сыновья Славіи, сбросивъ нечестивыя заблужденія, проклятое наслѣдіе многихъ вѣковъ рабства, познаютъ себя братьями, а для этого довольно отказаться отъ чуждыхъ имъ началъ и освободить естественные пласты изъ-подъ чужеземныхъ наслоеній. Врожденныя черты славянскаго характера будутъ возстановлены на основаніи самыхъ древнихъ данныхъ, въ частности, на основаніи того, что вытекало непосредственно изъ души народа, на основаніи народныхъ пѣсенъ.

Съ половины XVIII вѣка эти пѣсни становятся предметомъ внимательнаго изученія по всей Европѣ. Интересъ, вызванный сборниками Перси, Макферсона, Чаттертона и многочисленными кри-

тическими изслѣдованіями, привлекъ вниманіе и славянскихъ ученыхъ. Онъ вызвалъ появленіе значительныхъ собраній въ Россіи и въ Сербіи. Около 1815 г. изданіе Сербскихъ Пѣсенъ Вукомъ Караджичемъ вызвало соревнованіе въ Чехіи. Здѣсь увлеченіе народными пѣснями имѣло уже мѣсто подъ сильнымъ вліяніемъ Гердера, Гримма, Савиньи, Фукэ и Брентано. Чешскіе романтики начали повсюду разыскивать остатки своей древней литературы и внесли въ это дѣло столько увлеченія, что было бы право странно, если бы поиски ихъ не увѣнчались успѣхомъ.

*

И дѣйствительно, скоро были открыты, при условіяхъ настолько же странныхъ, какъ и мало выясненныхъ, нѣсколько древнихъ памятниковъ, изъ которыхъ особенно два послужили причиною глубочайшаго волненія. Первую изъ рукописей — открылъ Ганка въ 1817 году. Она извѣстна подъ названіемъ „Рукописи Краледворскіе“ и содержитъ въ себѣ различные отрывки, лирическіе и эпическіе, изъ которыхъ самый значительный описываетъ побѣду, одержанную надъ татарами въ XIII в. Большинство изъ этихъ отрывковъ дѣйствительно художественны, а главное — они отвѣчали какъ нельзя лучше вкусамъ и эстетическимъ потребностямъ даннаго момента.

„Судъ Любуши“, рукопись, присланная въ Музей неизвѣстнымъ лицомъ въ 1818 г., имѣетъ скромную литературную цѣнность, но зато чрезвычайно ин-

тересенъ съ исторической точки зрѣнія. Открытія, сдѣланныя впослѣдствіи, не могутъ быть сравниваемы съ сдѣланными вначалѣ*). Они одинаково

*) Здѣсь невозможно описать тѣ пламенные споры, что вспыхнули съ вопросомъ о подлинности рукописей. Добровскій, промолчавшій было при появленіи рукописи Краледворской, немедленно же отвергъ остальныя и высказался съ большимъ скептицизмомъ по поводу подобныхъ находокъ. Несмотря на сдержанность его и Копитара, общественное мнѣніе, искусно подготовленное, приняло какъ догматъ вѣры подлинность новыхъ памятниковъ. И таково было довѣріе, что атаки, предпринятыя противъ нихъ, дважды возобновлявшіяся Бюдингеромъ въ 1859 г. и Шемберой въ 1878 г., заслуживавшія полнаго вниманія, отклонялись съ пренебреженіемъ. Между тѣмъ наиболѣе уважаемые филологи, напримѣръ Миклошичъ, никогда не принимали во вниманіе для своихъ изслѣдованій этихъ текстовъ, а работы Гебауера, обновившія исторію чешскаго языка, открыли въ нихъ странныя неправильности. Когда, послѣ основанія чешскаго университета, школа реалистовъ и критиковъ основала „Атенеумъ“ и противопоставила свою программу національному идиллизму, она рѣшила, что нѣтъ лучшаго средства, чтобы пробудить общественное мнѣнія и ясно установить свои намѣренія, какъ начать бой противъ рукописей. Борьбу съ неустанной энергіей повели Масарикъ, Голль и Гебауеръ. И хотя ихъ аргументы не убѣдили всѣхъ, а доводы людей, какъ Томка и Калоуска, и имѣли нѣкоторое значеніе, несмотря на вмѣшательство Фляйшганса, авторитетъ котораго, правда, былъ слегка поколебленъ его непостоянствомъ, несмотря на многое, еще не выясненное понынѣ, вопросъ о рукописяхъ рѣшенъ теперь окончательно.

Условія, при которыхъ произошло ихъ нахожденіе, слишкомъ подозрительны. Всѣ, кромѣ одной, написаны той же рукой Ганки и его ближайшихъ друзей. Ганку неоднократно подозрѣвали въ поддѣлкѣ и фальсификаціи. Онъ обладалъ

претендовали на доказательство того, что чехи очень рано достигли высшей цивилизаціи, что имъ были давно извѣстны свободныя учрежденія, и что съ незапамятныхъ временъ они боролись съ нѣмцами, защищая основы гуманности и справедливости.

Рукописи отвѣчали увлеченію народными пѣснями. Ихъ перевели на различные европейскіе языки. Гете восхищался ими, а восторгъ, который онѣ вызвали въ Чехіи, возросталъ вмѣстѣ съ успѣхами ихъ заграницей. Онѣ стали священной кни-

---

необходимыми свѣдѣніями и литературными данными, чтобы могъ составить Рукописи. Послѣднія совершенно не даютъ новыхъ фактовъ, а точное отраженіе въ нихъ политическихъ, эстетическихъ и нравственныхъ идей чешскихъ романтиковъ чрезвычайно подозрительно. Въ нихъ можно найти странное сходство съ переводомъ Марко Поло, съ Александреидою, съ переводами Потеряннаго рая и Аталла, которые зналъ Ганка. Языкъ внушаетъ также сильныя сомнѣнія. Онъ не только противорѣчитъ нормамъ XIII в., но представляетъ собою смѣсь, заимствованную у различныхъ вѣковъ и согласованную съ грамматикой того времени.

Противъ этихъ аргументовъ защитники выставляли главнымъ образомъ доводы чувства: Ганка и его друзья не обладали достаточнымъ талантомъ, чтобы создать подобныя вещи. Доказательствомъ этому служитъ то, что въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего напоминающаго Рукопись Краледворскую, но цѣнность поэтическаго произведенія — вещь весьма трудно опредѣлимая и въ высшей степени субъективная. Есть немало писателей, которые въ извѣстныхъ условіяхъ создаютъ совершеннѣйшее произведеніе и не повторяютъ его больше никогда. Развѣ достаточный предлогъ оспаривать Марсельезу Руже де Лилль только потому, что его другія произведенія стоятъ не на такой же высотѣ?

гой, изъ коей вѣяло духомъ предковъ. Молодежь задалась цѣлью построить будущее по священному образцу, чудесно открытому.

Но не все въ то время обстояло благополучно. Когда подводишь итоги дѣятельности романтизма въ Чехіи, невольно замѣчаешь, что неоспоримыя заслуги новой школы базировались на ея опасныхъ заблужденіяхъ. Она создала вымышленную народность, далекую отъ правды и, любуясь ею, забывала о живомъ народѣ, отходила отъ прочныхъ

Кто же былъ авторомъ этихъ поддѣлокъ? Юнгманнъ остается въ сторонѣ, хотя и не выяснено, былъ ли онъ освѣдомленъ о готовившемся подлогѣ и не закрывалъ ли онъ на это сознательно глазъ? Казалось бы, что главная отвѣтственность должна падать на Ганку, который стоялъ, повидимому, во главѣ поддѣлывателей. Самый фактъ еще недостаточно освѣщенъ, но доводы, которые хотятъ извлечь защитники изъ неясности этого дѣла — неудовлетворительны. Для установленія подлога нѣтъ надобности указать на виновника.

Разгорѣвшіяся страсти, поднятыя споромъ, который долженъ бы былъ оставаться чисто научнымъ, начинаютъ стихать.

Совершенно вѣрно, что прошлое народа утверждаетъ его славу и что все, что понижаетъ блескъ его, принимается съ великою грустью. Но это относится къ исторіи, которая осталась какъ бы живою, близкою намъ, напр. въ Чехіи, къ временамъ Гуса, Жижки, Подебрада или Коменскаго. А билъ-ли въ 1241 г. Ярославъ Штернбергъ татаръ, или нѣтъ, это не имѣетъ никакого значенія. Лучше ужъ совсѣмъ не имѣть прошлаго, чѣмъ прививать народу ложь. Ложное благочестіе скрывать ошибки своихъ предковъ. Единственное средство прославить память нашихъ отцовъ — это отказаться отъ ихъ заблужденій.

основъ дѣйствительности. Въ литературѣ она запуталась въ отвлеченныхъ формулахъ и напыщенномъ слогѣ, въ политикѣ — увлекалась опаснѣйшими и пустѣйшими иллюзіями. Но ошибки эти не заставятъ насъ позабыть, что, усиливая національное сопротивленіе элементомъ страстности, романтики придавали защитникамъ чешской идеи восторженность патріотизма, каковую холодный разумъ Добровскаго или даже Юнгманна не могъ бы никогда породить. Она создала поклоненіе родинѣ и отклоняла, какъ преступную слабость, всякую мысль о неравномъ компромиссѣ. Беззащитные, передъ грозными кознями враговъ, въ смертельной тоскѣ, привязались чехи къ мысли о Славіи, единственной, которая давала имъ нѣкоторое облегченіе.

И хотя, какъ мы уже констатировали, подобныя идеи намѣчались уже съ 1815 года, но особенно сильно развились онѣ послѣ нахожденія рукописей; онѣ завладѣли съ такой силой душой народа, что придали всему поколѣнію особый, ясно опредѣленный отпечатокъ.

*

Существеннѣйшія черты чешскаго романтизма можно наблюдать у Коллара и Шафарика, возглавляющихъ второй періодъ Чешскаго Возрожденія, подобно Добровскому и Юнгманну, характеризовавшимъ его первый періодъ, и подобно тому, какъ Палацкій и Гавличекъ въ слѣдующемъ періодѣ будутъ представлять собою реакцію про-

тивъ излишней, необоснованной экзальтаціи панславистовъ.

На первый взглядъ различіе между Колларомъ*)

*) Янъ *Колларъ* (Kollár Jan, 1793—1852) словакъ, родился на сѣверо-западѣ Венгріи, протестантъ. Еще въ Пресбургѣ онъ былъ охваченъ національнымъ движеніемъ, но идеи его болѣе точно опредѣлились лишь въ Іенѣ (1817—1819 г.), гдѣ на него оказали большое вліяніе профессора Луденъ, Окенъ и Фризъ. Тамъ же онъ узналъ Фредерику Шмидтъ, которая становится для него чѣмъ-то въ родѣ божества. Ей посвятилъ онъ свою „Дочь Славы" (Slávy Dcera) и женился на ней много лѣтъ спустя. Его главное произведеніе было издано въ 1821 г. подъ названіемъ „Стихотворенія", затѣмъ въ 1824 году, сильно дополненное и расширенное, оно же вышло какъ „Дочь Славы", и съ тѣхъ поръ Колларъ все продолжалъ его дополнять. Въ 1820 г. онъ былъ назначенъ пасторомъ словенской церкви въ Пештѣ, гдѣ его славянскія тенденціи причиняли ему множество непріятностей. Онъ издалъ „Комментаріи къ Дочери Славы" (Výklad čili přímětky a vysvětlivky ku Slávy Dceři) и затѣмъ въ 1837 г. (сперва по-нѣмецки) свое разсужденіе: „О литературной взаимности между отдѣльными славянскими племенами и нарѣчіями" (Über die literar. Wechselseit. zwisch. d. versch. Stämmen u. Mundarten d. slav. N.), имѣвшую небывалый успѣхъ. Въ 1849 г. онъ былъ выбранъ профессоромъ славянской археологіи при Вѣнскомъ университетѣ, но его научные труды въ этой области не имѣли никакого значенія. Многіе изъ писемъ Коллара были напечатаны въ Журналѣ Чешскаго Музея и въ Славянскомъ сборникѣ (II и IV т.). Два человѣка сдѣлали особенно много для изслѣдованій о Колларѣ — это Янъ Якубецъ и Мурко. Былъ изданъ въ 1893 году Сборникъ статей подъ редакціей Пастернка, къ столѣтію со дня рожденія поэта. Этотъ сборникъ содержитъ немало цѣнныхъ свѣдѣній, но я не могу не замѣтить, что обычай, распространенный въ Чехіи, издавать подоб-

и Шафарикомъ очень глубоко. Одинъ изъ нихъ ученый, самыя смѣлыя гипотезы котораго всегда научно обоснованы*), другой поэтъ, который ни-

ные сборники изъ чувства уваженія къ кому-нибудь мнѣ кажется весьма прискорбнымъ съ научной точки зрѣнія. Это приводитъ нерѣдко къ агіографіи. Среди трудовъ, относящихся къ литературѣ о Колларѣ, можно отмѣтить какъ наиболѣе интересные: Яр. Влчекъ (Нѣсколько главъ изъ исторіи нашей поэзіи 1898) и Врхлицкій. Вѣдь всегда интересно, когда поэтъ судитъ о поэтѣ: — „Новыя изысканія и портреты" (1897). Луи Леже (Louis Leger) далъ прекрасное изложеніе произведеній Коллара съ многочисленными переводами, въ своей книгѣ „Russes et Slaves" (1890).

*) Павелъ Іосифъ *Шафарикъ* (Šafařík P. J. 1795—1861), словакъ, сынъ евангелическаго пастора. Одна изъ статей Юнгманна пробуждаетъ въ немъ чешскій патріотизмъ (1811) и онъ издаетъ въ 1814 г. „Татранскую Музу (Tatranská Můza). Во время пребыванія своего въ Іенѣ, онъ близко сходится съ Колларомъ и проходитъ кругъ тѣхъ же вліяній, что и послѣдній. Его „Начала чешской литературы" и особенно просодіи" („Počátkové českého básnictví, obzvláště prosodie", 1818) вызвали горячую полемику. Профессоръ сербской гимназіи въ Новомъ Садѣ въ 1819 г., онъ изучаетъ литературу южныхъ славянъ и предопредѣляетъ себя историческимъ и филологическимъ изысканіямъ. Его „Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten" (1826), и разсужденіе „Über die Abkunft der Slaven" (1828) намѣчаютъ характеръ всѣхъ его послѣдующихъ произведеній. Въ 1833 г. онъ переѣзжаетъ въ Прагу, гдѣ Палацкій обезпечиваетъ ему доходъ въ 500 флориновъ, и остается тамъ до самой смерти. Онъ издаетъ въ 1837 г. „Славянскія Древности" (Slovanské starožitnosti), которыя составили цѣлую эпоху въ изслѣдованіяхъ о происхожденіи славянъ, и широко разошлись. Его „Славянская Этнографія" (Slovanský národopis, 1842) принесла ему широкую попу-

когда не бываетъ больше рабомъ своего воображенія, чѣмъ тогда, когда онъ увѣренъ, что мыслитъ совершенно научно.

Эти различія сглаживаются принадлежностью ихъ къ одной семьѣ. Вѣдь всегда съ перваго взгляда можно отличить братьевъ, выросшихъ и воспитанныхъ въ одной обстановкѣ. Они оба словаки, т. е. Чехія ихъ обоихъ лишь усыновила. Это необходимо учесть. Они вышли изъ того небольшого народа пастуховъ и земледѣльцевъ, который, хотя и защищенный отъ вторженій чужеземцевъ горами, не имѣлъ своей исторіи и былъ лишенъ честолюбивыхъ стремленій.

Расположенные географически въ центрѣ сѣверныхъ славянскихъ группъ, словаки представляли собой переходную степень между малоросами, поляками и чехами. Очень долго они не

лярность. Съ Палацкимъ и Юнгманномъ работаетъ онъ надъ „Чешской Антологіей“ (Výbor z literatury české), которой онъ предпосылаетъ очень цѣнное грамматическое изслѣдованіе. Въ ту эпоху онъ былъ свѣтиломъ славянскаго міра. На Славянскомъ съѣздѣ 1848 г. онъ былъ единогласно избранъ предсѣдателемъ. Его послѣдніе труды были посвящены языку и письменности старословянскимъ.

Изъ работъ, посвященныхъ Шафарику, наиболѣе цѣнны, Иречка (Jos. Jireček), его зятя въ „Österreichische Revue“ (1865) Брандля (Brandl, 1887), Влчека (V. Vlček) превосходная (1896), съ библіографическимъ указателемъ въ концѣ. Константинъ Иречекъ (Konst. Jireček), внукъ Шафарика: „Шафарикъ у южныхъ славянъ“ (1895), очень цѣнная. См. въ Историческомъ Чешскомъ Журналѣ (Český časopis historický, 1895), статьи Нидерле, Поливки и Махала.

имѣли иной литературы, чѣмъ та, что имъ доставлялась бѣженцами изъ другихъ странъ. Они жили лишь отголосками, долетавшими къ нимъ извнѣ.

*

Колларъ и Шафарикъ не обладали личнымъ патріотизмомъ. Они были убѣждены, что народы чрезвычайно пластичны, и что нетрудно добиться у нихъ отказа отъ свойственныхъ имъ традицій. Они оба были протестантами, но вѣра ихъ приближалась къ церкви, развивавшейся далеко отъ научныхъ центровъ, догматы которой почти сгладились и постепенно исчезли. Ихъ символъ вѣры, расширенный раціоналистическимъ вліяніемъ, граничилъ съ ненавистью къ инквизиціи. Они оставались близки греческому православію, реализмъ котораго оставляетъ широкую возможность полетамъ фантазіи. У себя въ горахъ они видѣли семьи, которыя, чтобы достичь высокаго положенія, отрекались отъ своей національности и вступали въ ряды мадьяръ. Поэтому у нихъ нѣтъ симпатіи къ дворянству. Ихъ идеалъ: демократическое общество, основанное на трудѣ и равенствѣ, гдѣ потребности незначительны и соревнованіе безъ горечи.

Ихъ прошлое и ихъ воспитаніе подготовили ихъ прекрасно къ принятію идей Руссо и Гердера, которыя они встрѣтили и у нѣмецкихъ романтиковъ. Когда они пріѣхали въ Іену, ихъ сразу же одурманили патріотизмъ и либеральная горячка Фризовъ, Луденовъ и Океновъ. Чувства, давно

бродившія въ ихъ душѣ, вспыхиваютъ и изъ подражанія и въ силу реакціи, и передъ лицомъ Германіи, по примѣру нѣмцевъ, они воздвигаютъ Славію, которой будетъ принадлежать честь дать міру царство братства и любви. Они заимствуютъ у учителей своихъ ихъ пріемы и особенно методы, они любятъ широкіе синтезы и смѣлыя обобщенія, вѣрятъ въ чудеса интуиціи, проникающей въ сокровенный смыслъ вещей. Въ поэтѣ они видятъ пророка, историка судятъ „не по успѣшности его открытій, но по чистотѣ и искренности его убѣжденій и по высотѣ той цѣли, которую онъ преслѣдуетъ“. Шафарикъ, даже послѣ того, какъ долголѣтней привычкой къ научному труду сталъ освобождаться отъ предразсудковъ юности, испытываетъ настоящій ужасъ, когда славянскіе писатели судятъ слишкомъ строго своихъ соотечественниковъ. „Да проститъ Богъ этимъ безумцамъ! Не вѣдаютъ бо, что творятъ! Народъ, который выставляетъ исторію свою на посмѣшище и поруганіе — погибшій народъ!“ Будучи слишкомъ честнымъ для того, чтобы извращать или поддѣлывать источники, онъ оказывается въ положеніи вѣрующаго христіанина, для котораго толкованіе есть всегда средство, чтобы яснѣе выявилась правда священнаго писанія.

По возвращеніи ихъ изъ Іены, жизнь развила въ Колларѣ и Шафарикѣ патріотическія бредни и сентиментальный идеализмъ.

Шафарикъ, занимая должность профессора въ

небольшой сербской гимназіи въ Новомъ Садѣ, былъ здѣсь очень несчастенъ. Одинокій среди сербскихъ свино-торговцевъ, людей грубыхъ, которые оставались равнодушными къ судьбѣ своего народа, и словаковъ — бѣдныхъ и забитыхъ, онъ не зналъ иного утѣшенія, какъ обходить монастыри Фрушкой Горы и отыскивать въ нихъ забытыя грамоты. Въ то же время, вниманіе его все больше сосредоточивалось на вопросѣ о происхожденіи славянъ и онъ все больше убѣждался, что распри, которыя обрекли народъ его на безсиліе, были вызваны единственно несоблюденіемъ первоначальныхъ обычаевъ. Чѣмъ плачевнѣй было настоящее, тѣмъ ярче искрилась въ золотыхъ лучахъ далекая Славія. Шафарикъ уповалъ на нее, чтобы имѣть возможность открыть Европѣ, усталой и потерянной, новые пути. „Въ славянскомъ мірѣ", писалъ онъ, „умственныя способности сохранили равновѣсіе; чувство, воображеніе и разумъ соединились въ равной пропорціи, умъ и сердце представляютъ собой гармонію... Въ немъ, чувство — мысль, и мысль — чувство: два рода человѣческаго естества соединились въ великомъ храмѣ Славіи и изъ соединенія ихъ родилась интенсивнѣйшая національная жизнь, синтезирующая въ своемъ полномъ единеніи возможный идеалъ человѣчества. И потому, славяне не ищутъ, какъ испанцы, приключеній, не отдаются страстямъ, подобно итальянцамъ, не теряются въ ухищреніяхъ разума, какъ французы, имъ не знакомы англійскія колебанія между ме-

ланхоліей и экстазомъ, или нѣмецкія блужданія въ тонкостяхъ мышленія".

Это были пустыя мечты, которыя не могли пройти даромъ ни историку, поколебавъ сильно его проницательность, ни политику, плохо подготовивъ его къ суровой дѣйствительности и реальнымъ условіямъ будущей борьбы. Но ихъ заслуга заключалась хотя бы уже въ томъ, что они опьяняли чеховъ священной вѣрой, столь необходимой имъ для принятія неравнаго боя.

Шафарикъ прошелъ тяжелую жизненную школу. Благодаря Палацкому, который одинаково уважалъ его труды и преклонялся передъ его характеромъ, и которому при помощи нѣсколькихъ друзей удалось обезпечить ему окладъ въ нѣсколько сотъ флориновъ, Шафарикъ переѣхалъ въ Прагу, городъ, казавшійся ему передовымъ постомъ и интеллектуальной столицей Славіи. Средствъ, чтобы удовлетворить потребности многочисленной семьи, было мало. Книги Шафарика не приносили ему ничего и обходились очень дорого. Онъ былъ бы принужденъ отказаться отъ изданія своихъ произведеній, если бы ему не оказали поддержку его заграничные друзья, особенно изъ числа русскихъ. Но такая помощь была непостоянной и неопредѣленной и не могла вывести его окончательно изъ затрудненій. Онъ добивался и получилъ наконецъ мѣсто цензора, плохо оплачиваемое, которое принуждало его къ унизительнымъ компромиссамъ. Здоровье его бы-

ло всегда плохо, но скоро, благодаря переутомленію и непріятностямъ, разстроилось совершенно. Нѣсколько разъ онъ былъ близокъ къ потерѣ зрѣнія. Его мучили ревматизмъ и невральгія, перешедшая въ нервную болѣзнь; однажды, въ безпамятствѣ, онъ хотѣлъ утопиться. Къ лишеніямъ матеріальнымъ прибавлялись разочарованія общественной жизни. Распри, раздиравшія славянъ, были попрежнему остры; австрійское правительство оказывало свое покровительство исключительно нѣмцамъ; революція 1848 г. была лишь прелюдіей къ полному торжеству военнаго деспотизма. Пражскій Славянскій съѣздъ оказался прекрасной мечтой, безъ перспективъ для завтрашняго дня.

Несмотря ни на что, сквозь всѣ бѣдствія и испытанія, въ самой глубинѣ души своей лелѣялъ Шафарикъ свѣтлый образъ будущаго. „Не все потеряно“, писалъ онъ Палацкому еще въ ранней молодости, „живъ Богъ на небѣ, который рано или поздно увѣнчаетъ успѣхомъ труды своихъ вѣрныхъ сыновъ. Даже, если все лишь сонъ и обманъ, — не все ли равно. И если мы всѣ умремъ, подобно отцамъ нашимъ, ничего не добившись, то все же мы умремъ за идею, а ничто такъ не прославляетъ человѣка, какъ умѣть умереть за нее.“ Въ этомъ отличіе его отъ нѣмецкихъ романтиковъ, неустойчивыхъ нравственно, которые такъ скоро стали искать спасенія въ самоотреченіи и раболѣпствѣ.

Необычайное мужество и прямолинейность помогли Шафарику устоять противъ принциповъ, въ родѣ — искусство ради искусства, противъ диллетантизма и ироніи. До послѣдняго дня своего онъ вѣрилъ, что подобно тому, какъ добродѣтель является единственной цѣнностью человѣческой жизни, такъ право есть прочное основаніе счастья народовъ, и что высочайшая цѣль исторіи учить человѣчество добру, приближая къ идеальной справедливости условія общественной жизни.

*

Колларъ, во время священничества въ Пештѣ, послѣ аналогичнаго же моральнаго кризиса, пришелъ къ подобнымъ же выводамъ. Испытывая на себѣ одновременно озлобленіе мадьяръ и недовѣріе нѣмцевъ, довольно плохо поддержанный своей словацкой паствой, невѣжественной и бѣдной, онъ забывалъ настоящее, вызывая образы прошлаго и будущаго, и въ глубокой опасности, которая преслѣдовала его народъ, онъ обращался за помощью къ генію племени. Сегодня намъ уже непонятенъ восторгъ, окружившій появленіе сборника сонетовъ, въ которомъ Колларъ собралъ свои мечтанія, — „Дочери Славы“ (1824); его произведенія устарѣли, и въ Чехіи даже можетъ быть больше, чѣмъ заграницей. Онъ превратился въ классика, въ самомъ плохомъ смыслѣ этого слова: ученики гимназій обязаны заучивать нѣкоторые изъ его сонетовъ съ тѣмъ, чтобы, разъ навсегда покинувъ школьную скамью, никогда къ нему больше не

возвращаться. Осталось только извѣстное всѣмъ имя, а слава его уже познала холодъ могилы. Благоговѣйное безразличіе толпы кажется болѣе искреннимъ и справедливымъ, нежели историческія оправданія критиковъ.

Въ началѣ популярность Коллара, казалось, превосходила его заслуги: онъ несъ молодежи то слово, котораго она ждала, и исповѣдывалъ съ абсолютной вѣрностью то, что отвѣчало устремленіямъ его вѣка. Произведенія его соотвѣтствовали, главнымъ образомъ, данному моменту и тѣмъ самымъ были обречены на сравнительно быстрое увяданіе. Только, когда разсѣялся туманъ отъ тѣхъ образовъ, что онъ воспѣвалъ, и стали судить произведенія его сами по себѣ, — увидали въ нихъ много добраго желанія, усилія, нерѣдко увѣнчанныя успѣхомъ, увидали, что онъ значительно выше прежнихъ поэтовъ; ему не хватало только личной иниціативы и священнаго огня — дара небесъ, иначе говоря, — всего.

Во время пребыванія своего въ Іенѣ, Колларъ влюбился въ дочь пастора Шмидта, неособенно красивую, съ слишкомъ длинной шеей, съ черезчуръ рѣзкими чертами лица, съ маленькими, глубоко посаженными глазками, подъ густыми бровями. Малообразованная, безъ размаха души и ума, Фредерика приняла поклоненіе влюбленнаго съ тихимъ смущеніемъ дѣвушки, не ожидавшей для себя ничего лучшаго. Была ли дѣйствительно искренней страсть молодого студента богословія?

Сейчасъ позволительно считать странной легкость, съ какой въ продолженіе пятнадцати лѣтъ онъ допускалъ мысль, что Мина, такъ называлъ онъ ее — умерла. Ему достаточно было воспоминаній о ней!

Онъ кончилъ тѣмъ, что женился на ней, когда ей было уже около сорока лѣтъ: это было какъ бы завершеніемъ старинныхъ отношеній. Они имѣли дочь, которая никогда не научилась чешскому языку и вышла замужъ за нѣмецкаго профессора. Этотъ скучный романъ хорошо показываетъ, какъ много условнаго и вымышленнаго бываетъ въ творчествѣ писателя. Мы бы вышли изъ границъ нашего очерка, если бы захотѣли доказать, какъ мало въ Колларѣ было искренности. Слишкомъ ясно то, что онъ самъ старался создать себѣ иллюзіи о состояніи своей души. „Я часто видѣлъ красивыхъ нѣмокъ, собиравшихся около меня, но сердце мое оставалось спокойно, и глаза не улыбались. Губы мои открываются только для тебя — о, Мина. Только славянка можетъ плѣнить возлюбленнаго славянина. Равный любитъ равнаго. Безъ Родины — нѣтъ Любви.“

Не говоря уже о томъ, что выраженія сами по себѣ обыденны, а идеи — оспоримы, мы спрашиваемъ себя, дѣйствительно ли для Коллара было довольно того, что отецъ Фредерики собиралъ древности и имѣлъ, можетъ быть, въ своей библіотекѣ старую хронику о лужицкихъ сербахъ, чтобы серьезно видѣть славянскую Беатриче въ нѣмецкой простушкѣ.

Это наблюденіе преслѣдуетъ насъ все время, пока мы читаемъ его поэму. Невозможно отказаться отъ впечатлѣнія надуманности и того, что вдохновеніе исходитъ изъ ума, но не изъ сердца.

Въ своемъ первоначальномъ видѣ поэма состояла изъ цѣлаго ряда любовныхъ сонетовъ, не особенно яркихъ, но удивительно изящныхъ, и среди нихъ затерялось нѣсколько набросковъ на патріотическія темы. Слѣдующія изданія, авторъ все расширялъ и расширялъ; изданіе 1852 г., напримѣръ, насчитывало уже ни болѣе ни менѣе, какъ 645 сонетовъ. Идиллія превращалась въ эпопею. Фредерика, превратившаяся въ Мину, олицетворявшую сербовъ, которые на истокахъ Эльбы поглощены были мало-по-малу германской расой, становится Дочерью Славы, руководящей поэтомъ въ его паломничествѣ по всѣмъ странамъ, принадлежавшимъ когда-то, или хотя бы даже только населенными въ прошломъ, его единоплеменниками.

Самая большая опасность подобнаго наблюденія не въ томъ, что оно вызываетъ непріятныя сравненія: странно было бы сопоставлять съ Божественной Комедіей Данте послѣднія пѣсни Дочери Славы, скучныя и убогія компиляціи, въ коихъ писатель съ большими потугами претворяетъ въ стихи свои археологическія воспоминанія и одержанныя побѣды надъ знаніемъ весьма низкой пробы. Но даже первыя три пѣсни, наиболѣе удачныя, странно блѣднѣютъ по сравненію, напримѣръ,

съ Чайльдъ Гарольдомъ Байрона. Идея Коллара въ нихъ слишкомъ часто смутна и поверхностна, чувства — монотонны и гнѣвы слезливы, исключительно внѣшнія заданія, языкъ, загроможденный неудачными новообразованіями и германизмами, которые являются дѣйствительными неправильностями. И современный читатель тѣмъ ярче чувствуетъ подобные недостатки этого произведенія, ибо онъ воспитанъ подъ вліяніемъ эстетики абсолютно противоположной эстетикѣ романтической школѣ, и барды прошедшаго періода приводятъ его въ отчаяніе своимъ пѣніемъ, вызывающимскуку и утомленіе.

Но подобные отзывы не заставятъ насъ позабыть, что, если Коллару и недоставало божественныхъ даровъ истиннаго поэта, если ему не хватало способности ярко отмѣтить своей личностью идеи, если не было въ немъ плодотворности и дара перевоплощенія, то все же въ немъ можно найти фрагменты писателя высшаго качества. Рифмоплеты, ему предшествовавшіе и не только Неѣдлый и Пухмайеръ, но Юнгманнъ и даже А. Марекъ и Полакъ*), произведенія которыхъ хотя

*) Ант. *Марекъ* (Ant. Marek, 1785—1877) пріятель Юнгманна. Послѣдній заставлялъ его заполнять въ чешской литературѣ всѣ нехватавшіе ей роды поэтическихъ произведеній.

Матвѣй *Полакъ* (Polák Math., 1788—1856) генералъ-маіоръ, написалъ о „Возвышенности Природы“ (Vznešenost Přírody), дидактическую и философскую поэму, внушенную Томсономъ и Клейстомъ (1812). Она была больше расхвалена критикой, нежели читаема. „Это не есть настоящій поэтъ“,

и принимались съ радостью, по сравненію съ нимъ не больше, чѣмъ школьники, и вся ихъ заслуга въ томъ, что они проложили путь своимъ болѣе счастливымъ продолжателямъ.

Колларъ со всѣми своими недостатками настолько ихъ выше, что между ними не можетъ даже существовать общей мѣрки. Онъ дѣйствительно жилъ, его читали, восхищались имъ, и даже сейчасъ еще намъ бываетъ понятенъ восторгъ, который онъ вызывалъ, и нерѣдко бываютъ даже близки его переживанія. Врхлицкій, который говорилъ о немъ такъ, какъ только великій поэтъ можетъ говорить о поэтѣ, считалъ, что сонеты поэмы его — зерна четокъ: порвалися нити, четки разсыпались, но и въ пыли они не могутъ потерять своего блеска.

Колларъ, довольно точно подражавшій нѣмецкимъ романтикамъ, понималъ поэзію нѣсколько иначе; онъ подходилъ въ этомъ вопросѣ ближе къ Франціи, чѣмъ къ Германіи. Скорѣе ораторъ, нежели поэтъ, онъ не можетъ отказаться отъ своей личности и передаетъ лишь свои собственныя переживанія; струны его лиры не знаютъ разнообразія, онѣ всегда обращаются къ одной части души и могутъ вліять только на читателей, подготовленныхъ къ этому. Слава его не перейдетъ

совершенно вѣрно замѣчаетъ Влчекъ (Vlček), въ своей книгѣ „Нѣсколько главъ изъ чешской литературы“: онъ не умѣетъ воспроизвести словомъ то, что видитъ, чувствуетъ и мыслитъ.“

за предѣлы славянскаго міра, въ границахъ же послѣдняго она можетъ быть и будетъ жить, такъ какъ онъ искренно скорбѣлъ о несчастіяхъ своего народа.

*

Онъ говорилъ, что каждый годъ имѣетъ три дня траура: годовщины Косова, Бѣлой Горы и Маціовицъ, когда исчезли надолго народы сербскій, чешскій и польскій. Это не было для него лишь поэтическимъ образомъ: нѣтъ, когда онъ говоритъ о несчастіяхъ славянъ, рыданья подступаютъ къ его горлу; онъ носитъ ихъ доблести въ сердцѣ своемъ и окружаетъ ихъ безпрестанной любовью. — Онъ дошелъ до своихъ чувствъ разумомъ и изученіемъ литературы, что отразилось конечно на его произведеніяхъ, но они стали частью его самого, вдохновляя его на поэзію, полную жгучей тоски, глубоко возбуждая души вѣрныхъ ему читателей.

Сколько молодежи почувствовало въ сердцахъ своихъ захватывающее настроеніе отчаянія и злобы, декламируя знаменитый прологъ: — „Здѣсь передъ глазами моими, полными слезъ, разстилается земля, когда-то колыбель, нынче могила народа моего. Отъ предательскихъ береговъ Эльбы до невѣрныхъ равнинъ Вислы и отъ Дуная до водъ могущественной Балтики стройно звучала когда-то рѣчь Славянъ. Они оскорбили ненависть — и ненависть ихъ побѣдила. Кто совершилъ это страшное преступ-

леніе? Кто, въ лицѣ одного народа, надругался надъ всѣмъ человѣчествомъ? Позоръ тебѣ, неистовая Германія. Только тотъ достоинъ свободы, кто умѣетъ уважать свободу другихъ. Взоръ мой ищетъ Славянъ на землѣ славянской — и не находитъ. Первые пробудили они жизнь на сѣверѣ, научили людей не бояться моря, искать въ волнахъ его счастья, стремиться къ обѣтованнымъ берегамъ его; изъ утробы земли вырыли они цѣнности, не ради наживы, нѣтъ, — для прославленія боговъ; иные среди нихъ научили землепашцевъ плугомъ вспахивать землю, тогда, еще не плодоносную, чтобы приносила она имъ золотые колосья; дороги свои украшали они липой, — священнымъ деревомъ Славянъ, и давала она путникамъ тѣнь и свой запахъ. И за всѣ благодѣянія и уроки твои, о народъ мой, какова была Тебѣ благодарность?

Вѣроломный сосѣдъ проникъ въ домъ твой и вкругъ шеи господина обвилъ тяжелыя цѣпи рабства; тогда даже боги покинули насъ — и только природа осталась неизмѣнной: лѣса, рѣки, села и города не отреклись отъ славянскихъ названій, — но только тѣло въ нихъ, духа Славіи нѣтъ".

Въ печальномъ паломничествѣ, полномъ скорби и слезъ, ноги поэта поранены о развалины, подъ которыми въ агоніи умираетъ народъ его.

„Жадный иноземецъ пьетъ нашу чистѣйшую кровь, а сыны, не вѣрующіе въ славу отцовъ своихъ, гордятся рабствомъ. Ни на кого безжа-

лостная рука побѣдителя не обрушилась сильнѣе, чѣмъ на Чехію. Какъ привѣтствовать тебя, слезами или пѣніемъ, какъ родную мать или какъ мачеху, страна полная почета и стыда, проявленія гнѣва или милости Божіей? Твои замки посѣщаютъ лишь совы и гады, нивы твои не обрабатываютъ больше сыны Чехіи. Сильный левъ на гербѣ служитъ тебѣ защитой, но смерть и бѣдность прячутся въ складкахъ одежды твоей... О, милосердный Богъ! Твоя отеческая рука защищаетъ всѣхъ людей, почему же никто на цѣломъ свѣтѣ не относится къ славянамъ справедливо?"

Подобные приступы отчаянія, внушенные, по моему мнѣнію, Коллару его патетическими сонетами, довольно рѣдки. Оптимизмъ поэта устранялъ темныя видѣнія. Славяне пали жертвой своихъ враговъ, такъ какъ еще прежде братъ возсталъ на брата. Пусть же исчезнетъ ненависть и стихнутъ внутренніе раздоры!

„Лейтесь, мои скорбныя слезы въ Влтаву, подобно дождю изъ тучи, несите мою заповѣдь дѣтямъ Славы: оставьте распри, которыя уже приготовили могилу нашей родинѣ. Вѣдь вашъ — и Гусъ, и Непомукъ, и св. Кириллъ. Сто разъ я говорилъ и повторю еще разъ вамъ, разъединенные славяне: будемъ вмѣстѣ, не надо раздѣляться. Васъ называютъ народомъ — голубицей. Но голубь всегда любитъ свою голубку, вотъ добродѣтель, которую я вамъ искренно желаю.

Славяне, раздробленный народъ, вѣдь въ единеніи сила! Даже потокъ, раздѣлившій воды свои, теряетъ прежнюю мощь. Ахъ! если бы я могъ, я собралъ бы все утерянное нами народное богатство, золото, серебро и бронзу, я бы вылилъ изъ нихъ одну фигуру. Изъ русскихъ я бы вылилъ голову, поляки послужили бы мнѣ туловищемъ, чехи — руками, сербы, хорваты, силезцы словаки — превратились бы въ одежду и вооруженіе. И у ногъ этой колоссальной фигуры распростерлась бы вся Европа. Голова ея стояла бы выше облаковъ, а ноги прочно упирались бы о землю".

Недалекъ часъ, когда всѣ эти мечты оправдаются!

„Славія, Славія, имя твое сладкозвучно, а память о тебѣ горестна. Тяжелы были твои страданья, безжалостные враги раздирали твои внутренности, невѣрные сыны тебѣ измѣняли, ты пережила... Мы все имѣемъ, повѣрьте мнѣ, друзья мои, все, что должно завоевать намъ почетное мѣсто среди самыхъ славныхъ и доблестныхъ народовъ человѣчества, — намъ не хватаетъ лишь единенія и просвѣщенія. Дайте намъ ихъ, дайте намъ духъ всеславянства, и вы увидите народъ такой, какого не было еще въ исторіи. Между Греціей и Британіей на небесномъ сводѣ, усѣянномъ звѣздами, возсіяетъ наше имя... Почему нашимъ сердцамъ трепетать? Почему намъ горевать и мучиться, если мы увидѣли передъ собой

пустыню, необработанную и невспаханную. Я не хочу побѣды, которая упала бы съ неба, безъ трудовъ и усилій съ нашей стороны: иные движутся по легкому пути — мы съ трудомъ поспѣваемъ за ними, плетемся въ ихъ хвостѣ, но вѣдь мы самые молодые. Сейчасъ мы имѣемъ опытъ нашихъ предшественниковъ, и развѣ кто нибудь знаетъ, что напишемъ мы въ книгѣ Человѣчества".

Уже мерцаетъ передъ восхищеннымъ взоромъ поэта свѣтлая заря пробужденія.

„Чѣмъ будемъ мы, славяне, черезъ сто лѣтъ? Чѣмъ будетъ вся Европа? — Подобно наводненію — славянская жизнь распространится повсюду. Языкъ, вызывающій слѣпую ненависть нѣмцевъ, заклейменный ими, какъ языкъ рабовъ, прозвучитъ снова подъ сводами замковъ и даже въ устахъ нашихъ враговъ. Науки потекутъ по славянскому руслу. Костюмы, нравы, пѣсни нашего народа — все будетъ торжествовать на берегахъ Сены и Лабы. О, если бы я могъ тогда жить, или хотя бы смогъ выйти на время изъ могилы!"

Позже Колларъ развилъ въ болѣе точной и ясной формѣ свои надежды и теоріи въ разсужденіи. „О славянской взаимности" и въ Сборникѣ проповѣдей, литературная цѣнность которыхъ довольно слаба, но которыя имѣли такой-же успѣхъ, какъ Дочь Славы.

Но его панславизмъ не угрожалъ существующему порядку. Онъ писалъ: „Истинную Родину мы носимъ въ нашемъ сердцѣ и никто не сможетъ

ее оттуда вырвать. Сегодня или завтра, побѣдившій можетъ захватить наши земли, подчинить побѣжденныхъ своимъ законамъ: мы соединимъ наши души и возстанетъ Родина, недѣлимая, живая въ каждомъ отдѣльномъ изъ своихъ обломковъ. Истинныя границы, которымъ не опасны случайности войны — языкъ, обычаи и согласіе сердецъ".

Чтобы повернуть судьбу, Колларъ не расчитывалъ на возстанія или борьбу. — „Пусть каждый трудится на родной землѣ по мѣрѣ своихъ силъ и такъ, какъ ему предназначено это судьбой. Если онъ вѣрно исполнитъ свой долгъ, будь онъ король или слуга — онъ станетъ великъ. Нерѣдко мирная хижина пастуха можетъ больше сдѣлать для родины, чѣмъ лагерь, изъ котораго Жижка разсылалъ войну".

Въ разсужденіи „О слав. взаимности" миролюбіе поэта проявляется еще рѣзче. Его панславизмъ „мирный и невинный ягненокъ", уже утихли трубные звуки, призывавшіе къ бою.

„Нашъ народъ долженъ существовать исключительно добродѣтелью. Лучше погибнуть, чѣмъ завоевать славу и жизнь безчестнымъ оружіемъ. Древніе славяне не искали богатства и власти, они знали, что Богъ не любитъ гоненія и жестокости. Не будемъ заглушать чуждаго кустарника, пріютившагося подъ сѣнью липъ".

— „Святой Богъ, Богъ милосердія", говорилъ Колларъ, начиная свою службу въ Пештѣ, „дай слугѣ Твоему живой огонь вѣры, паствѣ моей

искреннее желаніе, сосѣдямъ нашимъ и братьямъ терпимость, чтобы одинъ народъ не отнималъ у другого его языка и свободы".

Ни преслѣдованія враговъ, ни неудачи карьеры не поколебали его. Его патріотизмъ былъ лишь одной изъ формъ вѣры въ прогрессъ. Онъ уповалъ на славянъ, которые въ разрозненную Европу внесутъ гармонію. Славяне были молоды, свободны отъ предразсудковъ, которые сковали мысль старѣйшихъ расъ, они согласовали бы противорѣчія, въ которыхъ запутались западные народы. Подобные синтезы, какъ вѣрно замѣтилъ Масарикъ, были въ то время въ большой модѣ. Шеллингъ предсказывалъ пришествіе въ міръ Евангелія св. Іоанна, передъ которымъ Петръ и Павелъ отрекутся отъ своей ненависти, а Кирѣевскій возвѣщалъ соединеніе католичества и протестантства въ нѣдрахъ православія. Святая задача примиренія требовала апостоловъ, руки которыхъ не были бы запачканы въ крови. Къ чему прибѣгать къ жестокости, когда естественный ходъ событій и настроеніе умовъ и такъ ясно свидѣтельствуютъ объ успѣхѣ?

„Славянскіе народы стремятся къ своему первоначальному единству, подобно растенію, которое, покрывшись цвѣтами и плодами, стремится къ своему зародышу и происхожденію. Славянскій народъ и литература должны быть похожи на дерево, которое раздѣлилось на четыре большихъ вѣтви; каждая изъ нихъ цвѣтетъ и несетъ свои плоды, но всѣ

онѣ соединяются въ одномъ общемъ стволѣ и питаются отъ однихъ общихъ корней; если одна изъ нихъ засохнетъ, пострадаетъ сила и красота всего дерева.“

Ненужно, чтобы каждая историческая группа отказалась отъ своей особой жизни, лишь бы только онѣ помнили всѣ общность своего происхожденія. Колларъ указываетъ средства, какъ развить сознаніе подобной взаимности. Всякій, кто стремится примѣнять на своихъ согражданахъ одно руководящее начало, долженъ изучить четыре основныхъ славянскихъ языка (русскій, польскій, чешскій и иллирскій), тогда общее настроеніе охватитъ творчество славянъ и, не нарушая каждой отдѣльной личности, установитъ между ними родовое сходство. Нарѣчія сблизятся, иностранныя выраженія будутъ замѣнены словами, занятыми у ближайшихъ народовъ; будетъ установлена разумная орѳографія по аналогичнымъ принципамъ. Молодежь будетъ обучаться въ университетахъ другихъ славянскихъ странъ, ученые совмѣстно будутъ трудиться надъ общими задачами и собираться для этого на научные конгрессы. Въ этой плодотворной работѣ сгладится непріязнь, исчезнутъ предразсудки и изъ сліянія душъ выявится идеалъ любви и мира, осуществить который — непосредственная задача Славянъ.

*

„Все это“, писалъ Шафарикъ Коллару, получивъ его проповѣди, „написано моимъ сердцемъ

и моей душой". И дѣйствительно, почти невозможно установить, кому изъ двухъ друзей принадлежитъ право на подобные афоризмы, плоть и духъ которыхъ и тотъ и другой одинаково заимствовали у Гердера. То, что виднѣлось Коллару въ порывѣ вдохновенія, Шафарикъ пытался установить научными методами.

„Его усилія, прекрасно сказалъ Иречекъ, сосредоточивались исключительно на выявленіи элементовъ цивилизаціи, заключенныхъ въ Славянствѣ, въ его языкѣ, литературѣ, обычаяхъ, исторіи; въ освѣщеніи ихъ и въ томъ, чтобы позволить имъ съ новой силой проявиться въ жизнь. По его мнѣнію интеллектуальныя завоеванія славянъ должны были бы составить предметъ науки, которая имѣла бы конечной цѣлью и своимъ прямымъ послѣдствіемъ образовать современныя и будущія поколѣнія и снискать для нихъ въ то же время уваженіе и признаніе". Національная идея стала одной изъ категорій его мышленія. Въ отзывѣ о геометріи Седлачка Шафарикъ написалъ: „эта книга, въ которой научная мысль, смягченная милой сердечностью славянъ, выраженная на чистѣйшемъ народномъ языкѣ, поражаетъ съ необычайной силой и разумъ и сердце впечатлительнаго читателя". Онъ началъ свой первый научный трудъ „Исторію славянскаго языка и литературы въ различныхъ нарѣчіяхъ" (»Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mund arten.« Budin, 1826), чтобы доказать внутреннюю силу

духовной и нравственной жизни соотечественниковъ. Желанія возвратить чехамъ ихъ прежнюю славу и доказать, что они не чужіе среди арійцевъ Европы, привело Шафарика къ написанію Славянскихъ Древностей (1837).

Его старанія не должны насъ удивлять, если мы вспомнимъ, какое значеніе придавалось публицистами исторіи и обороту, который принимали политическіе споры подъ вліяніемъ школы Савиньи. Это былъ періодъ, когда, благодаря полякамъ, въ русскихъ не хотѣли видѣть ничего кромѣ татаръ и монголовъ. Какъ ни странны кажутся намъ теперь подобные аргументы, было бы ребячествомъ отрицать впечатлѣніе, которое они производили на массы. Книги, которыя должны были бы читаться исключительно какъ научныя, принимались за памфлетъ. „Славянская Этнографія“ (Slovanský národopis, 1842) явилась вызовомъ на бой. „Когда я принесъ сюда одинъ экземпляръ вашей карты“, пишетъ Шафарику одинъ изъ вождей иллирскаго движенія, „всѣ бросились къ ней такъ стремительно, что я опасался за ея цѣлость. Она внушаетъ ужасъ. У насъ она создастъ больше патріотовъ, чѣмъ это могла бы сдѣлать вся литература“. Этимъ объясняется то, что скромный, застѣнчивый ученый, избѣгавшій шума и рекламы, произведенія котораго читаются скорѣе съ трудомъ, достигъ не только славы, но и огромной популярности. Когда въ 1848 г. собрался въ Прагѣ конгрессъ, имѣвшій непосредственной цѣлью реа-

лизовать славянское единство, начало которому положилъ Шафарикъ, невозможно было избрать иного президента. — „Ты замѣтилъ, говоритъ украинскій поэтъ Шевченко въ своемъ стихотвореніи „Янъ Гусъ“, искру братства, тлѣвшую подъ пепломъ. На живой голосъ, по мановенію чуда, мертвецы вышли изъ гробовъ своихъ и открыли глаза, братъ обнялъ брата и произнесъ слова союза и вѣчной любви“.

Украинскій поэтъ искупилъ свое вдохновеніе въ долгомъ изгнаніи въ оренбургскихъ степяхъ. Судьба его суровымъ блескомъ озаряетъ иллюзіи панславистовъ. Не достаточно еще одного поэта и одного археолога, чтобы сгладить исторію пятнадцати вѣковъ, порвавшую славянское единеніе. Говорятъ, что даже самъ Колларъ никогда не могъ понять писателей, которые, подобно Мицкевичу, Пушкину или Гоголю, съ наибольшей ясностью отразили черты славянскаго генія, не отвѣчавшія, впрочемъ, фантастическому образу, созданному имъ подъ вліяніемъ нѣмецкой мысли.

Трудно было апостоламъ панславизма усмирить увѣщаніями страсти, уже много вѣковъ возстанавливавшія другъ противъ друга поляковъ и русскихъ, сербовъ и хорватовъ.

Каковъ былъ результатъ ихъ усилій? — спрашиваетъ современная критика, не стряхнувшая до сихъ поръ ихъ дурмана.

Проникновеніе въ языкъ нѣсколькихъ русскихъ словъ, которые не составили его богатства; от-

крытіе нѣсколькихъ кафедръ славянской литературы. — Небольшіе успѣхи! Еще и по сей часъ чехи заимствуютъ вдохновеніе и научные методы въ Германіи, а отзвуки русской мысли заглушаются у самой границы. Даже чисто научныя сношенія двухъ народовъ затруднительны и немногочисленны. Чехи не имѣютъ ни одной хорошей русской исторіи литературы и, если они захотятъ ближе познакомиться съ исторіей русскаго народа, они вынуждены прибѣгать къ французскимъ или нѣмецкимъ трудамъ.

Въ неравной борьбѣ, которую они ведутъ противъ нѣмцевъ, какую помощь получили они отъ той Славіи, къ которой взывали поэты и историки?

Великій лирикъ Зейеръ ядовито и краснорѣчиво представилъ намъ ту злобу, которую вызвало въ сердцахъ своихъ вѣрныхъ новое божество, по старому обманувшее ихъ, оставивъ на губахъ привкусъ праха и тлѣнія. „Пусть другіе украшаютъ блестящей маской твое лицо, о Славія, — его золоченый блескъ не обманываетъ меня, подъ сверканіемъ его я вижу обнаженныя кости. Почему ты не умираешь, разъ ты не можешь жить, и Богъ забылъ вдохнуть въ тебя живую душу? Ты умѣешь лишь сгибаться и преклонять шею, нищая... Почему не сгніетъ оно скорѣе, твое огромное тѣло, протянувшееся отъ одного моря къ другому, чтобы покончить съ твоимъ позоромъ.“

Въ переводѣ на понятный языкъ эти проклятія обозначаютъ, что литературный панславизмъ

не оправдалъ грандіозныхъ надеждъ, окружавшихъ его колыбель. Это общій законъ. При какой революціи не ожидали ея банкротства? Но развѣ это значитъ, что теоріи Коллара и Шафарика не оказали никакого вліянія на ходъ событій. — Конечно, русская политика не переставала руководствоваться практическими интересами, и нѣмецкія вліянія нерѣдко диктовали поведеніе ея правительству. Не говоря о болѣе позднихъ событіяхъ, кто могъ бы поручиться, что славянофилы, ведущіе свой родъ отъ Коллара и Шафарика, не оказывали временами сильнѣйшаго вліянія на царя, и развѣ не они вынудили Александра II къ Балканской войнѣ? Даже въ Австріи, иллирское движеніе, возрожденіе хорватовъ и словенцевъ развѣ не связывается непосредственно съ движеніемъ мысли, которое между 1820 и 1840 гг. увлекало за собой Чехію? Славянскій конгрессъ 1848 г. не имѣлъ практическихъ и немедленныхъ результатовъ, но онъ подготовилъ парламентарное объединеніе, которое, несмотря на весь эгоизмъ и предвзятыя мнѣнія, уже двадцать лѣтъ является непреодолимой преградой германизаторскимъ стремленіямъ.

Правда и то, что восточная Европа не переставала черпать въ источникахъ нѣмецкой культуры формы своей интеллектуальной и моральной жизни. Это не должно насъ удивлять: во первыхъ — вліяніе Германіи сильно повсюду, и авторитетъ ея находитъ поддержку въ правительственныхъ кругахъ,

во вторыхъ — нѣмцы были во многомъ весьма передовой націей и, чтобы замѣнить ихъ, надо было поступить къ нимъ въ обученіе. Не знаменательно ли, что ихъ приспособляемость значительно понизилась, и что именно тѣ изъ славянъ, въ которыхъ ярче всего былъ западный духъ, признаются въ своей благодарности передъ лицомъ родины, чтобы разрушить ловкій маневръ противниковъ?

„Знаменитый Славянинъ, писалъ Коллару одинъ студентъ философіи послѣ изданія его „Дочери Славы", рука моя дрожитъ, но я хочу описать вамъ чувства, которыя бродятъ въ глубинѣ моего сердца, послѣ чтенія вашей прекрасной эпопеи. И не только мое сердце, но сердце каждаго читателя вашей поэмы, преисполняется опьяняющей радостью. Вы завоевали наше уваженіе и любовь, и доказательствомъ этому служитъ та страсть, съ какой старики и молодые перечитываютъ безъ конца ваше произведеніе." —

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что книги Коллара и Шафарика стали евангеліемъ молодежи 1825—1848 гг. Въ нихъ почерпала она вѣру въ идеалъ, ненависть къ угнетеніямъ, вѣру въ будущее Славіи и стремленіе къ прогрессу.

Одинъ словенецъ, крайне безобидный, сидѣлъ въ тюрьмѣ за участіе въ тайномъ обществѣ. Онъ умеръ въ 1845 г., послѣ двадцати восьми лѣтъ заключенія. Въ послѣдніе годы своей жизни ему удалось раздобыть томикъ „Дочери Славы". Бѣд-

няга залился слезами, какъ ребенокъ. — „Теперь я спокоенъ, Славянство будетъ спасено своимъ пророкомъ.“

Современники Коллара похожи на этого заключеннаго. Онъ несъ имъ освобожденіе, создавалъ плодотворную иллюзію, основу силы и побѣды.

Отъ одного прикосновенія къ этимъ мечтателямъ падали самые закоренѣлые предразсудки. „Чешскіе ученые, писалъ Мицкевичъ, ищутъ въ изученіи политическаго и литературнаго прошлаго возможность соединить славянъ въ одно цѣлое. Они предприняли изученіе прошлаго съ священнымъ чувствомъ. Ихъ можно назвать апостолами національизма...

Русскіе и поляки одинаково вѣрятъ имъ, такъ какъ они одинаково судятъ о св. Іоаннѣ Краковскомъ и о св. Кириллѣ. Они стремятся сгладить въ славномъ блескѣ прошлаго междоусобныя битвы.*)

Прага стала Іерусалимомъ, куда стекались враждующіе братья, чтобы утолить жажду у живительнаго источника славянскихъ наукъ, къ писателямъ, „превратившимъ дѣйствительно Чехію въ страну ученыхъ и филологовъ.“

Студенты благоговѣйно совершали паломничества къ „Сіону, когда-то славному, заброшенному нынче. Ихъ колѣни дрожали, когда они шли по Вышеграду, глаза увлажнялись слезами, когда они подходили къ Бѣлой Горѣ.“**)

*) Славяне I стр. 46.

**) Фричъ Воспоминанія I, стр. 122.

Съ священнымъ трепетомъ принимали они указанія чешскихъ профессоровъ, молчаливая жизнь которыхъ, полная труда и усилій, оправдывала самыя горячія поклоненія. „Нельзя говорить безъ умиленія о пражскихъ ученыхъ, писалъ своему министру русскій ученый Погодинъ, принимавшій близкое участіе въ панславистскомъ движеніи. Подобно христіанамъ, въ катакомбахъ охранявшихъ святыя традиціи, они пытаются поддержать національное чувство своего народа. Ради этого они приносятъ всевозможныя жертвы, подвергаются лишеніямъ, не останавливаются ни передъ какими усиліями, не боятся никакихъ предразсудковъ".

*

Отъ учителей восторженность переходила къ ученикамъ. Все больше и больше охватывало всѣхъ великое вѣяніе самопожертвованія и отреченія. Самыя мужественныя души до конца остаются ему вѣрными и склоняются всегда въ одномъ направленіи. Умы, не столь устойчивые, потеряли себя и стали бредить: патріотизмъ, подобно религіи, имѣетъ свое специфическое безуміе. Исторія запомнила имена нѣкоторыхъ изъ этихъ одержимыхъ, страсти которыхъ доказываютъ силу ихъ чувствъ, охватившихъ тогда умы; напримѣръ:

Калина, бросившій прибыльное мѣсто у богача Іерусалема, чтобы не изнѣжиться.

Ржегоржъ, задавшійся цѣлью распространить 60 тыс. книгъ, столько, сколько Коніашъ ихъ сжегъ. Онъ былъ подобенъ великану, былъ добръ и

упрямъ. Съ утра онъ отправлялся бродить, съ карманами полными книгъ. Заходилъ во всѣ дома, подымался по всѣмъ лѣстницамъ, останавливалъ знакомыхъ и незнакомыхъ и не отходилъ отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока собесѣдникъ, смущенный его краснорѣчіемъ, а главное его ростомъ и фигурой, не покупалъ у него нѣсколькихъ книгъ.

Священникъ Шмидингеръ, наоборотъ, очень маленькій, тщедушный человѣчекъ, всегда ходилъ пѣшкомъ, все въ томъ же костюмѣ, безъ зонта, нагруженный всевозможными книгами. Онъ обѣгалъ деревни, наставлялъ на путь истины крестьянъ, собиралъ среди ихъ по подпискѣ на разныя патріотическія общества. Его современники смѣялись надъ его эксцентричностями, но видъ его ихъ иногда волновалъ: въ то время люди жили очень нравственно и высоко цѣнили добродѣтель.

Даже скептики бывали поражены. „Когда я пріѣхалъ въ Прагу, говорилъ Гельфертъ одному изъ своихъ друзей, я былъ нѣмцемъ по убѣжденіямъ и по происхожденію, какимъ я и остался; но видя самоотверженность чешскихъ писателей, сидѣвшихъ буквально на одномъ хлѣбѣ и молокѣ, отдававшихся всецѣло дѣлу своего народа, я испытывалъ къ нимъ чувство восхищенія и началъ глубоко ихъ уважать. И чувства эти до сихъ поръ во мнѣ не угасли“.

Опасность заключалась въ томъ, что подобное состояніе умовъ рождало больше жертвъ, чѣмъ бойцовъ. Ученики Коллара и Шафарика были

похожи на любовниковъ, которые кричатъ о любви къ своей лунѣ и ждутъ, когда небо увѣнчаетъ ихъ пылъ. Все довѣріе свое они отдавали божеству, существовавшему лишь въ ихъ воображеніи, и жили исключительно въ мірѣ грезъ и фантазій. Ихъ работа, крайне напряженная, захватывала лишь ограниченные круги и, такъ какъ они теряли всякое общеніе съ дѣйствительностью, то были обречены блуждать въ туманѣ или же повторять безъ конца все тѣ же фразы, впечатлѣніе отъ которыхъ слабѣло отъ этого повторенія.

Шафарикъ, по крайней мѣрѣ былъ защищенъ отъ подобной опасности наукой. Не жертвуя ничѣмъ изъ своихъ убѣжденій, онъ дошелъ до высшаго пониманія своей задачи, онъ понялъ, что лучшій способъ прославить свой народъ это — снискать себѣ уваженіе заграничныхъ ученыхъ основательностью изысканій и правильностью своихъ выводовъ. По сравненію съ Колларомъ, произведенія котораго доказываютъ его постепенный упадокъ, въ трудахъ Шафарика все яснѣе замѣтно, какъ онъ овладѣвалъ своими желаніями и становился все увѣреннѣе въ научныхъ методахъ. „Славянскія Древности“, несмотря на неизбѣжныя ошибки, въ цѣломъ своемъ — одинъ изъ лучшихъ памятниковъ науки; если сравнить ихъ съ знаменитыми изслѣдованіями Цейсса или Мюлленгофа, то скоро становится очевиднымъ, что отнюдь не чешскій ученый чаще ихъ сбивается съ пути, благодаря своимъ предубѣжденіямъ.

Его послѣдніе труды показываютъ намъ, что онъ почти совершенно бросилъ романтическія бредни. И онъ самъ откровенно поздравлялъ себя съ „освобожденіемъ отъ цѣпей, которыя налагаютъ на умъ человѣческій его врожденныя слабости и страсти“. Онъ всегда отличался искренностью, но теперь становится къ себѣ еще строже и внимательнѣй. Къ несчастью, его изслѣдованія были слишкомъ спеціальны и обращались къ небольшому числу читателей, масса же почти ничего не получала отъ его открытій. Она запомнила самыя слабыя стороны его системы, — то, что въ его положеніяхъ было самаго смѣлаго. Ее манили несбыточныя мечты и миражи, которые передъ нею старались вызвать. Но долженъ былъ настать моментъ, когда въ силу неизбѣжной реакціи, она увидѣла ничтожность своихъ упованій и впала снова въ полнѣйшее безразличіе, смѣнившее несбывшіяся грезы. Между современниками Коллара многіе, при этомъ наиболѣе видные, хотя и подчинялись вліянію романтизма и вѣрили вмѣстѣ съ создателемъ Дочери Славы, что чехи должны искать выхода изъ переживаемыхъ несчастій въ единеніи съ народами того же племени, сознавали однако опасность преувеличеній, которыя легко могли привести, подъ благовиднымъ предлогомъ защиты народа отъ нѣмецкаго нашествія, къ полному отреченію отъ своей индивидуальности.

*

„Колларъ пишетъ стихи какъ филологъ, а въ филологіи онъ — поэтъ“, писалъ о немъ Челаковскій въ 1823 г.*) „Можно лишь пожелать, чтобы онъ принялся за работу въ другомъ родѣ. Можетъ быть, это вернуло бы ему прежнія силы“. Онъ ясно сознавалъ, что вдохновеніе поэта быстро

*)Фр. Ладиславъ *Челаковскій* (Čelakovský Ladislav 1799 — 1852) родился въ Страконицахъ, въ Чехіи. Исключенъ изъ гимназіи въ Будѣевицахъ за то, что его застали за чтеніемъ проповѣдей Гуса. Становится извѣстенъ своими переводами, особенно собираніемъ народныхъ пѣсенъ. Его первое выдающееся произведеніе—„Отголосокъ русскихъ пѣсенъ“ („Ohlas písní ruských“) 1829. Онъ редактируетъ „Чешскую Пчелу“ (Česká včela) 1833, вліяніе которой на движеніе въ чешской литературѣ было очень сильно. По жалобѣ русскаго посланника, вызванной его замѣчаніями о рѣчи Императора Николая, онъ вынужденъ былъ оставить журналъ и кафедру чешскаго языка, которая временно ему была предоставлена (1834). Въ годы испытаній онъ составляетъ свои „Отголоски чешскихъ пѣсенъ“ („Ohlas písní českých“) 1839 и, „Розу въ сто лепестковъ« (Růže stolistá) 1840, которые были чрезвычайно тепло приняты. Назначенный профессоромъ славянскихъ языковъ въ Вратиславлѣ, онъ все не можетъ утѣшиться въ своемъ изгнаніи и возвращается въ Прагу въ 1849 г. совершенно обезсиленный. Послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ филологическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ, имѣвшимъ второстепенное значеніе. Самый точный матеріалъ для изслѣдованій о Челаковскомъ даютъ его письма (1864) въ 2 т. и переписка его со второй женой. (Годы пробужденія 1872). Кажется, хорошей біографіи Челаковскаго нѣтъ. Написанная Ганушемъ (Hanuš) не полна (1855). Лучшее изъ многихъ — изслѣдованіе о немъ Махала (Máchal): „Усилія Челаковскаго обновить чешскую литературу“ (Snahy F. L. Čelakovského o obnovu české literatury 1899).

изсякаетъ, если поэтъ не имѣетъ подъ собой прочной основы, и что въ этомъ случаѣ онъ бываетъ обреченъ изживать самого себя. Въ отличіе отъ Коллара, который любилъ Чехію потому, что онъ былъ славянинъ, Челаковскій не только по воспитанію или доброму желанію, но по рожденію, инстинкту и уму, открытый вліянію далекой Славіи, сохранялъ въ то же время не меньше перваго свое лицо. Знатоку нѣмецкой литературы, цѣнителю Гете, ему не пришлось въ то же время пройти черезъ нѣмецкіе университеты, и вліяніе романтиковъ захватило его лишь косвенно. Будучи разсудителенъ и расчетливъ, онъ неохотно поддавался туманнымъ мечтамъ даннаго направленія. Онъ написалъ много эпиграммъ, изъ коихъ многія отличались большимъ остроуміемъ и язвительностью. — „Если бы ты былъ одинъ на всемъ свѣтѣ, говоритъ онъ въ одной изъ нихъ, противъ кого направилъ бы ты свои стрѣлы? — Противъ себя самого“. Поэтъ въ немъ не отдѣлялся отъ критика, и неопредѣленная, слишкомъ общая программа не могла его удовлетворить. Онъ не начиналъ ничего, не продумавъ до конца.

Цѣль его была опредѣленнѣе, чѣмъ у Коллара: онъ хотѣлъ освободить литературу отъ зависимости, въ коей она пребывала по отношенію къ Германіи; онъ яснѣе понималъ и способы дѣйствія. Ему хорошо была извѣстна славянская литература, онъ изучилъ въ совершенствѣ языки сербскій, русскій и польскій, зналъ ихъ до тонкости

и могъ понимать ихъ красоты. Со всѣми извѣстными славистами поддерживалъ онъ отношенія, съ глубокимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми политическими и литературными новостями, касавшимися его народа. Онъ могъ дѣйствовать тамъ, гдѣ дѣятельность Коллара ограничивалась проповѣдью. Челаковскій отыскивалъ и собиралъ пословицы, сказанія, любилъ старинные наряды и обычаи. Произведенія остальныхъ славянъ онъ принималъ лишь постольку, поскольку въ этомъ являлась необходимость для умственнаго развитія его народа.

Переводы народныхъ пѣсенъ и, позднѣе, его „Отголосокъ русскихъ пѣсенъ" (1829) были приняты публикой не такъ шумно, какъ сонеты Коллара. Но они глубже проникли въ народъ, пріобрѣли себѣ болѣе вѣрныхъ читателей, чѣмъ послѣдніе. Даже въ своихъ подражаніяхъ Челаковскій оставался истиннымъ чехомъ. Къ нему чувствуешь невольное довѣріе. Въ немъ не встрѣтишь миѳологическихъ бредней, безконечныхъ перечисленій, неудобоваримой учености, гиперболъ и восклицаній. Онъ не пытался создать патріотическихъ пѣснопѣній, двадцати словъ ему было достаточно, чтобы пробудить въ читателѣ чувство:

„Земля, освященная потомъ и кровью, мать великихъ людей, живъ еще твой народъ!"

Сдержанность выраженій доказываетъ его искренность и открываетъ душѣ необъятные горизонты. Ему внушаетъ ужасъ напыщенность слова,

онъ презираетъ громкія фразы, и развѣ въ этомъ онъ не гораздо больше славянинъ, нежели Колларъ, охваченный сентиментализмомъ — свойствомъ нѣмецкихъ литераторовъ. Онъ умѣлъ оріентироваться и любилъ точныя данныя. Въ „Отголоскахъ чешскихъ пѣсенъ“ (1839) обнаруживаются нѣжное очарованіе, прелестная грація, утонченность. И хотя это не лучшее его произведеніе, да будетъ мнѣ позволено предпочесть его всѣмъ остальнымъ, ибо онъ и самъ открыто признавался, что это было его излюбленнымъ твореніемъ. Камаритъ, лучшій его другъ, судилъ о немъ съ дружескимъ предвидѣніемъ. При появленіи „Отголоска“, онъ привѣтствовалъ „открытіе новаго пути... Повторять много разъ сказанное прежде, пѣть чешскія слова на нѣмецкія мелодіи — есть отчего прійти въ отчаяніе“. Черезъ Гете Челаковскій пришелъ къ вѣчнымъ истинамъ искусства и къ изученію дѣйствительности. Его герои не повторяютъ общихъ шаблоновъ, возлюбленные его не всегда остаются вѣрными, а крестьянки умѣютъ хитро посматривать изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ. Читая его произведенія, мы не находимся больше въ неизвѣстной странѣ, наоборотъ, можно легко узнать и жителей ея, и землю, и солнце. И если „Дочь Славы“ провозгласила независимость, „Отголоски чешскихъ пѣсенъ“ явились первымъ актомъ въ странѣ завоеванной свободы. Челаковскій и въ этомъ важномъ пунктѣ также расходится съ романтиками, онъ не прино-

ситъ настоящаго въ жертву прошлому. Онъ любитъ сельскія пѣсни, но развѣ это заставляетъ его думать, что онѣ конечный расцвѣтъ поэзіи? Цивилизація поставила новыя задачи и усложнила души; литература должна слѣдовать ея эволюціи, приспособляться къ переживаніямъ современныхъ ей читателей. Подобно Пушкину и Мицкевичу, также начавшихъ съ народныхъ пѣсенъ, и чешскій поэтъ хочетъ выразить надежды своей эпохи, хочетъ поднять флагъ, чтобы собрать подъ нимъ всѣхъ блуждающихъ, затерявшихся во тьмѣ и нерѣшительности. Ему это не вполнѣ удается — отчасти по волѣ судьбы, которая была къ нему жестока, особенно же потому, что попытка его была преждевременной. Челаковскій относился чрезвычайно строго къ самому себѣ. Внѣшній видъ его произведеній значительно выше, чѣмъ таковыхъ Коллара: языкъ его болѣе гибкій и правильный, просодія свободнѣе и гармоничнѣй. При томъ состояніи, въ которомъ находилась Чехія, даже относительное усовершенствованіе языка и слога было связано съ упорнѣйшимъ трудомъ. И Челаковскій быстро утомился. Душа его, чуткая и воспріимчивая ко всему, быстро потеряла способность реагировать. Онъ настолько тщательно прислушивался къ шуму внѣшняго міра, что пересталъ различать внутренніе, глубокіе голоса.

„Роза въ сто лепестковъ“ прежде всего есть философская поэма, чрезвычайно интересная съ этой точки зрѣнія, имѣющая отдѣльные выдающіеся

моменты, и все же, по моему, неудачное произведеніе.*)

Кажется, поэтъ судилъ о ней также: онъ отказался отъ поэзіи; его преждевременное молчаніе открыло доступъ въ литературу запоздавшимъ романтикамъ чистѣйшей воды. Они снова наводнили рынокъ трескучими и пустыми словами, избитыми мотивами. Зато произведенія Челаковскаго не перестали читаться. Они пробуждали въ наиболѣе одаренныхъ писателяхъ высокое пониманіе искусства, основанное на искренности и чувствѣ реальности. Поколѣніе Неруды и Святополка Чеха гораздо ближе подходитъ къ нему, чѣмъ къ Коллару. И однако, необходимо было почти полвѣка, чтобы вызвать пробужденіе вкуса въ обществѣ. Еще много лѣтъ спустя общественное мнѣніе оставалось въ рукахъ пустыхъ фразеровъ, смутный патріотизмъ которыхъ улетучивался съ наборомъ словъ и вмѣстѣ съ прославленіями священныхъ добродѣтелей Славіи. Они держались настолько прочно, что заглушали своими криками голосъ одного скромнаго юноши, признававшаго себя тоже изъ школы романтиковъ,

*) Мнѣ кажется не лишнимъ предупредить читателя, что большинство чешскихъ критиковъ судятъ „Розу въ сто лепестковъ“ гораздо снисходительнѣе. Возможно, что правда на ихъ сторонѣ. Но я могу говорить только то, что чувствую. Во всякомъ случаѣ, значеніе поэмы Челаковскаго было ничтожно и ограниченно, а съ точки зрѣнія общаго развитія чешской исторіи это можетъ быть единственно важнымъ.

но искавшаго образцовъ въ Англіи, а не въ Германіи.

*

Съ перваго взгляда замѣтны только контрасты между Челаковскимъ и Махой.*)

Одинъ — обуреваемый пылкимъ, безпокойнымъ воображеніемъ, другой — одна ясность и размѣренность. Первый ищетъ вдохновенія въ національныхъ источникахъ, второго всю жизнь посѣщаютъ лишь герои Байрона, и онъ ихъ только слабо копируетъ. Идеи Челаковскаго ясны, желанія точны, рисунокъ его послѣдователенъ. Маха трогаетъ насъ больше всего своей слабостью, колебаніями меланхолической души, неспособной про-

*) *Маха* (Mácha К. Н. 1810—1836) родился въ Прагѣ, въ бѣдной семьѣ. Образованіе его, какъ и всѣхъ его современниковъ, было исключительно нѣмецкое. Увлеченный націоналистическимъ движеніемъ, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ событій 1830 г. и польской революціи, благодаря польскимъ писателямъ, онъ подходитъ вплотную къ Байрону и остается властно имъ захваченнымъ. Его новеллы: „Кривоклатъ" (Křivoklát), „Маринка" (Márinka) — прошли совершенно незамѣченными, цензура не пропустила его романа — „Цыгане" (Cikáni). Поэма его „Май" (Máj, 1836), была строго осуждена и имя его оставалось неизвѣстнымъ до 1858 г., когда представители новаго литературнаго поколѣнія Галекъ (Hálek). Неруда (Neruda), Гейдукъ (Heyduk) и Баракъ (Barák) не взяли его имени символомъ своихъ стремленій. Нѣмецкіе переводы Махи были изданы Вальдау (1862), Рамбоусекомъ (1881) и К. Мюллеромъ (1882). Чрезвычайно полная библіографія статей, посвященныхъ ему, въ энциклопедіи Отто. Наиболѣе удачными являются очерки Влчека, Арбеса и поляка Здзѣховскаго (Маха и байронизмъ въ Чехіи).

тивостоять страстямъ или отражать удары судьбы. Но въ одномъ пунктѣ они сходятся, и пунктъ этотъ очень важенъ: какъ ни сильно въ нихъ иностранное вліяніе, они принимаютъ его не безъ борьбы, и тотъ и другой носятъ въ сердцѣ своемъ желаніе свергнуть его. „Когда я смогу побѣдить Байрона, который преслѣдуетъ меня какъ вампиръ, пишетъ о себѣ Маха, я вернусь въ Чехію, чтобы никогда больше не покидать ее.“

Онъ умеръ слишкомъ быстро, не успѣвъ порвать этихъ цѣпей. Можетъ быть, это и не удалось бы ему никогда. Критики въ настоящее время судятъ о немъ со снисхожденіемъ, скрывая тайное желаніе отмстить за незаслуженное невниманіе къ поэту, долго остававшемуся непризнаннымъ.

Маха умеръ настолько преждевременно, что можно утверждать, что онъ не далъ полностью того, что онъ могъ бы дать; конечно, это только предположеніе, ни на чемъ не обоснованное. Произведенія его не обнаруживаютъ безпрерывнаго развитія личности, не выявляютъ мысли, глубоко проникшей въ идеи Байрона. Польскій критикъ Здзѣховскій правъ, утверждая, что Маха воспринималъ чисто внѣшнія стороны великаго мятежника. Въ его подражаніи есть много ребяческаго, описанія, которыми онъ хочетъ внушить ужасъ, заставляютъ насъ смѣяться. Но чувства, которыя маріонетки его должны воспроизводить, онъ переживалъ лично и чрезвычайно тяжело, и ихъ рыданія выражаютъ дѣйствительную боль. Здѣсь онъ прибли-

жается къ Челаковскому, такъ какъ именно здѣсь становится замѣтной его личность и за литературой можно усмотрѣть жизнь. Какъ „Отголоски чешскихъ пѣсенъ“, такъ и „Май“ есть протестъ противъ утвержденнаго порядка, противъ избитыхъ выраженій, принятыхъ всѣми образовъ, противъ готовыхъ фразъ. Маха не сумѣлъ дать своей мысли и ясную и самостоятельную форму, и съ этой точки зрѣнія ему нѣтъ мѣста въ первыхъ рядахъ литературы, чтобы ни говорили его поклонники, но мысль его коренится въ родной почвѣ; стихи его сохраняютъ привкусъ родной земли, описываетъ ли онъ нравственное отчаяніе молодежи, у которой суровый режимъ Меттерниха отнимаетъ радость труда и любовь къ жизни, или описываетъ онъ съ неподдѣльнымъ настроеніемъ красоты природы. Онъ любитъ больше всего плоскогорія, надъ коими властно возвышаются Крконоши, и долины, орошаемыя притоками Сазавы и Влтавы, а также онъ любитъ бѣднѣйшіе кварталы Праги, образъ которыхъ онъ далъ столь живописно въ своей Маринкѣ, одномъ изъ первыхъ своихъ опытовъ, являющемся образцомъ чешской новеллистики.

Маха былъ патріотомъ, такъ какъ нельзя порвать нити, связывающія человѣка съ его предками, наслѣдіемъ которыхъ онъ пользуется, и на землѣ которыхъ выросъ; онъ любитъ чешскій языкъ, такъ какъ для него не существуетъ лучшихъ выраженій, чтобы дѣлиться съ небомъ своей

смутной тоской; но мысли эти, одно изъ условій для творчества поэта, не могли удовлетворить и заполнить его душу. Онъ страдалъ страданіями всего человѣчества, и литература, которой слишкомъ часто пользуются какъ средствомъ для пропаганды, въ его рукахъ становится выразительницей общеміровыхъ настроеній. Это составляетъ отличіе его отъ Коллара. Онъ меньше славянинъ, чѣмъ чехъ, болѣе человѣченъ, чѣмъ односторонен. Этими чертами объясняется и восхищеніе имъ его послѣдователями. Маха былъ поистинѣ предвозвѣстникомъ новыхъ временъ, и если его произведенія и несовершенны, то стремленія его были высоки. Объ искусствѣ у него создались возвышенныя представленія и онъ вѣрно оцѣнивалъ патріотизмъ. Маха предугадалъ, что для защиты правъ народа не надо сентенціозно выдвигать его прошлое, необходимо оправдать его требованія согласно его заслугамъ.

Онъ не былъ, да и не могъ быть понятымъ: ему не хватало таланта, чтобы повернуть потокъ, захватившій массу, это во-первыхъ, а во-вторыхъ, въ его время романтизмъ еще не завершилъ своего пути и не достигъ послѣднихъ практическихъ результатовъ.

Чехія находилась въ особыхъ, совершенно исключительныхъ условіяхъ. Трубные звуки послѣдователей Коллара, для насъ — оглушительные и однообразные, были необходимы для пробужденія отъ сна и для оживленія солдатъ. Рѣчь шла не

только о поддержаніи общественной жизни, какъ это бываетъ у народовъ, давно сформировавшихся; надо было придать народу, согбенному въ рабствѣ, желаніе независимости и увѣренность въ его предназначеніи. Однимъ романтикамъ не по силамъ была бы организація боеспособной арміи и не привести бы имъ ее къ побѣдному концу. Ихъ вдохновеніе родило въ общемъ оркестрѣ маленькую когорту, готовую на всевозможныя жертвы, около нея предстояло собрать массу, безъ наличія которой геройство вождей пропало бы даромъ, и замѣнить отвлеченныя надежды народа ясной и понятной для него программой. Пророки возрожденія сохранили еще на нѣсколько лѣтъ верховное руководство умами, но понемногу они отходятъ на второй планъ и уступаютъ мѣсто политикамъ.

Руководство около 1840 г. переходитъ отъ Коллара и Шафарика къ Палацкому и Гавличку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Достиженія Чеховъ: Матица; литературная пропаганда; Тыль и Чешская Пчела. Театръ. Общественные балы. — Новѣйшій фазисъ въ исторіи національнаго возрожденія: историки и политики замѣняютъ литераторовъ: Палацкій и Гавличекъ.

Чешскій Музей не оправдалъ ожиданій патріотовъ. Его исключительно научная работа не могла ихъ интересовать. Лишь послѣ долгихъ усилій имъ удалось придать ему то направленіе, которое единственно казалось имъ правильнымъ. Оберъ-бургграфъ Хотекъ разрѣшилъ Юнгманну и нѣкоторымъ изъ его друзей собираться на регулярныя засѣданія для подготовительныхъ работъ по изданію энциклопедіи, и Палацкій уговорилъ правленіе Музея закрѣпить за собой право на создавшуюся комиссію. Но скоро выяснилось, что средствъ, имѣвшихся въ распоряженіи данной комиссіи, было недостаточно, чтобы можно было съ ними рѣшиться на большое предпріятіе. Рѣшено было

подготовить его исподволь и, въ ожиданіи, основать общество, которое облегчало бы задачу по изданію необходимыхъ работъ, и которое въ случаѣ тяжелаго положенія писателей могло бы имъ оказывать матеріальную поддержку (1831). Матица, такъ было названо данное общество, по примѣру Матицы венгерскихъ сербовъ, собрала въ началѣ очень мало единомышленниковъ. Писателямъ было очень трудно бороться противъ подозрѣній полиціи, почуявшей въ нихъ тайную организацію. Защищать Матицу противъ послѣдней невсегда удавалось даже сочувственно къ ней относившимся чешскимъ дворянамъ.

И все же, несмотря ни на что, она продолжала свое существованіе; именно благодаря ей Шафарикъ, напримѣръ, былъ приглашенъ въ Прагу, а Юнгманнъ смогъ издать свой Словарь. Въ 1840 году она приступила къ сложной задачѣ изданія старинныхъ чешскихъ текстовъ, ученыхъ новыхъ трудовъ, классиковъ древнихъ и новыхъ и популярной библіотеки.

По мѣрѣ того, какъ книги становились все многочисленнѣе, расширялся кругъ читателей, и книги проникали во все болѣе разнообразные круги, увеличивалась и предпріимчивость издателей.

Несмотря на притѣсненія полиціи, нѣсколько литературныхъ обозрѣній держались все же довольно прочно. „Чешскіе Цвѣты“ (1835), напримѣръ, встрѣчали всегда весьма радушный пріемъ въ извѣстныхъ кругахъ буржуазіи. Они сильно помогли

въ дѣлѣ привлеченія среднихъ классовъ, остававшихся до того безразличными и даже враждебными общенаціональному дѣлу. Во главѣ „Чешскихъ цвѣтовъ“ стоялъ Тыль.*)

На него нерѣдко нападали и, хотя онъ былъ достаточно уменъ, противники его, подобно Гавличку, были настолько выше его, что въ представленіи потомства онъ остался освѣщеннымъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Его положеніе можно сравнить съ положеніемъ Александра Дюма-отца. Изъ снобизма отдѣльныя личности не рѣшаются признаться, что онъ имъ нравится. А вѣдь

---

*) *Тыль* (Tyl J. K., 1808—1856). Издатель Поспишиль поручилъ ему веденіе „Цвѣтовъ“, которые были основаны въ 1834 г. Ему удалось ихъ поддерживать до 1846 г. Въ нихъ напечаталъ онъ большое количество своихъ романовъ и повѣстей. Публика весьма сочувственно ихъ принимала, и ими заслужилъ онъ себѣ имя отца чешской прозы. Реальное значеніе ихъ не было высоко, но они не были скучны и привлекали широкія массы читателей. Лучшая повѣсть Тыля „Послѣдній Чехъ“ (Poslední Čech, 1844) подверглась сильнѣйшимъ нападкамъ со стороны Гавличка въ знаменитой статьѣ послѣдняго, явившейся манифестомъ новѣйшей школы противъ направленія идиллическаго романтизма. Будучи посредственнымъ писателемъ, Тыль проявлялъ себя скорѣе, какъ въ высшей степени дѣятельный патріотъ. Онъ весьма успѣшно работалъ по распространенію въ чешскомъ обществѣ національной идеи. Особенно увлекался онъ театромъ, написалъ до сотни пьесъ, нѣкоторыя изъ коихъ выдерживаютъ постановки до настоящаго времени. Послѣ 1848 года, вынужденный оставить Прагу, онъ скитался съ артистами бродячей труппы по всей Чехіи и кончилъ свои дни въ Пильзенѣ, умеревъ въ нищетѣ.

не часто встрѣчаются подобныя легкость письма и остроуміе! Пусть даже правда и то, что произведенія Тыля граничатъ съ вульгарностью и пустословіемъ, — ими нельзя пренебрегать. Онъ не былъ артистомъ и не задавался особой утонченностью. Онъ былъ лишь превосходнымъ труженикомъ въ стилѣ Крамеріуса, — пожалуй, живѣй послѣдняго и съ болѣе яркимъ воображеніемъ. Онъ всегда былъ на чеку, охотно и умѣло обсуждалъ самые разнообразные вопросы. Немалая заслуга его и въ томъ, что онъ разбилъ длинные и торжественные періоды Велеславина, приспособилъ ихъ къ вкусамъ и потребностямъ повседневнымъ. До него читатель, принимаясь за чешскую книгу, считалъ, что исполняетъ свой долгъ. Это была жертва родинѣ. Тыль первый доказалъ имъ, что чешскій языкъ не обязательно скученъ и педантиченъ. Онъ обладалъ высокимъ даромъ дѣйствія. И въ пьесахъ своихъ и въ романахъ, одинаково, даетъ онъ полную иллюзію движенія. Въ жизни у него оставались тѣ же качества. Никто лучше его не могъ сорганизовать политическую партію изъ того, что еще было чистѣйшей академіей, привлечь къ ней симпатіи окружающихъ, завербовать въ ея члены женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Въ немъ было сильно развито чувство реальности. Не одного романтика убѣдилъ онъ, что еще не достаточно, приложивъ руку къ сердцу, восклицать: Я славянинъ, я чехъ... Нѣтъ, надо примѣнять свои принципы въ жизни, надо говорить по-чешски, а не только

писать объ этомъ, надо обучать родному языку дѣтей.*)

„Цвѣты“ первые ввели новшество: они назначили плату своимъ сотрудникамъ.**) Конечно, чрезвычайно скромную, но все же это былъ первый шагъ къ урегулированію ненормальнаго положенія писателей и являлось необходимымъ условіемъ для организаціи интеллектуальнаго труда.

Хотя и весьма относительная, щедрость Тыля создала ему извѣстную популярность въ кругахъ молодежи. Онъ не былъ особенно разборчивъ въ своихъ сотрудникахъ и требовалъ отъ нихъ только оригинальности, что означало для него любовь къ Чехіи. Онъ снова широко открылъ доступъ въ литературу потоку патріотической поэзіи: въ его журналѣ Каменицкій излагалъ въ сонетахъ исторію Чехіи до Бретислава I, Винаржицкій прославлялъ красоту родного языка, а Воцель воспѣвалъ въ эпопеяхъ, огромныхъ и нудныхъ — Пржемысловичей и „Мечъ и чашу“. Конечно, подобные писатели были исполнены самыхъ благихъ намѣреній, и ихъ произведенія могли бы имѣть большую цѣнность, если бы для общепризнаннаго литературнаго

*) *Турновскій* (Turnovský) нисколько не преувеличиваетъ, утверждая, что „не было журнала до 1848 г., пропаганда котораго шла бы удачнѣй, чѣмъ Цвѣтовъ. Это же можно сказать и о всей группѣ литераторовъ, центромъ которой являлся Тыль и его современники“.

**) Лично Тыль, напримѣръ, получилъ однажды, какъ гонораръ за свои повѣсти, старое, но еще годное къ употребленію пальто.

дарованія было достаточно любить свою родину — мать. Порой ихъ старательный и кропотливый трудъ не бывалъ лишенъ извѣстнаго интереса, но они писали такъ однообразно и скучно и такъ мало отдѣлывали свои произведенія, что читать ихъ почти невозможно. Все же и они принесли нѣкоторую пользу, хотя и очень трудно опредѣлить, въ какой степени этотъ безпрерывный дождь сентиментальной поэзіи дѣйствовалъ на читателей.

Еще труднѣе судить о состояніи общественнаго мнѣнія за истекшій историческій періодъ по субъективнымъ показаніямъ отдѣльныхъ свидѣтелей. Но не располагая болѣе точными данными, мы вынуждены довольствоваться тѣмъ, что у насъ есть, не забывая въ то же время объ ихъ относительной цѣнности. Съ 1820 по 1840 годъ буржуазное общество еще не представляется намъ, какъ охваченное славянскимъ движеніемъ; конечно, это положеніе вѣрно лишь въ общихъ чертахъ, хотя исключенія изъ него и были чрезвычайно рѣдки Шпрингеръ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ о томъ, что онъ и товарищи его по школѣ (около 1830 г.) говорили по-чешски только съ домашней прислугой, да пожалуй еще бранились по-чешски: „Мы никогда не могли себѣ представить, пишетъ онъ, что возможно преподавать на этомъ языкѣ. Мы никогда не видѣли ни одной чешской книги и были убѣждены, что чтеніе, счетъ и иныя высшія знанія, какъ напримѣръ орфографія или грамматика, не могутъ быть преподаваемы

иначе, какъ по-нѣмецки. Такъ думала не только та мелкая буржуазія, среди которой я выросъ, — и даже нашъ учитель, славянинъ по рожденію, строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ разговорѣ мы употребляли исключительно нѣмецкій языкъ". — На чешскія представленія, разсказываетъ со своей стороны Ганзликъ, посылали исключительно прислугу. Никто изъ насъ ихъ никогда не посѣщалъ. Сомнѣваться въ превосходствѣ нѣмецкаго языка, сомнѣваться въ исключительности его правъ въ общеніи другъ съ другомъ, въ преимуществѣ его для искусства, науки, школы и администраціи — не приходило никому въ голову".*)

Зная настроеніе буржуазіи, одинаковое во всѣхъ странахъ, ея мелкое тщеславіе и боязнь новизны, картину, нарисованную Ганзликомъ, мы можемъ признать совершенно вѣрной.

— „Вы не хотите повѣрить, что Прага онѣмечивается", писалъ въ 1841 г. патріотъ Буріанъ. — „Вы не правы. Сорокъ лѣтъ тому назадъ я въ ней родился, въ ней кончилъ школу, въ ней же служилъ, какъ воинъ, до 1819 г., и если число чеховъ не было тогда больше, чѣмъ теперь, то во всякомъ случаѣ тогда они преобладали. Теперь же, почти

*) Aus meinem Leben I. стр. 15. Свидѣтельство Ганзлика важно потому, что отецъ его, превосходно знавшій чешскій языкъ и будучи близокъ Ганкѣ, Пуркине и Палацкому, говорилъ въ то же время со своими друзьями всегда по-нѣмецки. По мнѣнію Ганзлика, только къ 1845 г. патріоты стали, очень робко протестовать противъ игнорированія чешскаго языка.

всѣ торговцы и ихъ жены говорятъ по-нѣмецки. Прежде было не такъ! Вокругъ насъ всѣ сосѣди были чехи, надписи на домахъ были сдѣланы по-чешски, на улицахъ говорили исключительно по-чешски, а теперь родная рѣчь слышна, какъ исключеніе. И однако, несмотря ни на что, я все-таки утверждаю, что правильный славянскій языкъ продолжаетъ развиваться. Онъ насчитываетъ сейчасъ больше друзей, чѣмъ тогда". Свидѣтельство это крайне любопытно, ибо оно указываетъ на два борющихся начала: законы, касающіеся школъ и администраціи, автоматически работали на пользу нѣмецкаго языка; и это въ то время, когда чехи, пришедшіе въ отчаяніе, возставали противъ иностраннаго ига, становились все многочисленнѣе и, до извѣстной степени, все смѣлѣе. Эта борьба отдѣльныхъ личностей противъ могучаго правительственнаго аппарата была въ высшей степени неблагодарною. Результаты ея долго оставались незамѣтными. Гельфертъ, свидѣтель вполнѣ заслуживающій довѣрія, хотя и немного пессимистъ, утверждаетъ, что до 1848 г. почти невозможно было встрѣтить на улицѣ прилично одѣтыхъ господъ, особенно женщинъ, говорящихъ по-чешски. Изъ боязни навлечь на себя непріятности, никто не рѣшился бы обратиться къ незнакомому человѣку по-чешски.

Но хуже всего то, что даже матадоры національной партіи не избѣжали вліянія среды. На эту тему Фричъ разсказываетъ забавный анекдотъ: у него

шла борьба съ проф. Томкомъ, который хотѣлъ пріобрѣсти его для исторіи, онъ же не рѣшался бросить поэзію. Госпожа Палацкая стала на его сторону:

— Das ist brav! — Мы нуждаемся въ поэтѣ, продолжала она все также по-нѣмецки, и „непремѣнно въ великомъ".

*

Чешскій патріотизмъ переживалъ еще начальную стадію своего развитія. Онъ еще не переросъ предвзятыхъ мнѣній и не спустился изъ области разума въ сердца. Партія націоналистовъ пополнялась преимущественно среди бѣдныхъ студентовъ, забитыхъ и робкихъ, которые съ трудомъ вѣрили, что они могутъ быть равны нѣмецкой буржуазіи. То же настроеніе застѣнчивости господствовало и у вождей. — Они боялись всего, что выходило изъ разъ установленныхъ нормъ. Посѣщеніе кафэ считалось позоромъ, курящихъ они называли богоотступниками, а всѣ тѣ, кто проводилъ вечера въ пивныхъ, казались имъ опасными: — эти несчастные компрометировали святое дѣло. Съ материнскимъ вниманіемъ слѣдили они за дѣвственностью литературы и, почти какъ правило, избѣгали политики. — Интересовавшіеся ею почерпали свои теоріи исключительно изъ словаря Rotteck-a, принятаго либералами Германіи, какъ второе Евангеліе. „Палацкій, пишетъ Фричъ, давшій намъ нѣсколько преувеличенное

изображеніе чешскаго общества 1848 г., основывался въ своихъ положеніяхъ на Аугсбургской Газетѣ. Разбирая отношенія законодательной и исполнительной власти, онъ забывалъ, что у насъ на очереди стояли другіе вопросы".

Патріоты влачили на себѣ, подобно разбитымъ цѣпямъ рабства, чрезмѣрную осторожность и поклоненіе приличіямъ; ихъ страшила неизвѣстность. Они задерживали этимъ обращеніе толпы, жаждавшей видѣть проявленіе ихъ силы, прежде чѣмъ перейти на ихъ сторону. Но, такъ какъ масса сама по себѣ неспособна была ни къ личной иниціативѣ, ни къ сопротивленію имъ, безразличіе ея имѣло лишь относительную цѣнность и не задерживало прогресса, все болѣе и болѣе углублявшагося и захватывавшаго все болѣе широкіе слои общества.

Книга, все болѣе многочисленная, становилась все совершеннѣй, языкъ дѣлался проще и понятнѣй. Нашлись писатели, которые стали творить не столько изъ чувства долга передъ родиной, сколько потому, что это доставляло имъ наслажденіе. Относительная живость ихъ языка обезпечивала имъ широкую популярность. Тыль обратилъ снова вниманіе на театръ, „который есть сама жизнь и въ то же время творитъ настоящую жизнь". Чешскія представленія, запрещенныя въ 1820 г., возобновились въ 1824 г., правда въ условіяхъ жалкихъ настолько, что они даже скорѣе отталкивали зрителей, ибо нерѣдко въ нихъ пропускали окончаніе,

или, если представленіе затягивалось, опускали занавѣсъ посреди пьесы.

Тыль организовалъ свой небольшой театръ на Малой Странѣ (1835—1837), обучилъ нѣсколькихъ актеровъ и привлекъ къ себѣ отчаявшихся зрителей. Дирекція т. н. сословнаго (дворянскаго) театра поручила ему организацію народныхъ спектаклей. Онъ взялся писать каждый годъ по двѣ оригинальныхъ пьесы, достаточно большихъ, чтобы заполнить цѣлое представленіе, и по шести переводныхъ пьесъ. Онъ самъ былъ и режиссеромъ и руководителемъ представленій. Но подобная спѣшная импровизація не могла вести впередъ, она лишь создавала иллюзію для не особенно разборчивыхъ зрителей. Тыль обладалъ даромъ прекрасно понимать сцену. Публика веселилась и возвратилась къ нему обратно. Провинція ему подражала. По деревнямъ и мѣстечкамъ собиралась молодежь, которая, когда стредства не позволяли ей, довольствовалась чтеніемъ стиховъ, пѣніемъ пріятныхъ мелодій и пѣсенъ Яна Непомука Шкроупа*) композитора, бывшаго тогда въ модѣ.

Женщины и дѣвушки, долго остававшіяся въ сторонѣ и не принимавшія участія въ общеславянскомъ дѣлѣ изъ чувства ложнаго стыда, понемногу привлекались къ нему своими мужьями

*) Это — братъ Франтишка Шкроупа (Fr. Škroup), обязаннаго своей извѣстностью гимну „Гдѣ домъ мой“ („Kde domov můj“), ставшему національнымъ гимномъ Чехіи.

и братьями. Первый національный балъ — былъ событіемъ огромной важности.

Иниціатива и здѣсь принадлежала Тылю. Нѣсколько небольшихъ собраній удались настолько хорошо, что горсточка смѣльчаковъ рѣшила организовать одно изъ тѣхъ большихъ свѣтскихъ празднествъ, которыя и по сейчасъ привлекаютъ на островъ Жофинъ самое изысканное общество Праги. Они придаютъ большую прелесть и яркость жизни стараго города. „Чешскій балъ въ Прагѣ! Сколько шуму: всѣ удивлялись ему, говорили о немъ". Не мало вызвалъ онъ и насмѣшекъ. Одна дѣвушка серьезно спрашивала устроителей: „правда ли, что посреди залы, на алтарѣ воздвигнутъ Словарь Юнгманна и будутъ танцовать вокругъ него, какъ евреи когда-то танцовали вокругъ своего ковчега"? — Другіе были убѣждены, что при входѣ каждый долженъ будетъ прочесть нѣсколько страницъ изъ грамматики Неѣдлаго. — Балъ прошелъ блестяще (5-го февраля 1840 г.). Лиризмъ, съ которымъ его послѣ описывали въ газетахъ, даетъ намъ ясное представленіе о томъ настроеніи ребяческаго героизма, которое онъ вызвалъ. „Еще не пробило девяти часовъ, какъ подъ сводами декорированной залы уже толпились нарядныя дамы и прелестныя дѣвушки. Около нихъ — высшее чиновничество, офицерство, профессора, уважаемые всѣми ветераны нашей литературы и ихъ молодые друзья. Сердца, умъ и чувство — объяты одной мыслью. Говорятъ по-чешски, говорятъ есте-

ственно, оживленно. Всѣ кружки одинаково веселятся. И развѣ не наслажденіе видѣть прелестныхъ танцовщицъ, исповѣдующихъ безъ стыда родную рѣчь и даже призывающихъ къ порядку своихъ забывчивыхъ кавалеровъ"? Программы танцевъ, напечатанныя по-чешски, вызвали всеобщій восторгъ — каждый хотѣлъ сохранить ихъ себѣ на память.

Успѣхъ вдохновилъ устроителей. На слѣдующій годъ они попытались снова. Прага, хотя и насчитывала 105.000 жителей и была больше Пешта, составляя приблизительно треть Вѣны, была однако настоящимъ провинціальнымъ городомъ. Всѣ знали другъ друга и любили посплетничать. Чешскій балъ въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ бывалъ любимѣйшей темой. Представители аристократіи не побрезгали почтить его своимъ присутствіемъ. Даже оберъ-бургграфъ рѣшился прійти на него въ 1841 г. Но высшіе чиновники, находившіеся подъ сильнымъ вліяніемъ, долго не поддавались и боролись съ организаторами. Однако, не всегда послѣднее слово оставалось за ними. Полиція же грубо мстила патріотамъ и держала, напримѣръ, въ 1842 г. молодого Ладислава Ригра недѣлями по тюрьмамъ, создавая только ему этимъ самымъ извѣстность. Но ихъ придирки перестали пугать, — онѣ лишь повышали настроеніе новообращенныхъ, придавая имъ особый интересъ. Провинція, какъ всегда, слѣдовала примѣру Праги. Балы и литературные вечера были хорошимъ предлогомъ для патріотическихъ манифестацій. Бесѣды сближали

недовольныхъ правительствомъ Меттерниха. Въ Вѣнѣ — южные славяне, чехи и поляки — организовывали славянскіе вечера. Особенно блестящимъ вышелъ балъ 1847 года. Онъ насчитывалъ болѣе двухъ тысячъ гостей, его посѣтилъ князь Милошъ Сербскій, князья Лихтенштейнъ и Ауерспергъ, графъ Фердинандъ Коловратъ, Левъ Тунъ, Фр. Шликъ, Евг. Чернинъ, Деймъ и многіе другіе. Казалось будто аристократія, наканунѣ революціи дѣлала смотръ своимъ силамъ.

Пока шло увлеченіе танцами, Гавличекъ, заключенный въ одиночную камеру, горько смѣялся надъ молодыми героями, въ веселіи, подъ звуки музыки, спасавшихъ родину.

„Всесильный Богъ! Обрати милостивое вниманіе свое на ихъ развлеченія. Прости имъ, если улыбка молодой чешки заставляетъ ихъ порой позабыть о тяжеломъ гнетѣ, нависшемъ надъ ихъ братьями и сестрами“.

Но его гнѣвъ былъ такъ же ребячливъ, какъ и шумливыя манифестаціи его друзей. Студенты были молоды и охотно принимали видъ героевъ. Очевидно, время возстанавливать боговъ еще не наступило. На балахъ чешскихъ многіе продолжали говорить по-нѣмецки, а среди почетныхъ посѣтителей еще отсутствовали вѣрные союзники. Однако же, какъ ни легкомысленно было настроеніе баловъ, они съумѣли сыграть свою роль. Славяне становились все менѣе застѣнчивы, пріучались открыто проявлять свои мнѣнія. Балы пробудили

хотя бы небольшой кругъ буржуазіи, нѣсколькихъ лѣсопромышленниковъ, пивоваровъ, одного инженера, даже нѣсколькихъ дворянъ: барона Виллани, графиню Элеонору Коуницъ. Князь Карлъ Шварценбергъ изъявилъ желаніе, чтобы его офицеры знали чешскій языкъ; полковникъ гр. Дегенфельдъ издалъ по-чешски теорію артиллеріи. Появились недостававшіе до сихъ поръ чехамъ политическіе вожди. По образованію своему и связямъ они могли представлять собою народъ и говорить о желаніяхъ его передъ лицомъ монарха. Самая поверхностная поддержка нѣкоторыхъ вельможъ уже придавала ихъ требованіямъ оффиціальный характеръ.

Крестьяне не были равнодушны къ происходящимъ событіямъ, но до поры до времени оставались попрежнему замкнутыми и скептически настроенными. Они внимательно слѣдили за всѣмъ и разсказывали по деревнямъ, что нѣмцевъ скоро выгонятъ, и что самъ эрцгерцогъ Стефанъ принимаетъ въ этомъ участіе.*) Даже иностранцы начинали замѣчать, что въ Чехіи что-то перемѣнилось.

Людевитъ Гай, основатель иллирскаго движенія, описываетъ, какъ онъ встрѣчался въ Прагѣ съ нѣсколькими поляками, не охваченными ненавистью къ Россіи, и словаками, искавшими въ Прагѣ средствъ противостоять венгерскимъ притязані-

*) *Ченскій* (Čenský) „Годы Пробужденія", стр. 32. Въ 1844 г. эрцгерцогъ Іосифъ, сынъ венгерскаго палатина и внукъ Леопольда II, былъ назначенъ Правителемъ Богеміи.

ямъ. Сербы изъ Лужицы пріѣзжали сюда учиться въ семинаріи, и одинъ изъ нихъ — Іорданъ, основалъ даже газету: Ost und West, которая преслѣдовала опредѣленную цѣль — пробудить національное чувство среди славянъ, затерявшихся въ Саксоніи и Пруссіи. Медицинскій факультетъ привлекалъ многочисленныхъ слушателей; вѣнскій университетъ во многомъ былъ обязанъ своей славой Рокитанскому, работы котораго по патологической анатоміи стали извѣстны всей Европѣ, и Шкодѣ, книга котораго о выстукиваніи и выслушиваніи (1839) внесла большія измѣненія въ области діагностики.

И хотя ни Рокитанскій, ни Шкода не были чешскими патріотами, но они родились въ Чехіи, и студенты-славяне нерѣдко приводили въ своихъ спорахъ, какъ неопровержимый аргументъ ихъ имена, отражая тѣмъ самымъ нападки противниковъ, не хотѣвшихъ признавать за ними мѣсто въ кругу цивилизованныхъ народовъ. Въ Прагѣ находили они друзей и послѣдователей и нѣкоторые изъ нихъ даже пользовались большой извѣстностью, — Pitha, напримѣръ, или Bohdalek, особенно же Hamernik. — Послѣдній плохо говорилъ по-нѣмецки, коверкалъ его немилосердно, но это служило только къ вящей его славѣ среди чешскихъ студентовъ.

* * *

Чехи возстановили свой родной языкъ, зачали хотя бы эмбріонально литературу, собрали вокругъ

себя значительную часть молодежи, преданную и вѣрную, поколебали устои буржуазіи. Побѣды эти, достававшіяся съ такимъ трудомъ, безконечно подрывались механическимъ дѣйствіемъ законовъ, обрекавшихъ чеховъ на жалкое рабство. Но наступилъ моментъ потребовать реформы хотя бы самыхъ непріемлемыхъ постановленій. Литераторы должны были уступить мѣсто политикамъ, а мечтанія панславистовъ — точной и ясной программѣ. Около 1840 года на сцену появляется новое поколѣніе, которое, подъ внушеніемъ Палацкаго и позже Гавличка, начинаетъ придавать большее значеніе вопросамъ конституціи и понимать необходимость практическихъ достиженій. Выросшее въ страстномъ поклоненіи Коллару, оно не отказывается и отъ мистическаго идеализма. Палацкій самъ на всю жизнь сохранилъ отпечатокъ романтическаго воспитанія, прошлое слишкомъ сильно владѣло имъ, благодаря этому онъ переоцѣнивалъ значеніе традицій и магическое дѣйствіе опредѣленныхъ формулъ. Но Палацкій не былъ изъ числа тѣхъ, что думали, будто краснорѣчивыми сонетами или филологическими диссертаціями можно перевернуть міръ. Онъ стоялъ за то, чтобы прочно опираться на дѣйствительность и подкрѣплять свои силы въ чешскомъ народѣ, а не въ мифической Славіи. Онъ отмѣтилъ начало необходимой реакціи противъ установившихся неопредѣленныхъ, сентиментальныхъ идей.

Палацкій*) родился въ 1798 г., умеръ въ 1876 г. Личность его возвышается надъ цѣлымъ столѣтіемъ и ярко представляетъ собою вѣкъ чешскаго возрожденія. Ученикъ Добровскаго, связанный личной дружбой съ Шафарикомъ, соратникъ Гавличка — всѣ великія теченія, поочередно увлекавшія его народъ, встрѣчаются и въ немъ, подобно тому, какъ въ немъ слились и три вѣтви единаго чешскаго ствола. Онъ родился въ Моравіи, провелъ свою молодость среди словаковъ съ тѣмъ, чтобы всю остальную жизнь прожить въ Прагѣ. Онъ былъ какъ бы синтезомъ настроеній, увлекавшихъ три поколѣнія, и въ своемъ лицѣ олице-

*) *Палацкій* (Palacký Fr.) родился въ Годславицахъ (Моравія). Знакомится въ Пресбургѣ съ Шафарикомъ (1817) и издаетъ съ нимъ вмѣстѣ „Начала Чешской поэзіи" (Počátkové českého básnictví, 1818). Въ 1823 г. переѣзжаетъ въ Прагу, гдѣ тотчасъ же становится во главѣ національнаго движенія. Одинъ изъ основателей Музея и Матицы, онъ долгое время ведетъ „Журналъ Музея" (Časopis Českého Museum). Послѣ нѣкоторой пробы въ области поэзіи и эстетики, отдается всецѣло исторіи. Создалъ себѣ имя изданіемъ третьяго тома „Scriptores rerum bohemicarum" (1846) и „Würdigung der alten böhm. Geschichtschreiber" (1830). Назначенный пражскимъ управленіемъ исторіографомъ, онъ издаетъ (1836—1876) пять томовъ Исторіи Чехіи, съ самаго начала ея зарожденія и до смерти Людовика Ягеллона (1526) (Dějiny národu Českého v Čechách a v Moravě). Она заслужила ему общеевропейское признаніе и широчайшую популярность. Онъ основываетъ, ведетъ или хотя бы вдохновляетъ всѣ самыя важныя литературныя и историческія предпріятія, — Чешскій Архивъ (Český Archiv), Журналъ археологическихъ и научныхъ изслѣдованій, Чешскую Энцикло-

творялъ всѣ тѣ элементы, сліяніе коихъ послужило къ образованію чешской отчизны.

Тѣ, кто подобно мнѣ имѣли возможность быть близкими къ нему въ послѣдніе годы его жизни, не могутъ говорить о немъ безъ глубокаго, почти религіознаго чувства: его длинные сѣдые волосы, величественная осанка, ласковый голосъ, смягченный легкимъ дрожаніемъ старости, глубокій, нѣжный взглядъ напоминали о долгомъ прошломъ Палацкаго, о прошломъ, полномъ самоотверженія и труда. Даже противники его, — ибо у него никогда не было враговъ, уважали его кристально-чистую душу. Національныя предубѣжденія и по-

---

педію (Český slovník naučný). Онъ издаетъ немало источниковъ, между прочимъ Documenta magistri Hus vitam, doctrinam etc. illustrantia (1869). Во время революціи 1848 г. онъ играетъ видную роль въ Чехіи, Вѣнѣ и Кромержижѣ. Подъ бдительнымъ надзоромъ реакціи, покинутый большинствомъ отчаявшихся патріотовъ, онъ въ 1858 г. возобновляетъ борьбу и остается уже до самой смерти своей вмѣстѣ со своимъ зятемъ Ригромъ и Кламъ-Мартиницомъ вождемъ партіи защиты историческихъ правъ Чехіи.

Главныя работы, относящіяся къ Палацкому: Біографія написанная Калоускомъ, изслѣдованіе, очень интересное, Голля (Goll) о Палацкомъ, какъ историкѣ, и цѣлая серія статей, собранныхъ въ »Památníku« по случаю столѣтія со дня рожденія писателя. Было предпринято В. Новачкомъ изданіе его Корреспонденціи и Записокъ. Статьи, посвященныя политическимъ событіямъ, изданы Б. Ригромъ (1898), его внукомъ. Сейчасъ это одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ при изученіи исторіи современной Чехіи. — См. о Палацкомъ образцовый трудъ Луи Леже (Louis Leger): Nouvelles études slaves. 1880.

литическія распри утихали при одномъ приближеніи его.

Міровая заслуга великаго историка заключалась еще и въ томъ, что онъ очень рано понялъ, что политическая свобода есть необходимѣйшее условіе для достиженія національной независимости. Онъ пробудилъ общественную жизнь и предложилъ друзьямъ своимъ программу, давшую надолго удовлетвореніе самымъ ихъ смѣлымъ желаніямъ, достаточно гибкую, чтобы соединить разнообразныя политическія партіи, широкую, отвѣчавшую самому пылкому воображенію и настолько точную, что ее можно было, разобравъ по статьямъ, принять какъ политическую платформу. Въ случаѣ выборовъ Палацкій далъ чехамъ лозунгъ — ихъ историческое право; трудно было бы найти другой лозунгъ, болѣе отвѣчавшій положенію дѣлъ, болѣе годный для объединенія и поощренія славянъ, способный въ то же время пріостановить бдительность такой династіи, какъ Габсбурги, власть которыхъ держится исключительно на договорахъ и традиціяхъ, и присоединить къ себѣ дворянъ, робкихъ и тщеславныхъ своими воспоминаніями.

Но побѣда все же не была такъ рѣшительна, какъ этого можно было ожидать. Во-первыхъ, это зависѣло отъ случайныхъ условій, а во-вторыхъ, надо учесть и то обстоятельство, какъ трудно было повернуть принявшій вполнѣ опредѣленное направленіе общій ходъ развитія Австрійской им-

періи. Быть можетъ, нѣкоторыя изъ постигшихъ страну неудачъ можно объяснить и характеромъ самого Палацкаго. По мѣрѣ изданія новыхъ документовъ выясняется, что онъ забывалъ совершенно о честолюбіи, и все больше и больше отходилъ въ сторону. Въ немъ говорилъ теоретикъ, не способный къ практической дѣятельности. Онъ разбирался лучше въ грамотахъ, нежели въ людяхъ. Это укрѣпляло непреклонность его характера, упрямство, порой безпощадную строгость, съ коей онъ судилъ покидавшихъ его въ трудную минуту. Онъ считалъ себя жрецомъ въ храмѣ справедливости и вѣрилъ, что для конечнаго трожества правды достаточно о ней провозгласить людямъ. Его нерѣдко сравниваютъ со знаменитымъ вождемъ современной Венгріи — Фр. Деакомъ, и, что поражаетъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, — это та же искренность патріотизма, лишеннаго эгоистическихъ помысловъ, то же довѣріе къ разъ написаннымъ законамъ. Но только Деакъ выросъ въ странѣ, гдѣ была разрѣшена свобода слова, ему приходилось имѣть дѣло съ избирателями; онъ умѣлъ цѣнить значеніе обстоятельствъ и тонко въ нихъ разбираться. Къ юридическимъ познаніямъ въ немъ прибавлялся опытъ практика. Палацкій — прежде всего апостолъ. Чувство исполненнаго долга замѣняло ему успѣхъ. Въ немъ говорило то стремленіе жертвовать собой, что всегда отличало чеховъ. Онъ безусловно принадлежалъ къ тому же племени, что дало Гуса и Жеротина. Но вѣдь святые

чаще терпятъ пораженія, чѣмъ одерживаютъ побѣды!

*

Когда въ 1823 г. Палацкій пріѣхалъ въ Прагу, онъ еще колебался въ своихъ намѣреніяхъ, увлекался эстетикой, а до этого испыталъ свои силы въ поэзіи. Но цѣль жизни была ему всегда ясна, — надо было работать надъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ своего народа. Палацкій не могъ считаться обладателемъ сколь-нибудь исключительно свѣтлаго ума въ томъ смыслѣ этого слова, что онъ не былъ способенъ къ созданію новаго движенія; въ то же время философія его, слишкомъ ограниченная и земная, не стремилась ввысь. Послѣ нѣкоторыхъ сомнѣній, онъ успокоился на доктринахъ Канта, слегка имъ подслащенныхъ и обезцвѣченныхъ. Вѣрующій и въ то же время раціоналистъ, онъ блуждалъ между либеральнымъ протестантизмомъ и непослѣдовательнымъ агностицизмомъ. Его теоріи строились на надеждахъ, а свою жизнь онъ основывалъ на прогрессѣ. Но въ виду того, что ему не хватало размаха и настойчивости, онъ усматривалъ этотъ прогрессъ въ примиреніи инстинктовъ и противоположныхъ имъ силъ, оспаривающихъ другъ у друга начала гуманности. Онъ одинаково ненавидѣлъ духъ нетерпимости и деспотизма, проявляли ли ихъ отдѣльный человѣкъ, цѣлый народъ, или проповѣдывало ихъ особое ученіе. Но хотя онъ ясно созналъ, что время не узаконяетъ несправедли-

вости, онъ слишкомъ тщательно изучалъ исторію, чтобы не считаться съ тѣмъ вліяніемъ, которое оказываетъ на умы прошлое. Онъ не могъ вѣрить, подобно Коллару, что достаточной основой для общественной жизни можетъ служить народность и что этнографическое родство можетъ замѣнить всѣ старые политическіе факторы. Онъ утверждалъ, что „государство ослабѣваетъ, если принуждаетъ гражданъ къ отступничеству, оно истощаетъ ихъ, отнимая у нихъ органы необходимые для ихъ самостоятельнаго существованія: централизація, въ принципѣ своемъ, необходимая и полезная, превысила свою непосредственную задачу и вызвала сопротивленіе противоположной силы — общественнаго мнѣнія; оно есть протестъ индивидуума, не желающаго умереть“.

„Какъ всякій человѣкъ, каждый народъ имѣетъ свое особое мышленіе, отличную отъ другихъ способность чувствовать. Когда упраздняютъ одну какую-либо существующую группу, все человѣчество лишается одного изъ необходимыхъ для его развитія элементовъ. Торжество въ мирѣ тираніи стало бы величайшимъ бѣдствіемъ для всей Европы, — оно убило бы совершенно жизненныя и творческія силы народовъ. Побѣда въ Австріи одной національности послужила бы роковымъ образомъ къ ея упадку“.

Въ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ Палацкій находитъ подтвержденіе своей философіи.

Исторія Чехіи, по его мнѣнію, заключалась въ борьбѣ двухъ національностей, населяющихъ королевство. Безусловно, подобное положеніе сильно преувеличено, но, если мы вспомнимъ, какое мѣсто въ произведеніяхъ того времени занимали этническіе вопросы, оно перестанетъ насъ удивлять. Всегда въ прошломъ мы ищемъ объясненія настоящему. И въ неравномъ бою славянъ съ нѣмцами, значительно превосходящими ихъ силами, симпатіи Палацкаго стоятъ на сторонѣ угнетенныхъ. Но онъ не скрываетъ ни слабыхъ сторонъ, ни заблужденій послѣднихъ, его честность въ изслѣдованіяхъ позволяетъ ему вдохновляться только правдой. Терпѣливо и старательно роется онъ въ архивахъ, отыскивая новые источники посѣщаетъ иностранныя библіотеки, собираетъ и провѣряетъ неизданныя рукописи. Его „Исторія Чешскаго Народа“ есть лишь маленькая часть работы всей его жизни. Онъ оставилъ ученымъ, которые придутъ ему на смѣну, полную возможность провѣрить и оцѣнить его труды. Онъ охотно поощрялъ молодыхъ писателей, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Томекъ, Эмлеръ или Калоусекъ, въ скоромъ времени становятся сами въ ряды виднѣйшихъ ученыхъ Европы. И оттого, что онъ подготовилъ будущую работу, а не только создалъ новое, заслуга его отъ этого не уменьшается. Онъ оставилъ послѣ себя больше чѣмъ книги — онъ основалъ школу. Установивъ правду, онъ еще не считалъ свою задачу оконч-

ной. Онъ стремился къ тому, чтобы правда эта проникла въ народъ, стала основнымъ элементомъ его нравственности и патріотизма; надо заинтересовать читателя и удержать его около себя. Палацкій не пускается, подобно Мишле, въ пророчества и не придерживается, какъ это дѣлаетъ Тьери, причудливыхъ анекдотовъ и художественыхъ подробностей, или, какъ Гизо, философскихъ замѣчаній. Въ великомъ и плавномъ ходѣ исторіи онъ хотѣлъ отразить ритмическое развитіе, наблюдаемое въ природѣ. Его ясный, пространный разсказъ разворачивается съ сдержанной простотой, и читатель, проникнутый настроеніемъ нравственности и спокойной увѣренности, отходитъ отъ бурь и успокаивается, полный уваженія къ мертвымъ, преисполенный презрѣнія къ несправедливости и довѣрія къ будущему. Языкъ Палацкаго, преисполненный пышнаго великолѣпія, поражаетъ насъ. Мы привыкли къ болѣе рѣзкимъ изображеніямъ, гдѣ смѣняются свѣтъ и тѣни, и наше пониманіе исторіи гораздо реальнѣй. Исторія Чешскаго Народа, какъ научное произведеніе, обречена на забвеніе, многія части ея уже устарѣли, но въ цѣломъ своемъ она говоритъ о глубочайшемъ усиліи и въ свое время составила эпоху въ развитіи славянской мысли.

„Примите мои искреннія поздравленія съ окончаніемъ вашего великаго патріотическаго труда“, писалъ Палацкому Пертцъ въ 1867 г. Exegi monumentum aere perennius — вотъ что должно быть

вашимъ неизмѣннымъ девизомъ". И эта простая похвала была примѣнена въ данномъ случаѣ съ большой справедливостью.

Палацкій, будучи безусловно выдающимся ученымъ, долженъ быть отмѣченъ особенно какъ первоклассный писатель. Нѣкоторыя части его труда, о Гусѣ и Георгіи Подѣбрадѣ не перестанутъ читаться до тѣхъ поръ, пока чехи любятъ свою родину. Голль очень тонко замѣтилъ, что произведенія Палацкаго переносятъ насъ въ совершенствѣ въ ту эпоху, о которой онъ намъ разсказываетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ являются точнымъ отраженіемъ и того времени, когда они написаны. Уже до 1836 г., то есть до изданія перваго тома Исторіи Чешскаго Народа, прославившаго Палацкаго, послѣдній уже стоялъ во главѣ многихъ отвѣтственныхъ предпріятій самаго разнообразнаго характера и пользовался огромнымъ вліяніемъ на окружающихъ. Словомъ своимъ онъ удерживалъ неблагоразумныхъ, ободрялъ отчаявшихся, усмирялъ ссоры. Въ лингвистическихъ спорахъ, занимавшихъ въ то время умы, онъ игралъ роль академіи, поддерживалъ единство, относился совершенно безпристрастно къ неологистамъ и къ архаистамъ. Его поведеніе обезоруживало самыхъ недоброжелательныхъ патріотовъ, какъ напримѣръ Юнгманна, и ему одинаково довѣряли и въ административныхъ кругахъ и среди аристократіи.

Въ молодости своей Палацкій жилъ въ Венгріи и былъ близокъ тамошнимъ высшимъ кругамъ

общества; у нихъ онъ пріобрѣлъ изящество манеръ и изысканную вѣжливость, составлявшія отличительный признакъ аристократіи XVIII вѣка. Впослѣдствіи это неизбѣжно выдѣляло его изъ среды чешскихъ бойцовъ, слишкомъ хмурыхъ, или приторно вѣжливыхъ, всегда стѣснявшихся общенія съ привиллегированными классами. Палацкій по своимъ убѣжденіямъ и по своей натурѣ былъ врожденнымъ аристократомъ. Даже любовь его къ народу была немного любовью свысока, ибо, подобно энциклопедистамъ, онъ считалъ толпу слишкомъ грубой и невѣжественной, неспособной управлять самой своими судьбами. Между демократіей, какъ формой правленія, въ которой онъ сомнѣвался, и деспотіей, которую онъ не терпѣлъ, ему хотѣлось создать правительство *лучшихъ*. Трудно сказать конкретно, каковъ былъ бы его критерій „лучшихъ", самыхъ богатыхъ, самыхъ славныхъ, тѣхъ, чьи интересы, жизнь и имя составляютъ хранилище народной мысли? Его теоріи похожи на теоріи Гизо, видоизмѣненныя спеціальными условіями Австрійской монархіи, гдѣ отсутствовалъ классъ буржуазіи.

*

Гавличекъ*) былъ проникнутъ значительно меньше иностраннымъ вліяніемъ и связывался непосредственнѣе съ народными традиціями. Свою молодость онъ провелъ въ маленькомъ, чисто чешскомъ городкѣ, и когда позже ему пришлось

ближе познакомиться съ дерзкими притязаніями нѣмцевъ, гнѣвъ его не имѣлъ въ себѣ ничего дѣланнаго или надуманнаго. Какъ ребенокъ еще, онъ чувствовалъ какъ кровь бросалась ему въ лицо, когда онъ видѣлъ чужихъ людей, стремившихся отодвинуть его на второй планъ. Онъ не обращался къ великодушію враговъ своихъ, а предъявлялъ имъ свои законныя права. Онъ

*) Карлъ *Гавличекъ* (Havlíček Karel 1821—1856) родился въ Боровѣ, около Нѣмецкаго Брода. Нѣкоторое время былъ воспитателемъ въ Россіи (1843—1844), привезъ оттуда свои „Русскія Картины". Редактируетъ „Пражскую Газету" („Pražské Noviny" 1846). Основываетъ „Národní Noviny" въ 1848 году и, по запрещеніи ихъ, Славянина („Slovan" 1850), гдѣ помѣщаетъ прекрасныя, знаменитыя Письма изъ Кутной Горы (Epištoly Kutnohorské.) Въ силу побѣды одержанной реакціей, послѣ блестящей защиты, смѣлой и остроумной, онъ вынужденъ бросить свой журналъ (авг. 1851 г.). Его призываютъ къ суду за несоблюденіе законовъ печати,— оправдываютъ, но ночью арестовываютъ снова и интернируютъ въ Бриксенѣ. Тамъ онъ пишетъ Тирольскія элегіи и Крещеніе Святого Владиміра (Tyrolské elegie a Křest Sv. Vladimíra.) Разочарованія, которыя онъ терпитъ, и плохой климатъ подрываютъ въ конецъ его здоровье, и когда онъ получаетъ разрѣшеніе вернуться въ Прагу, онъ ѣдетъ уже съ тѣмъ, чтобы тамъ умереть. Необходимыя библіографическія данныя о немъ можно найти въ его біографіи, написанной Масарикомъ (Прага, 1896), хотя, это въ высшей степени поучительное изслѣдованіе и доказываетъ, какъ сильный умъ и твердыя убѣжденія могутъ смягчить естественное, казалось бы, толкованіе документовъ. По моему, дѣйствительно—жившій Гавличекъ не имѣетъ ничего общаго съ образомъ, созданнымъ Масарикомъ. Тоболка сдѣлалъ прекрасное изданіе произведеній великаго журналиста.

успокоится не прежде, чѣмъ когда онъ вернетъ народу своему утерянное имъ первое мѣсто.

Съ раннихъ лѣтъ въ немъ говорило одно лишь желаніе — быть полезнымъ и доблестнымъ сыномъ своей родины.

— „Боже мой, сдѣлай такъ, чтобы я могъ примѣнять свои силы, сдѣлай такъ, чтобы насталъ тотъ день, когда Чехія будетъ мною довольна.“

Съ этой цѣлью онъ поступаетъ въ семинарію, какъ многіе изъ молодежи того времени, шедшіе смѣло работать на пользу народа, преступно другими сословіями оставленнаго. Но атмосфера семинаріи скоро кажется ему невыносимой, онъ бросаетъ свой подрясникъ и уѣзжаетъ въ Россію. Послѣ двухъ лѣтъ пребыванія въ ней, онъ исцѣляется совершенно отъ панславистскаго мистицизма и привозитъ съ собой точно обоснованную программу: завоевать своимъ согражданамъ полное и абсолютное равенство, на которое они издавна имѣютъ всѣ права, стряхнуть съ нихъ то наслѣдственное холопство, которое заставляло преклоняться самыхъ смѣлыхъ изъ нихъ передъ Германіей.

— „Для Бога одинаково равенъ чешскій и нѣмецкій дуракъ, но если бы пришлось избирать — я выбралъ бы перваго, немного изъ чувства патріотизма и предубѣжденія, главное же потому, что каждый чехъ можетъ стать дуракомъ безъ особаго труда и усилія.“

— „Мнѣ часто приходилось слышать, что человѣкъ, изучившій два языка, равенъ двумъ лю-

дямъ, — я съ этимъ совершенно согласенъ, то есть, иначе говоря, если какой-нибудь умный человѣкъ знаетъ два, три языка, то онъ равенъ двумъ, тремъ умнымъ людямъ, а дуракъ, въ тѣхъ же условіяхъ, будетъ больше, чѣмъ два или три дурака, взятыхъ вмѣстѣ.“

Необходимо, чтобы чехи снова стали хозяевами положенія въ Чехіи.

„Никогда дѣти одного племени не станутъ притѣснять съ такой жестокостью своихъ братьевъ, какъ это дѣлаютъ иностранцы. Алчность послѣднихъ питается ненавистью и презрѣніемъ, свойственными почти всегда двумъ сосѣднимъ народамъ.“

Такъ съ изумительной точностью формулировалъ онъ неясныя настроенія патріотовъ, предостерегая въ то же время своихъ слушателей отъ нелѣпыхъ надеждъ и опасныхъ компромиссовъ. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что будущее приведетъ къ всемірному примиренію въ правдѣ, но, въ ожиданіи ея, считалъ отнюдь не лишними для общаго дѣла, крѣпкій кулакъ и выносливыя плечи. Онъ не допускалъ мысли, что долгъ передъ народомъ можно считать исполненнымъ тѣмъ, что будетъ произнесено нѣсколько громкихъ фразъ. Онъ требовалъ, чтобы патріотизмъ „изъ устъ перешелъ въ руки и тѣло.“ Особенно же рекомендовалъ онъ своимъ читателямъ, не поддаваться обману словъ.

„Увлеченія Коллара оказались напрасными: славяне, а именно русскіе, поляки, чехи, иллирійцы и т. д.

не представляютъ собою одного народа... Чтобы стать истинными славянами, мы должны прежде всего найти самихъ себя. Конечно, ничто не мѣшаетъ намъ сидѣть сложа руки и ждать того момента, когда Россіи заблагоразсудится вырвать насъ изъ рукъ нашихъ враговъ, это очень удобно, но мало почетно... Но вѣдь мы можемъ и сами работать надъ развитіемъ чувства національности. А развивая идею политической свободы, незнакомую Россіи, мы окажемъ тѣмъ самымъ благотворное вліяніе и на нее... Я не оспариваю реальности Славянства, но утверждаю, что реальность его покоится на реальности отдѣльныхъ племенъ.

И хотя уже Палацкій говорилъ: „Я Славянинъ, но я Чехъ", заслуга Гавличка состоитъ въ томъ, что онъ, обладая рѣдкимъ даромъ быть понятнымъ массамъ, умѣлъ придавать обсуждаемымъ вопросамъ подобающее имъ освѣщеніе.

Патріоты въ Чехіи начали съ того, что возстановили языкъ и родную исторію, пробудили въ народѣ интересъ къ чтенію и любовь къ старинѣ; чтобы поднять его мужество, они показали ему далекую, неясную Славію, тѣнь отъ которой падала даже на Германію. Затѣмъ они провѣрили и точнѣе опредѣлили свою программу. Имъ стало ясно, что безъ политической независимости невозможно самое ихъ существованіе. Мало-по-малу увлекали они за собою различные классы общества, забывавшіе на время личную вражду, чтобы соединенными усиліями побѣдить

правительство. Всѣ становятся съ этого времени ихъ болѣе или менѣе вѣрными союзниками, и дворяне, желавшіе вернуть свой прежній авторитетъ, и либералы, оскорбленные и разочарованные, наконецъ, — народныя массы, уже больше полувѣка ждавшія исполненія обѣщаній Іосифа II.

Похороны Юнгманна приняли символическій характеръ. Они прошли какъ торжественный смотръ славянскимъ силамъ, передъ принятіемъ боя (ноябрь 1847 г.). Старѣйшее поколѣніе, отвалившее камень отъ гроба, подъ которымъ въ тяжеломъ снѣ покоился чешскій народъ, исполнило свою задачу. Оно могло отойти со спокойной совѣстью, удовлетворенное завершенной работой, — доблестно проведя день жесточайшаго труда. Оно передавало своимъ преемникамъ заботу вести воскрешенный ими народъ къ свободѣ и автономіи. Молодые бойцы принимали безъ страха тяжелую задачу, выпавшую на ихъ долю.

„Я возвращался со своимъ отцомъ съ грандіозной манифестаціи“, пишетъ Фричъ, „мы шли гордо, какъ побѣдители, готовые на новый, рѣшительный бой. Вернувшись домой, мой отецъ вздохнулъ полной грудью, будто сняли съ него давившую на нее тяжесть: „Дѣти мои“, произнесъ онъ, „мнѣ кажется, что мы побѣдимъ. Наши силы уже велики. Съ Божьей помощью имъ не удастся насъ уничтожить.“

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Соціальные и интеллектуальные успѣхи. Наука. Томекъ и Ранда.—Нео-байронисты: Галекъ, Неруда.—Сметана.—Современное движеніе мысли въ Чехіи: Святополкъ Чехъ и Врхлицкій, школа реалистовъ, Масарикъ и вопросъ о рукописяхъ.— Народный театръ. — Искусства. — Дворжакъ и Фибихъ.

I.

Какъ одно изъ послѣдствій рѣшенія, принятаго городской думой, предписавшей обязательное обученіе въ городскихъ школахъ на чешскомъ языкѣ, Прага быстро начала терять свой нѣмецкій характеръ, сохранявшійся еще до 1860 года. Постепенно превращалась она въ ту великую славянскую столицу, каковой остается и по сейчасъ. Общество искусствъ („Umělecká Beseda“), объединившее художниковъ, писателей и просвѣщенныхъ диллетантовъ, съ перваго же дня своего существованія оказало самое благотворное вліяніе на общее развитіе общественной и интеллектуальной жизни. Театральный Комитетъ, судьба котораго

отразила на себѣ всѣ фазисы въ исторіи эволюціи народа, начиная съ 1848 г., покрылъ все Королевство цѣлой сѣтью своихъ отдѣленій.

Славяне обладаютъ необыкновенной любовью къ общественнымъ манифестаціямъ, массовымъ торжествамъ, митингамъ, праздникамъ, посвященнымъ чьей-либо памяти; можно было легко использовать всѣ эти предлоги,—и мы наблюдаемъ, какъ постоянно на нихъ вызывались къ жизни всѣ герои, начиная съ Гуса и кончая Шафарикомъ и Гавличкомъ.

Патріоты проникли въ высшія сферы буржуазіи, долго остававшіяся глухими къ ихъ пропагандѣ, имъ удалось даже пройти въ круги высшей коммерціи и индустріи.

Сахарные заводы, развивавшіеся главнымъ образомъ на чешскихъ земляхъ, несмотря на всѣ переживаемыя ими перипетіи, содѣйствовали весьма значительному возрастанію чешскаго капитала. Земледѣльческія общества старались распространять машины, повышалось довольство народа, и вмѣстѣ съ нимъ росла потребность свободы и интересъ къ просвѣщенію. Литература не оставалась болѣе замкнутой въ кругу нѣсколькихъ пророковъ; прибавлялись читатели и повышалось ея честолюбіе, она уже претендовала отражать и вдохновлять собою весь народъ. Ригеръ*) из-

*) Фр. Лад. *Ригеръ* (Rieger Fr. Lad.) родился въ 1818 г. въ маленькомъ городкѣ Семилахъ, около Ичина, подъ Крконошами. Сынъ богатаго мельника, онъ сотрудничаетъ въ нѣ-

далъ наконецъ ту Энциклопедію, что еще въ 1815 г. прельщала воображеніе Юнгманна, и цѣнность и значеніе которой тотъ конечно даже не могъ себѣ представить. Этотъ Научный Словарь, гордиться которымъ чехи имѣютъ полное право, во мно-

---

сколькихъ журналахъ и становится однимъ изъ самыхъ блестящихъ и популярныхъ вождей молодежи. Нѣкоторое время въ 1842 г. находится подъ арестомъ. Принимаетъ дѣятельное участіе въ борьбѣ, предпринятой Промышленнымъ Обществомъ. Ригеръ заложилъ первыя основы къ той колоссальной организаціи, которой послѣ тридцатилѣтнихъ усилій удалось добиться постройки большого чешскаго національнаго театра. — Въ 1848 г. — членъ Національнаго Комитета, а затѣмъ депутатъ въ Парламентѣ онъ выдвигается, какъ блестящій ораторъ. Послѣ происшедшаго переворота (7 марта 1849) живетъ нѣкоторое время въ Парижѣ, но затѣмъ, хотя и обвиненный въ государственной измѣнѣ, возвращается обратно въ Австрію (декабрь 1850 г.) и представляетъ въ Университетъ свою научную диссертацію по вопросамъ о соціальной экономіи. Будучи написана на чешскомъ языкѣ, она не была принята. Въ 1850 г. онъ женится на дочери Палацкаго, въ 1859 г. начинаетъ изданіе своей Чешской Энциклопедіи (Naučný Slovník). По полученіи диплома въ февралѣ 1861 г., онъ поддерживаетъ горячую борьбу противъ централистовъ въ Парламентѣ и въ Сеймѣ. Будучи сторонникомъ тѣснаго союза съ феодальнымъ дворянствомъ, Ригеръ проповѣдуетъ пассивное сопротивленіе властямъ. На этой почвѣ произошли его страстные споры съ партіей младо-чеховъ. Провозглашеніе дуализма, путешествіе Ригра въ Москву (1867) и письмо его къ императору Наполеону вызвали жестокіе споры. Во время министерства Тааффе онъ былъ временно вождемъ коалиціи, поддержавшей правительство, пока послѣ его компромисса съ нѣмцами выборщики не отступились отъ него (1891).

гихъ частяхъ своихъ, особенно же во всемъ, что касается славянской исторіи, до сихъ поръ даетъ цѣнныя свѣдѣнія каждому работающему въ этой области. Ригеръ подвелъ блестящіе итоги труду цѣлаго поколѣнія, представленнаго еще въ лицѣ нѣсколькихъ виднѣйшихъ своихъ дѣятелей.

Палацкій, не потерявшій съ годами ни усердія своего, ни прежняго пыла, придавалъ своей Исторіи Чехіи, по мѣрѣ ея приближенія къ новѣйшимъ временамъ, все болѣе проникновенный смыслъ. Ему уже мало было только возстановить былую славу своего народа, онъ хотѣлъ создать себѣ среди ученыхъ преемниковъ, способныхъ продолжать начатыя имъ изслѣдованія. Подъ его руководствомъ и наблюденіемъ стали собирать коллекціи рукописей и документовъ, найденныя имъ въ архивахъ и позволявшія ученымъ поставить окончательно изслѣдованія на нерушимыя основы. Эрбенъ въ 1857 г. началъ свои Regesta diplomatica Чехіи и Моравіи, продолженную Эмлеромъ, который своимъ изданіемъ Reliquiae tabularum regni (1870) былъ поставленъ въ ряды величайшихъ современныхъ ученыхъ. Гиндели, издавъ „Декреты братскаго союза“ (Dekrety Jednoty bratrské), открылъ путь къ изданію документовъ, относящихся къ исторіи религіозной мысли страны. Его послѣдователями и сотрудниками были Боровскій, Дворскій и многіе другіе.

Томекъ, признанный новѣйшей исторической школой какъ вождь, равный Палацкому, въ свое

время не имѣлъ ни въ своей странѣ, ни за границей той славы, каковую онъ вполнѣ заслуживалъ*). Представители иностранной литературы съ нимъ совершенно не знакомы, быть можетъ потому, что изслѣдованія его сосредоточивались исключительно на чешской исторіи и еще потому, что всѣ труды его написаны по-чешски. Что же касается до его соотечественниковъ, то, несмотря на то, что они не жалѣютъ ему похвалъ, ихъ чувство лишено теплоты и искренности. Ихъ отношеніе къ нему можно объяснить только чертами характера самого Томка. Выросшій подъ вліяніемъ патріотическаго романтизма, онъ упорно защищаалъ тезисы, дорогіе ему по воспоминаніямъ молодости, и въ защиту свою онъ вносилъ столько огня, что это поражало его читателей, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же пріучилъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ къ абсолютной ясности мысли. Но заблужденія его были такъ рѣдки, что на протяженіи всей его жизни, не знавшей иного стимула, кромѣ правды, они становятся совер-

*) *Томекъ* (Tomek) род. въ 1818 г. Исторія Чешскаго Королевства (Děje země české) (1843), Исторія Австрійской Имперіи (Děje mocnářství rakouského) (1845), неоднократно переизданная Исторія Пражскаго Университета (Děje university Pražské) (1848). Работа, которой онъ создалъ себѣ широкую извѣстность, это — „Исторія Праги“ (Dějepis města Prahy), первый томъ которой вышелъ въ 1855 г. и XII въ 1901 г.; доведена до тридцатилѣтней войны. О Томкѣ см. прекрасную статью Новотнаго, его прямого послѣдователя, въ Журналѣ Чешскаго Музея, 1898 стр. 147.

шенно незамѣтными. Ему вредило въ мнѣніи общества и то, что, будучи убѣжденнымъ католикомъ, онъ не побоялся бросить жестокое обвиненіе римско-католической церкви за злоупотребленія, допущенныя ею въ средніе вѣка. — Союзникъ феодальнаго дворянства, онъ первый опредѣлилъ какъ основную причину, погубившую Чехію въ XVI в., безвластіе аристократіи. Не легко было при подобныхъ условіяхъ завоевать симпатіи отдѣльныхъ партій. Много лѣтъ подрядъ Томка избирали депутатомъ. Не разъ оказывалъ онъ сильное вліяніе на ходъ событій. Однако же онъ никогда не увлекался политикой и презиралъ ея шумъ и рекламу. Толпа быстро позабыла его, молчаливаго, не раздѣлявшаго ея страстей, презиравшаго ея лавры. Среди самыхъ просвѣщенныхъ чеховъ многіе по сейчасъ не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что, случись имъ избрать делегата для прославленія всей страны въ общеевропейскій ареопагъ, — Томекъ, наравнѣ съ Ригромъ, Дворжакомъ или Фибихомъ, былъ бы однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ кандидатовъ, на которомъ ихъ выборъ долженъ былъ бы остановиться.

Какъ ученикъ Палацкаго, перваго открывшаго въ немъ незаурядныя способности, Томекъ достоинъ быть поставленнымъ рядомъ со своимъ учителемъ. Сильнѣе всѣхъ современниковъ своими точными научными методами онъ былъ застрахованъ отъ обмана иллюзій. Онъ не претендовалъ быть ни моралистомъ, ни философомъ, онъ

не пытался устанавливать священные догматы и не пророчествовалъ. У него была лишь одна задача: извлечь изъ точно провѣреннаго документа всѣ тѣ данныя, какія тотъ могъ предоставить ученымъ. По богатству красокъ и по построенію своему его разсказъ великолѣпенъ. Тончайшимъ образомъ передаетъ онъ чувство реальной дѣйствительности и жизни. Литературные критики, изучавшіе эволюцію мысли въ Чехіи за XIX вѣкъ, начавшуюся съ оптимизма Добровскаго и мистическаго идеализма Коллара, и дошедшую до безнадежнаго пессимизма современиковъ, ищутъ обыкновенно заграницей причины подобнымъ превращеніямъ. Несомнѣнно, что на современныхъ чеховъ не малое вліяніе оказываютъ французскіе, русскіе и скандинавскіе писатели. Но, разбирая вопросъ объ оказанномъ ими вліяніи, нельзя забывать и объ основныхъ причинахъ, сыгравшихъ большую роль. Изъ числа факторовъ, повліявшихъ особенно сильно на развитіе чешской литературы, необходимо отмѣтить эволюцію научной мысли и тѣ превращенія, которыя пережила историческая концепція. Съ этой точки зрѣнія Томекъ долженъ занимать почетное мѣсто не только въ исторіографіи, но и въ исторіи общаго развитія чешской мысли нашего времени.

*

Къ 1860 г. прошла окончательно та пора, когда усилія патріотовъ ограничивались почти исключительно составленіемъ научной терминологіи,

или когда простыхъ популяризаторовъ, составлявшихъ учебники геометріи и физики для начинающихъ, считали за виднѣйшихъ ученыхъ. Пуркине и Святополкъ Пресль пробудили въ народѣ жажду дѣятельности. Развитіе промышленности вызвало необходимость техническихъ усовершенствованій. Въ разработкѣ научныхъ принциповъ, чехи подобно нѣмцамъ были аккуратны и самоотверженно терпѣливы. Наряду съ этимъ подъ вліяніемъ еще неостывшаго романтизма и общенія съ сосѣдними славянами сохранилась у чеховъ и любовь къ обобщеніямъ, мягкость души и непосредственность, слѣды которыхъ можно открыть повсюду, во всѣхъ ихъ произведеніяхъ, Въ вѣнскій университетъ они посылали своихъ виднѣйшихъ профессоровъ, такъ же какъ для артиллерійскаго и инженернаго корпуса своихъ лучшихъ людей. И извѣстность, напримѣръ, математика Вейра, геолога Крейчаго или врача Альберта распространялась далеко за предѣлы Австрійской монархіи.

Чешская юридическая школа, знаменитая еще въ XV и въ XVI вв., сохранила свой славный духъ и свое направленіе до нашихъ дней. Теперь къ ней начинаетъ возвращаться ея прежняя слава. Журналъ „Юристъ“ (Právnik), основанный въ 1861 г., объединилъ собою многочисленную группу молодежи, полную уваженія къ стариннымъ преданіямъ, и въ то же время незаурядныхъ ученыхъ. Калоусекъ подготовилъ свой образцовый трудъ

„Чешское Государственное Право“ (1871), въ немъ онъ заложилъ прочныя основы исторіи конституціи королевства. При университетѣ находились одно время два самыхъ видныхъ юриста изъ всей Австрійской монархіи: Унгеръ, убѣжденный централистъ, сотрудничавшій впослѣдствіи съ Ауерспергомъ (1871), возобновившій въ Австріи объясненіе частнаго права на основаніи исторіи и сравнительнаго метода.*) Затѣмъ Ранда, отличавшійся не только изумительной проницательностью и ясностью — онъ всецѣло отдался изученію основъ законовъ и объясненію ихъ тѣми условіями, при которыхъ они зарождались. Онъ слѣдилъ за ихъ эволюціей и умѣлъ предсказывать ожидающія ихъ измѣненія. Ранда принадлежитъ къ числу виднѣйшихъ юристовъ, къ тѣмъ, кто настолько глубоко проникся настроеніемъ своихъ предковъ, что можетъ смѣло продолжать начатую ими работу.**)

Люди, подобные Рандѣ и Томку, слава которыхъ отражается на всей націи, настолько сильно вліяли на молодое поколѣніе, что сдѣлали совершенно невозможнымъ отступленіе отъ на-

*) Онъ читалъ въ Пражскомъ университетѣ съ 1853 по 1856 г.

**) *Ранда* (Randa) родился въ 1834 г. Два основныхъ труда его, создавшихъ ему извѣстность: „Der Besitz nach oesterr. Rechte“ (1865) и „Erwerb der Erbschaft“ (1867). Вліяніе его распространялось на всѣ отрасли юридическихъ наукъ и вдохновляло собою всѣхъ профессоровъ Пражскаго университета.

ціональныхъ идеаловъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вопросъ о чешской національности была снятъ съ очереди, литературное направленіе, имѣвшее своей единственной цѣлью поддержаніе славянской идеи, теряло всякій смыслъ и становилось лишнимъ. Еще до 1848 года оно уже совершенно истощилось, и Гавличекъ, напримѣръ, не разъ замѣчалъ, что книги, преисполненныя самыхъ лучшихъ намѣреній, могутъ быть въ то же время съ литературной точки зрѣнія весьма посредственными.

„Мы съ грустью должны признаться въ томъ", пишетъ онъ, „что въ Чехіи, а также въ Моравіи и Словакіи всякій писатель есть въ то же время патріотъ. Эти два качества соединены въ немъ нераздѣльно. Они влекутъ къ важнымъ послѣдствіямъ. Писатель пишетъ книгу — критикъ констатируетъ, что она ничего не стоитъ. Если бы это касалось только автора, это могло бы быть не столь важно, никто не сталъ бы протестовать, а прекрасная собратія изъ профессіональнаго чувства и изъ христіанскаго милосердія пѣла бы въ униссонъ съ критикой. Но нельзя забывать, что писатель въ то же время и патріотъ, нападать на него нельзя, ибо вмѣстѣ съ нимъ оскорбляютъ и всю родину со всѣми ея сынами."

Конечно подобныхъ насмѣшекъ Гавличка было недостаточно, чтобы разсѣять дѣтски-наивныя пристрастія, и патріоты, завладѣвшіе литературой, по-

прежнему открывали въ нее широкій доступъ запоздалымъ послѣдователямъ Коллара. Источники ихъ вдохновенія давно изсякли, толпа, скучая, отворачивалась отъ ихъ произведеній, а они мстили ей, преслѣдуя обвиненіями смѣльчаковъ, отважно пускавшихся въ невѣдомый путь, не довольствовавшихся болѣе спряженіемъ: я — чехъ; ты славянинъ и т. п. Патріотизмъ до сихъ поръ является однимъ изъ условій индивидуальнаго развитія. Естественно и необходимо, чтобы народъ, существованію котораго угрожаетъ опасность, собиралъ бы всѣ свои силы, чтобы отражать нападеніе. Но сопротивленіе, имѣющее своей цѣлью оберегать жизнь, не должно заполнять собою все вниманіе даннаго народа. Патріотизмъ подобенъ здоровью—никто не сомнѣвается въ томъ, что оно драгоцѣннѣйшій даръ, но лишь въ томъ случаѣ, если оно не цѣликомъ плѣнило наше воображеніе.

*

Неоцѣнимая заслуга Іосифа Фрича и всѣхъ тѣхъ, кого довольно неточно опредѣляютъ именемъ необайронистовъ, была въ томъ, что это именно они порвали разъ и навсегда съ однообразнымъ, плаксивымъ сентиментализмомъ, повторявшимъ уже четверть вѣка все тѣ же, давнымъ давно устарѣвшіе мотивы. Еще въ періодъ абсолютизма романтиковъ, К. Я. Эрбенъ*) и Божена Нѣмцова начали

*) *Эрбенъ* (Erben K. J. 1811—1870), одна изъ наиболѣе яркихъ и интереснѣйщихъ личностей. См. о его „Вѣнкѣ“ вступленіе Врхлицкаго къ изданію 1891 года. Среди научныхъ

походъ противъ общепринятыхъ, ставшихъ шаблонными выраженій. Искренностью своихъ начинаній и стремленіемъ подойти вплотную къ народу, они отмѣтили зарю новой эпохи. „Вѣнецъ народныхъ сказаній“ (Kytice pověstí národních) Эрбена былъ изданъ въ 1853 г., а два года спустя была издана „Бабушка“ Нѣмцовой, самый распространенный изъ всѣхъ чешскихъ романовъ, одно изъ тѣхъ рѣдкихъ чешскихъ литературныхъ произведеній, которое было даже переведено на большинство европейскихъ языковъ. Но ни Эрбенъ, ни Нѣмцова не были писателями въ буквальномъ смыслѣ этого слова: Эрбенъ — архивистъ, необычайно трудолюбивый и знающій, Нѣмцова — просто славная, добрая женщина, обожающая своихъ дѣтей, воспитывать которыхъ ей удается съ такимъ трудомъ. Ея мужъ, чиновникъ министерства финансовъ, пошелъ на похороны Гавличка. Такъ какъ онъ былъ необычайно высокаго роста, полиція его замѣтила и обвинила въ участіи въ манифестаціи. Ему пришлось подать въ отставку. Выдумка остроумнаго полицейскаго, искавшаго виновныхъ, обрекла всю семью на горе и страданья. Отнынѣ они обречены были жить на подачки друзей и на то, что зарабатывала своимъ трудомъ Божена. — Если только вспомнить, что представляло собою въ то время чеш-

---

изданій Эрбена наиболѣе важными являются изданныя имъ сочиненія Штитнаго (Štítný), чешскихъ произведеній Гуса, первый томъ Regesta и т. д.

ское издательство, — вѣдь это были такіе гроши! Эрбенъ также подвергся преслѣдованіямъ со стороны реакціи и тоже принужденъ былъ выйти въ отставку. Общія несчастія ихъ сблизили и развили въ нихъ любовь къ униженнымъ. И въ „Вѣнкѣ“ и въ народныхъ романахъ Божены насъ плѣняетъ полное отсутствіе напыщенности, жеманства, изысканности слога. Строгая простота разсказа, проникнутая безропотной меланхоліей, импонируетъ и волнуетъ своимъ сдержаннымъ тономъ. Но хотя ихъ искусство и прекрасно, все-же оно еще оставалось заключеннымъ въ узкія рамки и было неспособно на обновленіе. Тончайшій ароматъ сказаній быстро улетучивается, и не означаетъ ли изумительная прозрачность описываемыхъ ими душъ того, что имъ просто не хватаетъ глубины?

„Лада Ніола“ *), храбро выпущенный въ 1855 г. сборникъ Фрича и альманахъ „Май“, изданный въ 1858 г. въ тотъ моментъ, когда нависали тучи итальянской войны — явились яркимъ манифестомъ новой школы. Сколько поднялось шуму! Люди безъ всякаго дарованія и отказывавшіе поэтому всѣмъ въ самомъ простомъ пониманіи вещей, старались по косточкамъ разобрать новый альманахъ и доходили до того, что даже поносили писателей, давно уже признанныхъ, и только за то, что тѣ подавали руку подобнымъ пролетаріямъ безъ роду и племени, не имѣвшимъ за

*) Имя славянской Прозерпины.

собою ни славнаго прошлаго, ни будущаго. Въ дѣйствительности же эти революціонеры не таили въ себѣ никакихъ черныхъ замысловъ. Какъ большинство начинающихъ писателей, они скорѣе признавали себя виновными, что можетъ доказывать только ихъ исключительную чистоту души. Порою имъ не хватало чувства мѣры, и ихъ произведенія изливались съ излишней напыщенностью. Но что можно требовать отъ молодежи, которая даже за кружкой пива увѣрена, что она спасаетъ человѣчество! Жизнь быстро подрѣзаетъ крылья и охлаждаетъ порывы. Они не отличались уваженіемъ къ старшимъ, но это должно было быть ихъ долгомъ, — ибо въ искусствѣ уваженіе является формой отжившей, никчемной. Недавнія испытанія показали имъ, сколько было ребяческаго и ложнаго въ счастливомъ оптимизмѣ ихъ предшественниковъ. Они познали, что пѣніемъ гимновъ вѣчной правдѣ не обратить въ бѣгство тиранновъ, и головы ихъ, покрытыя непокорной гривой волосъ, близко столкнулися съ бурями. Имъ пришлось пройти сквозь доносы, суровую подозрительность, подлость толпы, измѣну, эгоизмъ и трусость. Когда имъ хотѣлось кричать о своихъ страданіяхъ и своей ненависти, они искали вдохновенія у Берліоза, Гюго и особенно у Байрона. Но они не всегда понимали этого послѣдняго и зачастую ограничивались простымъ переложеніемъ его пріемовъ и формулъ. Но хорошо уже было и то, что у Байрона они научились отражать общечеловѣ-

ческія чувства и вышли изъ того узкаго, самодовлѣющаго круга, куда ихъ хотѣли заключить.

Ихъ обвиняли, въ измѣнѣ родному народу. Этимъ обвиненіемъ. какъ анафемой, пользовались уже цѣлое столѣтіе. Ей предавали всѣхъ тѣхъ, кто отказывался идти по проторенным дорогамъ. Нео-байронисты открыто признавали за излишнюю трусость прятаться за китайской стѣной традицій. Общеніе съ другими народами необходимо, надо разрѣшать совмѣстно съ ними великіе вопросы, поставленные жизнью и обществомъ. Люди слишкомъ привыкли жить миражами, они увѣрены, будто можно избѣжать затрудненій, просто не вспоминая о нихъ. Къ чему подобное малодушіе! Насталъ моментъ смѣло заглянуть въ самое лицо вселенной. Литература слишкомъ долго уподоблялась колыбельной пѣсни. Ею убаюкивали дитя, но дитя выросло и жаждало, требовало правды.

*

Школа 1858 года оказала чешской литературѣ двойную услугу. Она возобновила общеніе съ Европой. Когда интересы націй такъ близко соприкасаются ,когда самое существованіе ихъ, моральное и экономическое, основывается на постоянномъ обмѣнѣ взаимными услугами, опасно группѣ народовъ стоять въ сторонѣ отъ общей цивилизаціи только потому, что у нихъ разные языки. Опасность увеличивается, если непредусмотрительные критики проповѣдуютъ народу

систематическое его удаленіе отъ общей жизни. Выйдя изъ замкнутаго круга, чехи тѣмъ самымъ отошли и отъ безраздѣльно владѣвшаго ими мистическаго идеализма, въ нихъ пробудился живой интересъ къ реальной дѣйствительности; они откинули шаблонныя формулы и поняли впервые, что народъ ихъ славенъ и достоинъ уваженія не только за свой героизмъ въ прошломъ, но также и за то, что сейчасъ онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, которые борются, работаютъ и страдаютъ. Переставъ оцѣнивать свой народъ исключительно сквозь призму легендъ, они приняли его во всемъ многообразіи жизни. Литература потеряла свой проповѣднический тонъ, стала менѣе назидательной, подошла ближе къ жизни и, потерявъ узко-специфическій характеръ, стала разностороннѣй и интереснѣй. Молодые писатели, обвиненные въ измѣнѣ, на самомъ дѣлѣ возвращали читателей къ истиннымъ традиціямъ народа, всегда утилитарнымъ и нравственнымъ. Имъ были чужды мистическія построенія романтиковъ. Дѣятельные, упорные, разсудительные, немного насмѣшливые, они были способны на увлеченіе лишь въ томъ случаѣ, когда цѣль бывала близка и успѣхъ возможенъ.

Читатели давно уже утомились приторными, скучными изліяніями прежнихъ поэтовъ. Новый альманахъ 1858 г. былъ встрѣченъ ими, „какъ настоящій май, молодые побѣги котораго обѣщаютъ новую жизнь, богатую и полную“. При-

знательность общества даже превышала заслуги новыхъ фаворитовъ. Имъ довѣряли за ихъ добрыя намѣренія. Но, конечно, выставлять на показъ свою неприступность и независимость и принимать при этомъ воинственный видъ было достаточно легко. На самомъ же дѣлѣ большинство изъ нео-байронистовъ оказались просто хвастунами, не способными идти дальше примѣрныхъ, исполнительныхъ учениковъ. Ихъ бунтъ не исключалъ быстраго раскаянія, а смѣлая вывѣска скрывала порою товаръ далеко не перваго качества.

Галекъ*), лѣтъ двадцать бывшій любимцемъ публики, предъявлялъ огромныя претензіи: — старая литература слишкомъ суха и неудовлетворительна, онъ же хочетъ изобразить человѣка, его запросы, великія и слабыя стороны его характера. Онъ исправитъ его и укажетъ ему вѣрный путь, ибо „Господь Богъ открылъ ему тайны, невѣдомыя другимъ людямъ, Онъ указалъ ему на престолы безконечныхъ міровъ, дабы во имя и ради вселенскаго счастья онъ могъ въ нихъ черпать свое вдохновеніе и прославлять своимъ пѣніемъ

*) *Галекъ* (Hálek 1835 - 1874). Извѣстность его началась изданіемъ фантастической лирической эпопеи „Альфредъ“ (1858) За всю свою жизнь онъ издалъ немало произведеній самаго различнаго рода: эпопей, описаній, путешествій. Его лирическія стихотворенія „Вечернія пѣсни“ (1858) и „Въ природѣ“ (1872-1874) заслужили ему истинную славу. См. о немъ проникновенное изслѣдованіе, быть можетъ нѣсколько слишкомъ суровое, Махара, въ журналѣ „Наше Время“ (Naše doba, 1895).

любовь и міръ".*) „Не ограничивайте вдохновенія поэта, не ставьте предѣловъ его вліянію. Ему не чуждо ничто человѣческое, его голосъ подобно звону колоколовъ не знаетъ границъ". Сторонники старой школы немедленно же придрались къ послѣднимъ словамъ и обвинили Галька въ космополитизмѣ. Въ его произведеніяхъ можно найти безчисленныя подражанія, на каждой страницѣ встрѣчаешь заимствованія или даже просто точныя повторенія мыслей Гейне, Байрона, Пушкина и Мицкевича, но всегда страшно поверхностныя. И если Галька можно упрекнуть, то не за то, что онъ искалъ образцовъ своихъ заграницей, а за то, что онъ не достаточно глубоко проникалъ въ мысль писателей, которымъ подражалъ. Онъ повторялъ жесты Байрона, и нѣтъ, напримѣръ, ничего менѣе байроническаго, чѣмъ произведенія Галька.

И хотя онъ былъ ложнымъ пророкомъ, онъ обладалъ все же достаточно воспріимчивой душой, и могъ переваривать все, что ни попало — и успѣхъ ему улыбался. Возмущенные его наивнымъ оптимизмомъ и ребяческимъ самодовольствомъ, критики ставятъ ему на видъ пустую, поверхностную психологію, его банальныя восклицанія, и видятъ въ этомъ смирномъ бунтарѣ только застрѣльщика. Они вычеркиваютъ его даже изъ общаго списка литературы, предоставляя ему мѣсто исключительно въ исторіи ея развитія. По-

*) Здзѣховскій, стр. 64.

слѣдующія поколѣнія неизбѣжно смягчатъ ихъ чрезмѣрную строгость. Конечно, есть доля правды въ томъ, что успѣхъ Галька не былъ бы такъ великъ, порви онъ дѣйствительно съ вкоренившимися привычками читателей. Онъ умѣлъ, не отрывая ихъ отъ родной почвы, предоставить имъ какъ разъ столько новыхъ, невѣдомыхъ имъ настроеній, чтобы пробудить въ нихъ любопытство. И читатели, цѣня въ немъ послѣдователя Челаковскаго, признавали въ немъ и великую способность передавать съ неподражаемымъ искусствомъ очарованіе, свойственное исключительно Чехіи. Его пѣснь, порою слишкомъ короткая, несла съ собою прелесть улыбки. Было что то въ поэзіи его, отмѣчавшее зарю новой эпохи, было чувство — болѣе точное, локализованное, воспоминанія — опредѣленнѣе. Влчекъ немного преувеличиваетъ, видя въ немъ соціальнаго реформатора; правда, онъ умѣлъ близко подходить къ униженнымъ и любилъ ихъ. По свойственной ему добротѣ, углубляя рисунокъ, онъ иногда смягчалъ его. Тургеневъ, котораго онъ любилъ и долго изучалъ, научилъ его тому, что чувство симпатіи является необходимымъ условіемъ при высшемъ реализмѣ.

Таланта Галька не хватило однако на его обширные замыслы. Онъ умеръ въ 1874 г. въ тотъ самый моментъ, когда выступало на сцену новое поколѣніе Врхлицкаго и Святополка Чеха.

„Судьба, всегда благопріятствовавшая ему, пи-

шетъ о немъ Махаръ, „не захотѣла, чтобы онъ позналъ горечь пережитой славы“.

*

Съ этого момента молодежь находитъ себѣ новаго вождя и поддержку въ лицѣ Неруды*), который проповѣдывалъ имъ въ сущности то же, что и Галекъ: широкій умъ, принимающій идеи,

*) *Неруда* (Neruda J. 1834—1891), будучи истиннымъ сыномъ Праги, безвыѣздно прожилъ въ ней всю свою молодость. Вся жизнь его безраздѣльно была отдана литературѣ. Онъ пережилъ сильное вліяніе молодой Германіи: Гейне, Гутцкова, а также Мейснера и Гартмана, а затѣмъ Байрона. Его „Цвѣты надгробные“ („Hřbitovní kvítí“, 1858) прошли почти что незамѣченными. Тогда онъ предпринялъ изданіе „Образовъ жизни“ („Obrazy života“, 1859), гдѣ отстаиваетъ новую школу противъ нападокъ сторонниковъ дѣвственной чистоты въ національной литературѣ. Сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ въ области театра, онъ быстро ихъ оставляетъ и становится редакторомъ „Голоса“ („Hlas“), а затѣмъ „Народныхъ Листовъ“ („Národní Listy“, 1865). Въ нихъ ведетъ онъ долгіе годы отдѣлъ фельетоновъ, оказывая тѣмъ самымъ огромное вліяніе на интеллектуальное развитіе страны. Его „Книга стиховъ“ („Knihy veršů“, 1867), „Космическія пѣсни“ („Kosmické písně“, 1878), „Баллады и романсы“ (1881) и „Простые мотивы“ („Prosté motivy“) относятся къ лучшимъ произведеніямъ чешской литературы. Но вдохновеніе поэта проявилось ярче всего въ „Пѣсняхъ пятницы“ („Zpěvy páteční“), изданныхъ только послѣ его смерти. Успѣхъ его стиховъ былъ подготовленъ заранѣе той популярностью, которой пользовались его юмористическія произведенія и картинки съ натуры: „Разсказы о путешествіяхъ“, „Малостранскія повѣсти“ („Malostranské povídky“ 1878), „Арабески“ и т. д. Для библіографіи о немъ см. статью въ энциклопедіи Отто.

безразлично откуда бы онѣ ни шли, искренность въ изображеніи живой дѣйствительности, смѣлость, при которой не страшны никакіе вопросы, волнующіе умъ человѣческій. Но его проповѣдь имѣла бо́льшій успѣхъ, такъ какъ его слова не расходились съ его дѣлами. Въ началѣ ему приходилось очень тяжело. Даже и тогда, когда пришла уже извѣстность, въ немъ цѣнили главнымъ образомъ только блестящаго новатора, фельетоны котораго проникнуты вѣчно юнымъ очарованіемъ и полны глубокаго юмора. Подобныя похвалы были имъ вполнѣ заслужены. Его проза, подобно прозѣ Гавличка, даже сильнѣе ея, передаетъ намъ ощущеніе живой рѣчи, тогда какъ при чтеніи большинства другихъ авторовъ того времени, трудно было отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что это не больше, чѣмъ сочиненія школьниковъ, упражняющихся на чуждомъ для нихъ языкѣ. Но Неруда страдалъ отъ мысли, что въ немъ видятъ не больше, какъ хорошаго фельетониста. Его критическое чувство не измѣняло ему, когда онъ разбиралъ свои собственныя произведенія. Онъ оставался къ себѣ совершенно безпристрастнымъ. — Но его жизнь была безпрерывнымъ самоусовершенствованіемъ, и произведенія его доказываютъ постоянный и неизмѣнный прогрессъ. Сурово относясь и къ своимъ недостаткамъ, Неруда тѣмъ не менѣе ясно сознавалъ, что онъ заслуживаетъ большаго, чѣмъ простая популярность, — размѣнная монета, которой расплачивается слава. Публика, не любящая, чтобы

вмѣшивались въ ея понятія и путали начатую ею игру, долго раскачивалась, чтобы замѣтить среди остроумной его болтовни глубокаго артиста.

Молодымъ началъ онъ бой съ личиной патріотизма, требовавшей отъ писателей прежде всего „быть чехами“. — „Будемте учиться у другихъ народовъ, отвѣчалъ Неруда, совмѣстимте съ ихъ идеями тѣ, что мы впитали въ себя съ молокомъ нашей матери. Задача, выполненная нами, будетъ обязательно носить славянскій характеръ, такъ какъ мы сами славяне и не можемъ творить иначе, какъ по-славянски“. — Возможно, что въ минуты подобныхъ разсужденій, онъ не вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ о тѣхъ тяжелыхъ временахъ, что приходилось переживать его народу. Позже онъ самъ признавался, что то, что онъ со своими друзьями старался развивать, было гораздо меньше чешской литературой въ узкомъ смыслѣ этого слова, чѣмъ литературой вообще. Ему понадобилось нѣкоторое время, чтобы прійти къ тому выводу, что „въ священные баталіоны поэтовъ принимаютъ исключительно бойцовъ, облаченныхъ въ непроницаемую броню личныхъ заслугъ“. Парадоксъ, сказанный имъ въ молодости, которому онъ самъ не придавалъ большого значенія.

Нѣкоторыя изъ самыхъ сильныхъ стихотвореній Неруды были посвящены имъ его родителямъ, особенно много среди нихъ посвящено его матери. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ любящихъ дѣтей, у которыхъ даже дальнія путешествія не

ослабляютъ культа семейнаго очага. Ему не знакомы рапсодіи или длинныя тирады на тему о чувствахъ, и однако сквозь каждую страницу, имъ написанную, просвѣчиваетъ та горячая любовь, что питалъ онъ къ священной землѣ своихъ предковъ. Она была для него необходимымъ условіемъ для нравственной жизни. И если онъ взываетъ къ „свѣтлому дню, когда все человѣчество будетъ праздновать праздникъ Святой Троицы“, то только потому, что этотъ день положитъ конецъ борьбѣ, на которую Чехія покамѣстъ обречена. Своимъ примѣромъ Чехія опровергла ученіе сторонниковъ грубой силы, а своимъ отказомъ быть уничтоженной она способствовала усиленію въ мірѣ гармоніи. За это она вдвойнѣ священна, такъ какъ, будучи въ мірѣ олицетвореніемъ гармоніи, она оставалась все время слабою. Чехія должна приложить всѣ усилія къ тому, чтобы заинтересовать въ своемъ существованіи человѣчество. Ради этой идеи нельзя угрюмо скрываться въ одиночествѣ, необходимо даже у враговъ своихъ вызывать уваженіе къ своей мысли и раздѣлить общечеловѣческія страданія и тяготы.

О Нерудѣ говорили, что „струны лиры его звучали съ такой силой, что ихъ слышали далеко за предѣлами родины“. И правда, онъ всей душой раздѣлялъ тревоги своихъ современниковъ, его волновали тѣ же міровые вопросы, что волнуютъ и насъ. Онъ не пытался усиливать производимое имъ впечатлѣніе, скорѣе его можно обвинить въ

излишней воздержанности и въ суровомъ благоразуміи. Онъ обращался къ уму, а не къ сердцу, но это не лишало его произведеній искренности. Его поэзія полна иллюзій, но возбуждаетъ въ то же время энергію. И она нравится намъ не тѣмъ, что убаюкиваетъ наши несбыточныя мечты, но тѣмъ, что пробуждаетъ въ насъ волю.

Нѣкоторыя изъ произведеній Неруды были переведены на иностранные языки. Но развѣ можно дѣйствительно хорошо перевести чужое литературное произведеніе?

Что въ нѣмецкомъ текстѣ, напримѣръ, осталось отъ Малостранскихъ повѣстей, въ оригиналѣ живыхъ, полныхъ движенія?

*

Только одна область искусства поистинѣ всеобъемлюща, — даже больше пластическихъ искусствъ, уже въ свою очередь болѣе доступныхъ, чѣмъ литература. — Это музыка. И благодаря музыкѣ и композиторамъ началось вступленіе чеховъ въ лоно культурныхъ народовъ.

Въ 1863 году Сметана представилъ дирекціи Временнаго театра свою новую оперу „Бранденбуржцы въ Чехіи“, первое представленіе которой въ 1866 году было встрѣчено съ шумнымъ восторгомъ. Въ области музыки основныя черты чешскаго характера, благодаря исключительно благопріятнымъ условіямъ, имѣли возможность проявиться въ полной мѣрѣ. Во всѣхъ же другихъ областяхъ чехи не шли дальше исканій. Они

всегда были исключительно музыкальнымъ народомъ. Прага XVIII вѣка была одно время виднѣйшимъ центромъ искусствъ: Глюкъ ставилъ въ ней свои первыя оперы, Моцартъ одерживалъ блестящія побѣды и утвердилъ свою славу постановкой Донъ Жуана (1787). Веберъ создалъ изъ своего театра (1813—1816) самую блестящую сцену изъ всѣхъ существовавшихъ въ то время во всей центральной Европѣ. Онъ старался привлечь вниманіе на народные мотивы, открыть всѣмъ таившуюся въ нихъ прелесть. И народные мотивы съ тѣхъ поръ вошли въ моду. Нашлось не мало композиторовъ, искавшихъ въ нихъ вдохновенія. Оставалось сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ: перестать удовлетворяться прямой передачей народныхъ мотивовъ или рабскимъ подражаніемъ имъ. Надо было найти первоначальные источники вдохновенія, преломить въ художественное творчество крикъ души безымянныхъ поэтовъ, уже не одно столѣтіе изливавшихъ въ пѣсняхъ свои случайныя горести и радости. Въ Сметанѣ часто ошибаются и уменьшаютъ его значеніе. Въ немъ хотятъ видѣть не больше, какъ народнаго баяна, собиравшаго едва намѣчавшіеся въ воздухѣ напѣвы. Даже его противники лучше его оцѣнивали, ибо они обвиняли его въ пренебреженіи народными традиціями и слѣпомъ подражаніи иностраннымъ образцамъ. Подобно Нерудѣ, онъ видѣлъ обязанности артиста въ усвоеніи достиженій, сдѣланныхъ другими на-

родами и въ продвиженіи прогресса къ высшему идеалу.*)

Ученикъ Листа и потому горячій поклонникъ Вагнера, Сметана всей душой своей цѣнилъ красоту во всѣхъ ея проявленіяхъ. Онъ зналъ, что чѣмъ скорѣе онъ освободится отъ предразсудковъ опредѣленной школы, тѣмъ больше творчество его будетъ носить народный характеръ. Сохранивъ непосредственную форму, то есть оставивъ ее истинно-чешской, новое произведеніе сможетъ отразить въ себѣ общечеловѣческія чувства. „Проданная невѣста“ (1866) — до сихъ поръ любимѣйшая опера Чехіи. Она утвердила славу Сметаны и заграницей, обезоруживъ тѣмъ самымъ критиковъ и подавивъ ихъ своимъ колоритомъ, богатствомъ мелодій, выдержаннымъ, вѣрнымъ основнымъ тономъ, а главное тѣмъ высокимъ обаяніемъ, которое невольно напоминаетъ о великомъ имени Моцарта. Послѣдующія произведенія Сметаны — „Далиборъ“, „Поцѣлуй“ (1876), болѣе сложныя и потому, конечно, болѣе оспоримыя, ознаменовали собою новыя усилія Сметаны и даже, въ извѣстномъ смыслѣ, его новый успѣхъ. Старый, глухой, освобожденный своими страданіями отъ излишней предосторожности и застѣнчивости, внушенными ему прежде требованіями зрителей, съ которыми

*) *Гостинскій* (Hostinský Ot.), „Сметана и его борьба за современную музыку,“ стр. 442. Эта книга представляетъ собою огромный интересъ для исторіи умственной жизни Праги около 1870 г.

онъ не могъ не считаться, Сметана проявилъ себя, наконецъ, въ полной мѣрѣ въ прекрасныхъ оркестровыхъ композиціяхъ — квартетѣ „Изъ моей жизни“ (Z mého života) и симфоническомъ циклѣ „Моя родина“ (Má vlast). Этихъ произведеній совершенно достаточно, чтобы имя его было помѣщено среди именъ лучшихъ современныхъ художниковъ.

II

Современные чешскіе писатели заняты главнымъ образомъ разрѣшеніемъ вопросовъ морали, что въ данный моментъ характерно для всей европейской литературы. Писатели подходятъ вплотную къ народнымъ массамъ, стремятся разъяснить ихъ нужду и смягчить ихъ тяжелое положеніе. Подобныя тенденціи чешскихъ писателей нашли себѣ авторитетнаго защитника въ лицѣ молодого профессора пражскаго университета Т. Г. Масарика, пріявшаго полностью идеи запада и имѣвшаго огромное вліяніе на молодежь.*) Его

*) *Масарикъ* (Masaryk Tomáš G.) родился въ 1850 г., профессоръ философіи въ университетѣ города Праги. Въ 1882 г. основываетъ критическій журналъ Атенеумъ, гдѣ ведетъ съ такимъ жаромъ атаку противъ признанія Рукописей, что заслуживаетъ по отношенію къ себѣ ярую ненависть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и горячую признательность чеховъ. Основываетъ партію реалистовъ. Будучи избранъ депутатомъ въ рейхстагъ, онъ быстро устаетъ отъ непосредственной политической дѣятельности (1891). Его журналъ „Наше Время“ (Naše Doba, 1893) былъ безусловно са-

дѣятельность, конечно, не была бы такъ ярка, если бы она не отвѣчала общему направленію умовъ и не имѣла бы за собою готоваго пролога, въ видѣ программы, завѣщанной Галькомъ и особенно Нерудой.

Молодежь, пробовавшая свои силы (около 1868 года) въ журналѣ „Движеніе“ (Ruch) и въ „Студенческомъ Альманахѣ“ (Almanach českého studentstva), не могла не продолжать задачу тѣхъ, непосредственными преемниками которыхъ она являлась. Ихъ встрѣчало уже подготовленное мнѣніе читателей.

Святополкъ Чехъ быстрѣе остальныхъ достигъ извѣстности и сумѣлъ дольше всего удержать ее за собою.*) Его путь осыпали цвѣтами, самое

мымъ блестящимъ журналомъ въ Чехіи. Наиболѣе извѣстное его произведеніе „Соціальный вопросъ“ (Otázka sociální), изданный по нѣмецки (1899), въ немъ онъ глубоко и подробно разбираетъ марксизмъ. Масарикъ — пророкъ. Тѣхъ, кто не является его послѣдователемъ, нерѣдко раздражаетъ его поведеніе жреца, рѣзкіе афоризмы и туманныя предсказанія. Лично я долженъ признаться за себя, что для меня мистицизмъ его непріемлемъ, это, однако, не мѣшаетъ мнѣ нисколько признавать его высокій умъ и видѣть въ немъ исключительно одареннаго писателя и величайшаго борца за правду. Онъ обладаетъ достоинствами и недостатками, необходимы и нужными именно въ данную минуту переживаемой народомъ эпохи.

*) *Святополкъ Чехъ* (Svatopluk Čech) родился въ 1846 г. Жизнь его всецѣло была отдана поэзіи и литературѣ. Его „Адамиты“ (эпопея въ семи пѣсняхъ, 1873) создала ему имя. Слава его возросла еще больше съ изданіемъ „Вацлава

имя его приводило самыхъ трезвыхъ критиковъ къ недопустимымъ гиперболамъ. „Природа отмѣтила его“, пишетъ одинъ изъ нихъ, обыкновенно въ высшей степени сдержанный, „это былъ чехъ — представитель націи. „Подобныя преувеличенія сильно не нравились писателю, скромнѣйшему изъ людей, богобоязненному, жизнь котораго была безпрерывнымъ стремленіемъ къ прогрессу. Но въ похвалахъ этихъ было правдой то, что душа поэта отражала съ изумительнымъ искусствомъ переживанія толпы, а въ произведеніяхъ его можно прослѣдить эволюцію, пережитую народомъ послѣ 1870 г. Выяснивъ отвращеніе, которое питала молодежь, воспитанная на идеалахъ, къ политикѣ компромиссовъ, онъ первый привѣтствовалъ партію, основывавшуюся на тѣсномъ союзѣ съ демократіей. Его „Пѣсни раба“

изъ Михаловицъ“ (1886). Чехъ прежде всего эпическій поэтъ, его сонеты и юмористическія произведенія, между прочимъ „Путешествія господина Броучка (1888)“, подражаніе Свифту и Жюль Верну, имѣли колоссальный, отчасти заслуженный ими успѣхъ. „Пѣсни раба“ (Písně otroka) (1895) были приняты съ еще большимъ восторгомъ и составили крупную цѣнность въ чешской литературѣ. Изслѣдованіе о творчествѣ Чеха можно найти у Сутнара, изданное по-нѣмецки, Вѣна 1897 г., это въ высшей степени добросовѣстный, но мало интеллигентный трудъ. Я могу направить всѣхъ, желающихъ ближе познакомиться съ современной чешской поэзіей, къ сб. Albert'a: „Neueste Poesie aus Böhmen“ и „Lyrisches und Verwandtes“ (Вѣна 1900), переводный сборникъ, удовлетворительный постольку, поскольку вообще переводы могутъ быть хороши.

отразили разомъ и гнѣвъ народа, погибающаго подъ игомъ иностранцевъ, и переживанія пролетаріата, задавленнаго всемогущимъ капиталомъ.

Что интересно въ немъ, это то, что, наряду съ доблестнымъ патріотомъ, въ немъ затаился привкусъ разочарованія, которое оставило въ немъ ожиданіе будущей побѣды. Въ его позднѣйшихъ стихотвореніяхъ, преисполненныхъ грустной меланхоліи сказалась и тоска человѣка, наблюдавшаго, какъ постепенно сходятъ на нѣтъ идеи, лелѣянныя имъ въ продолженіе долгихъ годовъ, и сомнѣнія солдата, спрашивающаго себя по окончаніи боя, стоитъли награда понесенныхъ жертвъ? Сколько труда и тяжелыхъ усилій было затрачено на то, чтобы сбросить ярмо германскаго ига! И когда опасность была устранена, когда, каковы бы ни были неожиданности со стороны высшей власти, ничто не могло уже прекратить существованіе Чехіи, — мы узнаемъ, что въ сущности вся борьба была лишь дѣтской забавой, и мы снова стоимъ передъ самыми грозными вопросами! Еще рѣзче усталость и нерѣшительность отразились въ произведеніяхъ его послѣдователей. Это вызвало, конечно, самыя обычныя обвиненія въ измѣнѣ и космополитизмѣ. И тѣмъ не менѣе писатели эти ни для кого не потеряли прелести и обаянія искренности. Но подобныя сомнѣнія и колебанія проявлялись у Чеха лишь временами, особенно сильно лишь въ послѣдніе годы его жизни.

Во время путешествія его по Европѣ, предпринятаго имъ по примѣру Фрича, Галька и Неруды, вѣра его въ силу патріотизма не ослабѣла; наоборотъ, она углубилась и расширилась, и онъ увѣнчалъ невиданнымъ дотолѣ блескомъ школу, зародившуюся еще въ началѣ столѣтія. Въ немъ нѣтъ слѣдовъ той боязливой скромности, которой прикрывали недостатки своихъ соотечественниковъ его благочестивые предшественники. Онъ достаточно любилъ свою родину, чтобы не скрывать ея грѣховъ, и настолько былъ увѣренъ въ хорошихъ сторонахъ характера своего народа, что въ глазахъ его даже отрицательныя черты его получали особую прелесть. Съ нимъ, наконецъ, вышли мы окончательно изъ узкой сферы шаблона и условностей. Его „Разнообразныя путешествія“ (Pestré cesty po Čechách) въ высшей степени забавное произведеніе, быть можетъ самое интересное въ своемъ родѣ во всей чешской литературѣ, точно и вѣрно отразило намъ настроенія новой Чехіи.

*

Передъ нами встаетъ задача сравнить Чеха съ Врхлицкимъ. Послѣдній былъ безусловно болѣе популяренъ, что вредило ему во мнѣніи снобовъ. Патріоты и радикалы поддерживали его, обвиняя его въ то же время по старой привычкѣ, какъ своего противника, въ равнодушіи и подозрѣвая въ немъ реакціонныя симпатіи. Подобныя обвиненія были, конечно, просто нелѣпы и безосновательны

— они доказывали только то, что для Врхлицкаго вопросы политики сегодняшняго дня не имѣли большого значенія. Подобно старо-чехамъ, въ немъ было сильно развито сознаніе значительности прошлаго и безпрерывности въ эволюціи жизни народовъ.*) Ему нравилось слѣдить за теченіемъ, издавна несущимъ человѣчество къ неизвѣстности. Душа его, пріемлющая всѣ вѣка, близкая имъ, понятная одинаково всѣмъ народамъ, была подобна ясному зеркалу, отражающему жизнь міровъ. Своими учителями онъ признавалъ Виктора Гюго и Кардуччи, но Виктора Гюго, конечно, временъ написанія Легенды Вѣковъ. Кардуччи же, по моему мнѣнію, меньше повліялъ на него, какъ создатель новаго, чѣмъ какъ критикъ. Романскіе писатели, несмотря на всѣ старанія свои стать близкими толпѣ, съ трудомъ отрѣшаются отъ своей собственной личности. Врхлицкій умѣлъ сливаться совершенно съ той темой, которую онъ

---

*) *Врхлицкій* (Vrchlický J.) родился въ 1853 г. Плодовитость Чеха, которая велика, не можетъ быть даже сравнена съ таковой Врхлицкаго. Она изумительна. Онъ причастенъ ко всѣмъ родамъ литературнаго творчества: эпопеи, лирики, драмы, новеллы, критики. Списокъ его произведеній, до 1892 г. можно найти у Albert-а. Врхлицкій, столь же преслѣдуемый, сколь и увѣнчанный славой, въ настоящее время (это относится къ концу XIX вѣка. Прим. ред.) является оффиціальнымъ представителемъ чешской поэзіи, и былобы трудно назвать другого человѣка, лучше его отвѣчающаго почету — широтой своего ума, величиной своей эрудиціи и прямолинейностью своей души.

разбираетъ. О немъ вполнѣ искренно можно сказать, что ничто человѣческое ему не чуждо. Онъ отражалъ съ тѣми же очарованіемъ и глубиной, съ тѣмъ же богатствомъ рѣчи и совершенной гармоніей грандіозные сны Индіи и тончайшіе, хрупкіе мифы древней Греціи, религіозные порывы Данте и звуки мѣдныхъ фанфаръ Гюго. Его творчество несетъ съ собой гибкость и податливость Славянъ, переживающихъ молодость. Они заставляютъ ихъ, подобно нѣжному тростнику, отвѣчать на каждое, самое легкое дуновеніе вѣтерка.

Очень трудно, почти невозможно передать вѣрно свое впечатлѣніе о поэтическомъ дарованіи. Быть можетъ, я вызову болѣе точные образы, сказавъ, что Врхлицкій напоминаетъ мнѣ Леконтъ-де-Лиля, будь тотъ болѣе искрененъ, то-есть, иначе говоря, если бы онъ дѣйствительно умѣлъ переносить насъ въ тѣ міры, кои онъ описываетъ. Или еще, если я скажу, что онъ напоминаетъ мнѣ Ренана, если бы только вообще послѣдній обладалъ поэтическимъ дарованіемъ.

Въ произведеніяхъ Врхлицкаго чехи съ трудомъ узнаютъ себя. Жизнь выработала въ нихъ точность и пунктуальность и необычайную силу воли. Ихъ идеалъ принялъ законченную, ясную форму, они полюбили битвы и повѣрили въ свои побѣды, — во время перемирія они искали отдыха въ наслажденіи жизнью. По духу своему они стали напоминать французскую буржуазію. Чехъ

былъ имъ вполнѣ пріемлемъ, въ немъ находили они въ мѣру воинственности и веселья, его герои преисполнены жизни, судьба заставила его увѣровать въ вѣчную справедливость, его мысли ясны и образы, созданные имъ, вполнѣ натуральны. Врхлицкій же, слишкомъ мятежный и разнообразный, слишкомъ богатый своимъ внутреннимъ содержаніемъ и личными настроеніями, не могъ быть близкимъ толпѣ. Она отдавала ему должное, но никогда не приняла его до конца.

Альбертъ, будучи извѣстнѣйшимъ врачомъ и въ то же время весьма глубокимъ критикомъ, отмѣчаетъ, что Врхлицкій началъ писать въ то время, когда на сцену выходило молодое поколѣніе, воспитанное уже исключительно въ чешскихъ гимназіяхъ профессорами, которые говорили имъ исключительно о Челаковскомъ и Колларѣ. Конечно, это было слишкомъ узкое воспитаніе, оно даже возбуждало опасенія, что народъ, лишенный непосредственнаго общенія съ культурой запада, обнищаетъ и зачахнетъ. Своими переводами и подражаніями Врхлицкій старался широко распространять потустороннія для Чехіи идеи. Онъ снова открылъ народу Европу, указалъ ему за Германіей на Францію, Италію и Испанію. Онъ вывелъ чеховъ изъ того замкнутаго круга, гдѣ были они заключены. Онъ хотѣлъ поставить своихъ соотечественниковъ выше предвзятыхъ мнѣній и мелкихъ партійныхъ дрязгъ. Иначе, чѣмъ Чехъ, съ большей послѣдовательностью и систематично-

стью напоминалъ онъ имъ, что человѣкъ созданъ не только для политики — вѣдь пока на палубѣ корабля разыгрывается битва, потокъ, несущій его, не останавливаетъ своего теченія!

Врхлицкій основалъ свою школу, и большинство молодыхъ поэтовъ ведутъ свое начало отъ него, даже тѣ изъ нихъ, что самымъ безжалостнымъ образомъ осуждаютъ его. Этотъ писатель, интересующійся и реагирующій рѣшительно на все, умѣлъ цѣнить тончайшіе образы. Подобно первымъ нѣмецкимъ романтикамъ, съ которыми у него немало общаго, онъ охотно заимствовалъ и подражалъ иностраннымъ ритмамъ. Онъ училъ молодежь прелести исканій и неизъяснимому очарованію непринужденности. Порой его обвиняли за то, что онъ совращалъ молодежь съ пути истиннаго, отдалялъ ихъ отъ источниковъ національнаго вдохновенія: но развѣ это такъ необходимо, чтобы каждое послѣдующее поколѣніе ограничивало свое творчество передѣлкой все того же національнаго гимна? Не будемъ обращать вниманія на шумъ, поднятый нѣкоторыми краснобаями, ихъ преувеличенія могутъ печалить лишь жрецовъ и оскорблять священныхъ идоловъ. Съ годами ихъ невоздержанность пройдетъ, а души, познавшія тяжесть земныхъ невзгодъ, возвратятся очищенными къ служенію родинѣ.

*

Юлій Зейеръ*), одинъ изъ тѣхъ, чья душа, неясная и зыбкая, подобная ласточкѣ, уставшей въ безплодныхъ скитаніяхъ, стремится обратно къ себѣ, подъ крышу стараго дома, пережить вновь отлетѣвшія мечты. Напрасная забота! Его сердце не способно удовлетвориться простымъ обманомъ и тоска по страданьямъ не позволитъ ему долго оставаться на томъ счастливомъ островѣ, гдѣ не знаютъ ни скорби ни смерти. Зейеръ, подобно Байрону и польскимъ романтикамъ, услышалъ однажды пѣніе надгробныхъ Норнъ, и смѣхъ навсегда оставилъ его. Въ немъ былъ заложенъ протестъ противъ трусливой покорности. Онъ не принималъ утѣшеній. Въ смутныхъ, едва уловимыхъ очертаніяхъ исторіи ему хотѣлось уловить мысль, одухотворяющую міръ. Временами ему чудился среди яростныхъ криковъ злобы и отчаянныхъ рыданій слабый голосъ надежды, державшейся на самоотреченіи и любви.

Критики обыкновенно одержимы маніей жаловаться на упадокъ современной литературы и стремленіемъ принизить молодежь славой прошедшихъ поколѣній. Конечно, и въ Чехіи, какъ и повсюду, есть не особенно умные люди, просто переписывающіе готовыя формулы, не проникая въ ихъ значеніе, любящіе поиграть въ декаденство и символизмъ. Но развѣ можно предавать общей ана-

*) *Зейеръ*, 1841—1901, поэтъ эпоса и драматургъ. Лучшее произведеніе его — „Каролинская эпопея“ (Karolinská epopeje).

фемѣ всѣхъ, кого томитъ жажда новаго, стремленіе усложнить искусство, углубить его и утончить? Безусловно поэтамъ, издавшимъ въ 1895 г. въ „Современной Чехіи“ свой манифестъ,*) не хватало скромности; неумолимая жестокость ихъ нападокъ на Врхлицкаго, ихъ истиннаго учителя, свидѣтельствуетъ о томъ, что имъ не хватало чувства критики и справедливости. Но развѣ это столь важно, развѣ эти черты являются основными качествами поэта? Они сдѣлали языкъ болѣе гибкимъ, слагали гармоничные, проникновенные стихи, а образы, взятые ими изъ самой глубины жизни, замѣнили собою истрепанныя внѣшнія сравненія. У лучшихъ изъ нихъ, эта искусственность письма вызываетъ отвращеніе къ условнымъ истинамъ и общимъ положеніямъ. Чувство ихъ, не заключенное больше въ рамки готовыхъ метафоръ, проявлялось непосредственнѣй, а жажда новаго уносила ихъ далеко отъ монотоннаго повторенія все тѣхъ же жалобъ и учила ихъ широко взирать на жизнь.

О начинающихъ писателяхъ, еще не показавшихъ своего полнаго расцвѣта, судить въ высшей степени трудно. Можно предполагать, что Сова и Бржезина не пройдутъ въ чешской литературѣ незамѣченными, а Махаръ, какъ ни вызывающе

*) Манифестъ, напечатанный въ 1895 г. въ ж. „Česká Moderna“, былъ подписанъ извѣстными современными чешскими писателями, какъ то: Březina, Machar, Sova, Krejčí, Soukup. Šalda и др.

держится онъ по отношенію къ самымъ прочно установленнымъ идеямъ, уже сейчасъ, какъ творецъ Confiteor и Tristium Vindobona, признается даже своими врагами виднѣйшимъ представителемъ современной литературы. Судя по эпиграфу, взятому имъ у Лермонтова, онъ слѣдуетъ за гробницей погибшаго вѣка, подобно опечаленному, разочарованному сыну, которому расточительный отецъ не оставилъ ничего, кромѣ долговъ. Это обычная исторія, но она тѣмъ не менѣе волнуетъ насъ полнымъ отсутствіемъ рисовки, простотой передачи и тѣмъ, что поэтъ не прикрывается своимъ непоколебимымъ направленіемъ. Онъ не дѣйствуетъ по примѣру своихъ предшественниковъ и подходитъ къ жизни безъ особой радости. Ему больше нравится томящее очарованіе осени; а въ любви, познавъ горечь рано ушедшаго чувства, его грусть сохраняетъ въ себѣ настроеніе когда-то плѣнявшей его прелестной улыбки.

*

Въ Чехіи, какъ и повсюду, сейчасъ разрушаются прежнія школы, скрещиваются сферы вліянія, переплетаются направленія. Становится все труднѣе и труднѣе улавливать основное направленіе потока, — тысячи мелкихъ теченій бороздятъ его поверхность! Можно отмѣтить однако двѣ основныя черты, присущія всему молодому поколѣнію: широкій, болѣе общій интересъ къ жизни и искренность въ передачѣ ея. Ихъ больше не удо-

влетворяютъ ходячія фразы, и, переставъ прятаться за неприступной стѣной, они интересуются жизнью и хотятъ вліять на нее.*)

Странно то, что въ романѣ подобнымъ тенденціямъ труднѣе всего проявить себя. Даже тѣ, кто, подобно Арбесу**), замѣтно подпали подъ вліяніе французскихъ или англійскихъ реалистовъ, остались весьма зависящими отъ своихъ образцовъ. Портреты, которые они даютъ намъ, слишкомъ часто кажутся сдѣланными съ гравюры, а не непосредственно съ оригинала. Быть можетъ, въ нихъ черезчуръ слабо была развита усидчивость. Они быстро творили, быстро писали, оказывали быстрое вліяніе на читателей. Ирасекъ, напримѣръ, пользующійся въ Чехіи широкой извѣстностью, любитъ уходить въ неточную и скучную область историческаго романа. Онъ снабжаетъ ее мельчайшими подробностями, но кто же не предпочтетъ ему непосредственно Томка? И развѣ не труднѣе всего освободиться отъ романтическаго идиллизма на почвѣ, проникнутой больше всего воспоминаніями о прошломъ. Какіе доводы можетъ выдвинуть писатель противъ ле-

*) Я долженъ повторить, что въ сущности я не пишу исторіи чешской литературы. Мнѣ случается пропускать имена лицъ, пользующихся въ Прагѣ вполнѣ заслуженной репутаціей, какъ напримѣръ поэта Борецкаго или Богдана Каминскаго. Но они показались мнѣ недостаточно типичными, и въ этомъ очеркѣ исторіи эволюціи народа я разрѣшилъ себѣ позабыть о нихъ.

**) Арбесъ (Arbes Jakub) родился въ 1840. Чешскій романистъ, лучшая его вещь: „Romaneta“. (Прим. ред.)

гендъ, защищенныхъ отъ критики давнимъ уваженіемъ толпы?

Когда въ 1886 г. нѣсколько борцовъ за правду предприняли по всѣмъ правиламъ бой противъ признанія подлинности старинныхъ чешскихъ стихотвореній, извѣстныхъ подъ названіемъ рукописей Краледворской и Зеленогорской, произошелъ крупный скандалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ эти рукописи были найдены Ганкой, и публика окружила ихъ уваженіемъ, на нихъ стали смотрѣть, какъ на величайшую драгоцѣнность. Неоднократно, со времени Добровскаго и Копитара поднимались противъ нихъ возраженія. Но въ виду того, что они исходили большею частію отъ лицъ не безпристрастныхъ или сомнительныхъ знаній, съ ними не вступали въ споры, а просто ихъ отвергали. На сей разъ ударъ наносили проф. пражскаго университета, среди нихъ проф. Гебауеръ, авторитетъ котораго, какъ чешскаго филолога, не подлежалъ никакому сомнѣнію, Масарикъ, талантовъ котораго не могли отрицать даже его противники, и Голль, вождь новаго историческаго направленія, первый, утвердившій въ Прагѣ прочную научную организацію германскихъ университетовъ. Рукописи казались чехамъ утвержденіемъ ихъ славы, они гордились ими и выдвигали ихъ наперекоръ нѣмцамъ, третировавшимъ чеховъ, какъ дикарей и выскочекъ. Какъ вѣрующіе, заучивали они ихъ наизусть, подобно Евангелію. И когда захотѣли опровергнуть ихъ святыню, они встали на ея защиту, и загорѣлся споръ. Сплелись высокія

страсти и низкіе разсчеты и зажгли собою всю страну.

Съ 1886 года несмотря на поддержку, которую оказали нѣсколько видныхъ писателей политикамъ-журналистамъ, ясно почувствовавшимъ въ основателяхъ Атенеума вліятельныхъ соперниковъ, для внимательнаго наблюдателя не было больше сомнѣній относительно исхода кампаніи, и сейчасъ, если кому-нибудь изъ запоздалыхъ критиковъ приходитъ на умъ возобновить дебаты — его свѣдѣнія и слабые доводы выдаютъ шаткость убѣжденій. Вполнѣ возможно, что Масарикъ и его друзья не внесли въ полемику необходимаго чувства деликатности и были недостаточно сдержаны. Быть можетъ, въ нихъ хотѣлось бы видѣть больше чуткости и вниманія къ тому горю, которое они причинили. Вѣдь даже, когда свергаютъ боговъ, — пусть они только идолы, надо понять и раздѣлить ужасъ вѣрующихъ. Операція требовала бы болѣе нѣжной руки. Развѣ мы не предпочли бы видѣть побѣдителей не такъ шумно празднующихъ свою побѣду?*) Но въ общемъ, все это

*) Чтобы смягчить ихъ вину, необходимо добавить, что они сами подвергались рѣзкимъ и несправедливымъ нападкамъ. Я говорю сейчасъ не столько о дѣтской злобѣ Юлія Грегра или Народныхъ Листовъ, сколько о всѣхъ тѣхъ, кто подобно мнѣ, будучи горячими поклонниками Томка, съ великимъ сожалѣніемъ наблюдали, какъ его покидало его обычное хладнокровіе, и какъ въ своихъ спорахъ съ Голлемъ, забывая о возрастѣ, онъ не разъ злоупотреблялъ уваженіемъ, которымъ окружалъ его его противникъ.

не важно, — ампутація была необходима! Иго авторитета несовмѣстимо съ исторіей, задача ученаго — искать правду. Найдя ее, онъ долженъ о ней немедленно возвѣстить. Истинные наслѣдники Палацкаго не тѣ, что хотѣли сотворить изъ трудовъ его неприкосновенную святыню, а тѣ, кто къ его положеніямъ примѣняли принципы свободнаго изслѣдованія, прославляя ихъ тѣмъ самымъ. Противопоставляя въ Атенеумѣ науку традиціямъ и правду — узкому патріотизму, Масарикъ оставался вѣрнѣйшимъ сыномъ своей родины. Возставая противъ убѣжденій, застывшихъ на священныхъ догмахъ, Масарикъ направилъ по новому руслу общественную жизнь. Онъ возвратилъ Чехіи то, что составляло ея славу въ прошломъ, что являлось залогомъ ея будущаго: уваженіе къ совѣсти. Понятно, нельзя преувеличивать его вліяніе. Оно не было бы такъ значительно и глубоко, если бы для принятія Масарика не была бы уже подготовлена почва Нерудой и всѣмъ молодымъ поколѣніемъ литераторовъ. Ему только принадлежала честь водрузить знамя новой школы. Тѣ, кто клеймили его за измѣну, не замѣчали, какая бездна малодушія скрывалась за ихъ ужасомъ. Чешское возрожденіе XIX в. протекало бы гораздо медленнѣе, не будь у народа его историческихъ воспоминаній, обосновавшихъ и поставившихъ на вполнѣ реальную почву его стремленіе къ автономіи. Быть можетъ, даже можно предположить, что безъ нихъ чехамъ

трудно бы было противостоять натиску Германіи. Но вѣдь древняя исторія получила силу только потому, что она слилась съ инстинктомъ самосохраненія расы, не захотѣвшей растворяться въ чуждой ей національности. Съ того момента, какъ опасность ясно осозналась всѣмъ народомъ, самыя блестящія воспоминанія прошлаго получили не больше, чѣмъ второстепенное значеніе. Предположимъ, что славяне пришли въ Чехію въ 1789 году, развѣ мы стали бы меньше уважать ихъ права? Слабый аргументъ въ рукахъ угнетателей — давность ихъ тираніи. Что означаютъ собой по сравненію съ прогрессомъ, властно охватившимъ области науки и искусства, самыя древнія грамоты всего міра?

*

Открытіе Національнаго театра 18 ноября 1883 года преисполнило сердца самыхъ пессимистично настроенныхъ чеховъ опьяняющей радостью. Зитекъ (Zítek), руководившій постройкой воздвигавшагося усиліями народа зданія, величественный обликъ котораго завершилъ собою изумительную панораму города, мечталъ о томъ, чтобы театръ былъ апофеозомъ національнаго искусства. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія живопись и скульптура безропотно слѣдовали въ хвостѣ нѣмецкихъ школъ, и памятники Франца I и Радецкаго — печальное доказательство вкуса того времени! Послѣ 1848 г. молодежь ищетъ новыхъ руководителей и обращаетъ свои взоры къ Франціи.

Смѣна учителей есть уже попытка къ освобожденію. Подъ вліяніемъ литературныхъ теченій, господствовавшихъ въ Чехіи, а также и подъ вліяніемъ общеевропейскихъ тенденцій, художники отражали на своихъ полотнахъ великіе историческіе моменты и доказывали свое славянофильство изображеніемъ причудливыхъ сербскихъ и польскихъ костюмовъ. Чермакъ (Čermák) пользовался одно время большой извѣстностью. Огромныя полотна Брожика (Brožík) создавали увлекавшимся имъ иллюзію геніальности. Яркость колорита, сила и мощь письма, а также широта замысла его композицій, обезпечила его наиболѣе удачнымъ картинамъ общее признаніе. Но онѣ больше заинтересовываютъ насъ, чѣмъ производятъ на насъ впечатлѣніе. Въ нихъ слишкомъ много условности и напыщенности и за всѣми его Гуситами и имъ подобнымъ произведеніямъ улавливается безпокойная тѣнь Де-Лароша.

Брожикъ научилъ художниковъ систематическому труду, онъ отвлекъ ихъ отъ слѣпого подражанія иностраннымъ образцамъ и направилъ на путь самоусовершенствованія. Отъ Іосифа Манеса (Mánes, 1820 — 1871), истиннаго представителя современной чешской живописи, молодежь научилась тому, что природа есть единственная возлюбленная, которая никогда не обманетъ при томъ условіи, если артистъ не удовольствуется простымъ отраженіемъ ея внѣшняго вида, а проникнетъ при этомъ въ самую сущность заложеннаго въ нее

смысла. Современникъ Челаковскаго и Эрбена, онъ подобно имъ обладалъ глубокимъ пониманіемъ народной поэзіи, и муза его, то улыбающаяся, то меланхоличная, передавала съ неподражаемымъ очарованіемъ тончайшіе изгибы народной души. Его этюды и наброски позволяютъ прослѣдить намъ его постоянную работу надъ собой, его постепенное освобожденіе отъ вліянія Мюнхена и Корнеліуса въ частности. Они даютъ намъ возможность наблюдать, какъ все болѣе возвышается онъ до полнаго познанія окружающей его поэзіи. Временами онъ намъ напоминаетъ по манерѣ своего письма и по своимъ стремленіямъ великаго Коро.

Изъ его школы вышли и художники, декорировавшіе Національный театръ. Въ первую очередь среди послѣднихъ надо назвать Женишка (Ženišek) и Алеша (Aleš), оригинальное искусство которыхъ насъ плѣняетъ и очаровываетъ. Новѣйшее направленіе ищетъ въ Парижѣ, всегда сочувственно относившемуся къ самымъ смѣлымъ дерзаніямъ, способовъ отражать полностью богатство и сочность свѣта, разлитыхъ въ природѣ. Наиболѣе виднымъ представителемъ этого направленія является Альфонсъ Муха (A. Mucha). Своей школѣ онъ обязанъ независимостью своихъ сужденій и презрѣніемъ къ обыденщинѣ — необходимѣйшими условіями прогресса. Съ Манесомъ непосредственно связанъ и скульпторъ Мыслбекъ (Myslbek), получившій воспитаніе во Франціи, но сумѣвшій не позабыть

и своей родины. Въ смыслѣ новыхъ достиженій, архитектура сдѣлала въ Прагѣ не больше, чѣмъ по всей Европѣ. Культъ старины и въ этой области потребовалъ полнаго освобожденія отъ иностранныхъ вліяній. Стиль итальянскаго возрожденія смѣнялся мало по малу стилемъ чешскаго возрожденія. Барокко отпраздновалъ въ Прагѣ свое полное торжество и придалъ городу совершенно опредѣленную физіономію. Чешскіе архитекторы не могли пожаловаться, чтобы имъ не хватало случая проявить свою иниціативу. Какъ въ столицѣ, такъ и въ безчисленныхъ провинціальныхъ городкахъ воздвигались школы, церкви, городскія ратуши, зданія благотворительныхъ учрежденій; банки сооружали себѣ цѣлые дворцы. Наряду съ Зиткомъ, — Шульцъ, завершившій перестройку Національнаго театра, построилъ Чешскій Музей, вѣнчающій собою площадь святого Вацлава и знаменующій окончательное завоеваніе матери-Праги ея вѣрными сынами.

*

Открытіе Національнаго театра, какъ совершенно правильно отмѣтилъ Гостинскій, меньше даже повліяло на непосредственное развитіе драмы, чѣмъ на общій расцвѣтъ искусства вообще. Это объясняется отчасти и потому, что театръ, прекрасно отвѣчающій настроенію толпы, съ большимъ трудомъ поддается нововведеніямъ; также надо учесть и то, что пражская публика всегда предпочитала драмѣ

музыку. Сметана въ этой области имѣлъ не мало достойныхъ его продолжателей.

Изъ всѣхъ чешскихъ композиторовъ Дворжакъ былъ наиболѣе популяренъ у себя на родинѣ и пользовался широкой извѣстностью и въ заграничныхъ кругахъ. Его Stabat Mater сразу же привлекла къ нему вниманіе знатоковъ (1883). Его „Славянскіе Танцы“ и его „Легенды“ общепризнаны, какъ классическія произведенія. Своимъ успѣхомъ онъ былъ обязанъ главнымъ образомъ своимъ причудливымъ мелодіямъ, блестящему, полному вдохновенія ритму и уваженію къ народнымъ традиціямъ, которыми проникнуты его произведенія. За реформаторами онъ слѣдовалъ лишь издали, что особенно замѣтно по его операмъ, которыя, впрочемъ, нельзя считать лучшими достиженіями его генія. Музыкальный до глубины своей души, онъ умѣлъ увлекаться непосредственной поэзіей звуковъ и только, отдаваясь всецѣло на произволъ своего изумительно одареннаго вдохновенія и не считаясь съ требованіями разума и разъ установленными канонами, онъ полностью проявлялъ себя. Его квартеты и симфоніи, преисполненные высокаго вдохновенія, богатые блестящихъ достиженій, изрѣдка страдающіе длиннотами и неясностью въ аранжировкѣ, но всегда чарующіе и яркіе, проявляютъ собой страстный порывъ богато одаренной натуры.

Вѣнскій критикъ Ганзликъ, одинъ изъ первыхъ оцѣнившій Дворжака, описываетъ намъ его всегда

немного смущеннаго, нахмуреннаго, слегка рѣзкаго; черные взъерошенные волосы и выдающіяся скулы придавали ему видъ казака. Но будучи истиннымъ сыномъ полудикой Славіи, онъ несъ съ собой оригинальнѣйшую поэзію, богатство и чуткую воспріимчивость заложенныя въ самой глубинѣ души народа. Фибихъ значительно изящнѣе. Его больше интересовали вопросы эстетики, искусство его болѣе утонченно и мятежно. Подобно Вагнеру, котораго онъ прославлялъ съ перваго же его часа, его музыка околдовываетъ и чаруетъ. Онъ хотѣлъ покорить ею весь мыслящій міръ. Чтобы постичь его творчество, надо употребить гораздо больше труда и усидчивости, чѣмъ для музыки Дворжака. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ мы цѣнимъ все больше и больше по мѣрѣ узнаванія ихъ, и лишь вникая въ самую сущность его композицій, мы начинаемъ проникать и въ его мысль.

О его соотечественникахъ можно сказать, что они гораздо больше хвастаются имъ, чѣмъ дѣйствительно его понимаютъ. Журналы съ политическимъ направленіемъ ставятъ ему на видъ то, что онъ недостаточно ясно черпалъ свое вдохновеніе въ мѣстныхъ источникахъ. Только независимые и увѣренные въ себѣ критики, какъ напримѣръ Ганзликъ, видятъ въ немъ истиннаго послѣдователя Сметаны. Подобно Врхлицкому и Нерудѣ, онъ не считалъ возможнымъ дольше прятаться за китайской стѣной. Онъ ясно сознавалъ, что подобно тому, какъ поэтъ не смѣетъ ограничивать

своего вдохновенія непосредственной передачей народныхъ балладъ, но долженъ преломлять ихъ и вливать въ нихъ новую жизнь, точно такъ и музыкантъ несетъ съ собой высшую миссію, чѣмъ простое вкрапливаніе уличныхъ напѣвовъ въ свои оркестровки. Долгимъ и тщательнымъ изученіемъ подготовился онъ къ непосредственной близости и глубокому пониманію души своихъ предковъ. И никто, быть можетъ, лучше его — этого космополита, не сумѣлъ проникнуться поэзіей чешскихъ сказаній, никто лучше его не умѣлъ извлекать изъ нихъ изумительныхъ эффектовъ. Ни одинъ изъ вопросовъ эстетики не оставлялъ его равнодушнымъ. Свое лучшее произведеніе заимствовалъ онъ у Шиллера*). Благодаря Фибиху, Дворжаку и Сметанѣ основана вполнѣ опредѣленная чешская школа, а богатый расцвѣтъ музыки, въ лицѣ молодыхъ представителей ея, среди которыхъ не мало уже признанныхъ вождей, такъ напримѣръ, Коваржовичъ (Kovařovič) пользуется вполнѣ заслуженной славой, доказываетъ, что богатая жатва, собранная въ Чехіи, не истощила ея плодоносныхъ полей.

*) „Мессинская невѣста“ (Nevěsta Messinská) 1884. (Прим. ред.)

ДОПОЛНЕНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О ЧЕШСКОМЪ ЯЗЫКѢ *).

I. Происхожденіе.

Чешскій языкъ, употребляемый нынѣ въ Чехіи, Моравіи, Силезіи (Прусской и б. Австрійской), въ части южной Австріи и сѣверной Венгріи, составляетъ вмѣстѣ съ польскимъ и сербо-лужицкимъ западную группу славянскихъ языковъ**).

Съ самаго начала онъ раздѣлялся на нѣсколько діалектовъ, мало отличающихся другъ отъ друга, среди которыхъ діалектъ чеховъ, живущихъ въ

*) Переводъ статьи проф. H. Hantich'a, напечатанной, какъ вступленіе къ книгѣ La Renaissance Tchèque.

**) Различаютъ три большихъ группы славянскихъ языковъ:

1. Восточная группа — обнимаетъ русскій языкъ.

2. Южная группа — къ которой принадлежитъ болгарскій, сербо-хорватскій и словенскій.

3. Западная группа — составленная изъ чешскаго, польскаго, сербо-лужицкаго и полабскаго (нынѣ исчезнувшаго).

Чехіи, съ давнихъ поръ являлся промежуточной формой ко всѣмъ остальнымъ нарѣчіямъ.

Благодаря политическому вліянію чешскихъ князей, все усиливающемуся съ X в., этотъ діалектъ быстро завоевываетъ почву и становится литературнымъ языкомъ всей Чехо-Славянской націи. Первые признаки этого языка, отдѣльныя наименованія горъ, рѣкъ, народовъ, впервые появляются въ IX в. въ анналахъ и хроникахъ страны, написанныхъ по-латыни, и на монетахъ того времени. Что касается первыхъ чешскихъ текстовъ, то ихъ можно найти въ сохранившихся отрывкахъ гимновъ и пѣснопѣній, и въ нѣкоторыхъ латинскихъ словаряхъ, относящихся къ XII в.

Достовѣрность литературныхъ памятниковъ, предшествовавшихъ этой эпохѣ, спорна. Начиная съ XIII в, наблюдается изобиліе литературныхъ произведеній. Большею частью это поэтическіе разсказы, въ которыхъ преобладаетъ эпическій характеръ.

II. Развитіе чешскаго языка.

На долгомъ пути развитія литературнаго чешскаго языка, начавшаго свое существованіе съ появленія первыхъ чешскихъ письменъ и продолжающагося по наши дни, можно отмѣтить три главныхъ періода.

1. Періодъ исканій, идущій до окончательнаго созданія языка, закончившійся къ концу XIV в. Ли-

тературныя произведенія этого періода представляютъ огромный интересъ для лингвиста и даютъ возможность прослѣдить шагъ за шагомъ длительный и тяжкій процессъ незамѣтнаго, но постояннаго развитія языка, проявляющагося въ безчисленныхъ измѣненіяхъ, черезъ которыя послѣднему пришлось проходить.

Чтобы не выйти изъ рамокъ этой замѣтки, можно показать лишь самыя главныя: замѣна гласными *u* и *ia (ie)* носовыхъ гласныхъ, *ą* и *ę*, стараго славянскаго (rąka — ruka; język — jazyk). Согласной *h* стараго *g* (gora — hora; noga — noha); *r* берущее отнынѣ передъ *i*, *e*, *ě*, свистящій звукъ (pokora, pokořen, pokořiti, beru — beřiž) и т. д.

2. Періодъ зрѣлости языка, укрѣпленный въ произведеніяхъ высочайшей литературной цѣнности, начинается въ XV в. и кончается съ Тридцатилѣтней войной, послѣ которой замѣчается вообще упадокъ чешской литературы и языка. Второй періодъ, самый плодотворный, ознаменовался новыми измѣненіями, изъ которыхъ наиболѣе выдающіяся: іотацизмъ, уничтожающій измѣнчивость гласныхъ и ихъ ассимилацію, приглушеніе короткаго *a*, переходъ его въ *e* (duša — duše; naděja — naděje; házati — házeti), укороченіе гласныхъ (dievka — dívka; rieci — říci, biely — bílý) и разложеніе гласныхъ: *ó* въ *uo*, и *ú* въ *au* (bóh — buoh; vrahóv — vrahuov; úd — aud; súd — saud),

Среди перемѣнъ въ согласныхъ отмѣтимъ среднее *l* замѣнившее старое твердое *ł* (słuha — sluha; mały — malý), упраздненіе рядомъ стоящихъ свистящихъ согласныхъ (šćit — štít; čřepina — třepina).

Измѣненія наиболѣе значительныя, которыя пережила въ этотъ періодъ грамматическая сущность языка, относятся главнымъ образомъ къ склоненію, особенно словъ мужского рода, и къ спряженію, въ области образованія сложныхъ временъ. Наконецъ все построеніе фразъ, такое же свободное и независимое, какъ построеніе въ латинскомъ языкѣ, тѣснѣе связывается съ логическимъ порядкомъ идей.

Нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій, относятся правда къ XIV в., но во всякомъ случаѣ приняты они были въ жизнь лишь въ слѣдующемъ вѣкѣ.

Самая яркая реформа, которую XV вѣкъ принесъ чешскому языку, относилась къ орѳографіи, очень неточной до того времени. Заслуга этой чрезвычайно важной реформы принадлежитъ Яну Гусу, вдвойнѣ замѣчательному въ исторіи Чехіи, выдвинувшемуся, какъ богословъ и какъ грамматическій дѣятель.

Непостоянство, царившее въ чешской орѳографіи до Гуса, объяснялось, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что буквъ, заимствованныхъ изъ латинскаго алфавита, было недостаточно для того, чтобы воспроизводить нѣкоторые особенные звуки, присущіе лишь чешскому языку. Чешскіе писатели XIII и XIV вв., очень затрудненные въ

передачѣ шипящихъ и свистящихъ звуковъ своей родной рѣчи, прибѣгали къ неудобному сочетанію двухъ, трехъ согласныхъ для передачи одного звука. При полномъ отсутствіи правилъ, узаконяющихъ правописаніе, получалось прискорбное непостоянство орѳографіи, угрожавшее чистотѣ языка.

Янъ Гусъ, желая исправить этотъ важный недостатокъ, изобрѣлъ отличительныя точки и черточки, которыя, помѣщенныя надъ гласными, придавали этимъ послѣднимъ желаемый звукъ и силу.

Опрокинутый крючокъ, замѣнившій впослѣдствіи точку, служитъ для смягченія звука, маленькая черточка, похожая на запятую, помѣщенная надъ гласной — означаетъ ея удлиненіе.

Какъ ни просто было это изобрѣтеніе, оно очень медленно проникало въ жизнь, такъ какъ жестокія религіозныя войны, скоро послѣ смерти Яна Гуса обагрившія кровью всю Чехію, пріостановили надолго въ этой несчастной странѣ всякое литературное движеніе.

И только уже въ XVI вѣкѣ, благодаря рвенію Чешскихъ Братьевъ, зарождается снова чешская литература. Они оставили намъ многочисленныя литературныя произведенія, замѣчательныя и по своей внутренней цѣнности и по законченности своей формы.

Полное истощеніе умственное, моральное и матеріальное, которому подверглась страна послѣ

битвы подъ Бѣлой Горой сократило народонаселеніе Чехіи съ трехъ милліоновъ до восьмисотъ тысячъ, каковой фактъ послужилъ къ вящему обѣднѣнію и порчѣ народнаго языка.

Но, какъ ни забитъ, какъ ни запущенъ онъ былъ на протяженіи болѣе чѣмъ ста лѣтъ, изгнанный изъ школъ, изъ административныхъ учрежденій, презираемый высшими классами общества, онъ все же не былъ вычеркнутъ изъ числа живыхъ языковъ. Найдя прочную основу въ народныхъ массахъ, онъ сохранился тамъ по естественному закону, ожидая часа національнаго пробужденія. И въ тотъ самый моментъ, когда нѣмецкій яз. былъ предписанъ оффиціальнымъ языкомъ для всей территоріи Австрійской имперіи, готовясь окончательно вытѣснить чешскій языкъ, послѣдній, благодаря сильнѣйшимъ усиліямъ чеховъ, возрождается снова, оказывая германизаторскимъ тенденціямъ вѣнскаго правительства сопротивленіе, которое ничто уже не могло сломить.

3. Тогда начинается третій періодъ въ исторіи чешскаго языка, спасшагося отъ вѣрной смерти благодаря священному огню, охватившему весь народъ. Онъ начинаетъ снова возрождаться въ современныхъ намъ литературѣ и наукѣ. Но нельзя было бы вскрыть удивительнѣйшую эволюцію въ развитіи интеллектуальномъ и національномъ чешскаго народа, не вспомнивъ о чешскихъ патріотахъ, ученыхъ и писателяхъ, которые приняли

участіе въ героической борьбѣ всей націи за ея родной языкъ, за ея индивидуальность, за ея незыблемыя права, къ величайшей благодарности всего славянскаго міра, не назвавъ имена Добровскаго, Юнгманна, Коллара, Шафарика и Палацкаго.

*PB-7200-21
75-37T
C

PERMA-BOUND

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
943.71 D41BR C001
Vozrozhdenîe Chekhîi : iz knigi Chekh
3 0112 094423560